

ИМПЕРИАЛИЗМ

ИМПЕРИАЛИЗМ

События
Факты
Документы

Н.В. ПАВЛОВ
А.Н. СИДОРОВ

АМЕРИКАНСКИЕ
«ЕВРОРАКЕТЫ»

NUCLEAR ARMS NO
PEACE YES

Н.В.ПАВЛОВ
А.Н.СИДОРОВ

АМЕРИКАНСКИЕ
«ЕВРОРАКЕТЫ»

ИМПЕРИАЛИЗМ

ИМПЕРИАЛИЗМ

События
Факты
Документы

**Н.В.ПАВЛОВ
А.Н.СИДОРОВ**

**АМЕРИКАНСКИЕ
«ЕВРОРАКЕТЫ»**

**ВОЕННАЯ УГРОЗА
И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ШАНТАЖ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

1984

Павлов Н. В., Сидоров А. Н. Американские „евроракеты“: военная угроза и политический шантаж. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984, 256 с.

В книге рассматривается комплекс проблем, связанных с размещением новых американских ядерных ракет в Европе. Авторы прослеживают предысторию вопроса, анализируют эволюцию военных доктрин НАТО, выявляют подлинные интересы США и их западноевропейских союзников, показывают настойчивую борьбу СССР за ограничение и сокращение ядерных вооружений в Европе. На основе многочисленных документов авторы убедительно демонстрируют, что планы размещения „евроракет“ являются частью стратегического курса Соединенных Штатов на достижение военного превосходства, инструментом политического и военного давления.

Для специалистов-историков и международных, всех, интересующихся внешнеполитическими проблемами.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Рецензенты:

доктор исторических наук *Н. М. Никольский*
кандидат исторических наук *А. С. Манькин*

Н. В. ПАВЛОВ, А. Н. СИДОРОВ. АМЕРИКАНСКИЕ „ЕВРОРАКЕТЫ“: ВОЕННАЯ УГРОЗА И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ШАНТАЖ

Заведующая редакцией Н. М. Сидорова. Редактор Г. В. Кошелева. Обложка художника А. С. Широкова. Художественный редактор Б. С. Вехтер. Технический редактор Г. Д. Колосова. Корректоры М. И. Эльмус, Н. И. Коновалова.
КБ № 35-1-83. ИБ № 1922

Сдано в набор 03.08.83. Подписано к печати 01.11.83 Л-95541. Формат 84/1081/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура Пресс-Роман. Высокая печать. Усл. печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 11,99. Тир. 25 000 экз. Зак. 1120. Цена 60 коп. Изд. № 2917.

Ордена „Знак Почета“ издательство Московского университета 103009, Москва, ул. Герцена, 5/7. Оригинал-макет набран в изд-ве „Юридическая литература“, ул. Качалова, д. 14. Отпечатано в типографии № 6 Союзполиграфпрома, Москва, 109088, Южно-портовая ул., 24

П 0801000000 - 185 КБ № 35 - 1 - 83
077(02) - 84

© Издательство Московского университета, 1984 г.

Введение

Гонка вооружений, подхлестываемая империалистическими кругами во главе с США, тяжким бременем ложится на плечи народов.

По данным ООН, после второй мировой войны только прямые расходы на вооружения обошлись человечеству более чем в 6000 млрд. долларов (в ценах 1975 г.), что почти равно совокупному валовому национальному продукту всего мира в 1975 г. Ежегодно возрастая почти на 5 %, военные расходы за последние полвека увеличились в 10 раз в реальном выражении¹.

Каждую минуту 1981 г. на вооружения в мире расходовался 1 миллион долларов. Военные расходы достигли 550—600 млрд. долларов в год, что составляет около 6 % мирового производства товаров и услуг, четверть вложений в основной капитал². Примерно 25% научных работников мира заняты исследованиями, связанными с военными целями. После второй мировой войны на эти цели шло около 40% расходов на исследования и разработки³. Причем, как показано в докладе Генерального секретаря ООН „Экономические и социальные последствия гонки вооружений и военных расходов” (1978 г.), военные исследования не только не способствуют техническим открытиям в гражданском секторе, но и препятствуют им⁴.

Молох войны заставляет служить себе колоссальные массы людей. Численность вооруженных сил во всем мире составляет приблизительно 22 млн. человек, около 60 млн. военных и гражданских лиц занято в областях, связанных с военной деятельностью. Это равно численности всей

рабочей силы в обрабатывающей промышленности Европы (без СССР) и составляет 70% всего трудоспособного населения США⁵.

Наращивание вооружений не просто отвлекает людские и материальные ресурсы, остро необходимые для решения экономических и социальных проблем человечества, оно обостряет эти проблемы. Военные соображения искажают развитие гражданских секторов экономики капиталистических государств, заставляя экономить на здравоохранении, образовании, социальном обеспечении. Военные расходы обостряют проблемы инфляции, внешнего торгового и платежного баланса стран. Они способствуют росту безработицы. Согласно составленным в США официальным прогнозам, 1 млрд. долларов, израсходованных на военные цели, создает 76 тыс. рабочих мест, а будучи истрачен на гражданские правительственные программы — более 100 тыс. Снижение налогов за счет сокращения военного бюджета на 10% могло бы уменьшить число безработных на 300 тыс. человек⁶.

Гонка вооружений наносит непоправимый ущерб окружающей среде, не говоря уже о том, что она отвлекает финансовые и научные ресурсы, которые могли бы способствовать решению экологических проблем. Вооруженные силы являются крупными потребителями ряда невозобновляемых природных ресурсов, прежде всего металлов и топлива. По некоторым данным, потребление топлива военными самолетами в мирное время составляет одну треть общего его потребления в США⁷.

Но как бы впечатляющи ни были эти цифры, главное состоит в том, что гонка вооружений подрывает международную безопасность, усиливает угрозу войны, отравляет атмосферу в межгосударственных отношениях. Наиболее дорогостоящей⁸ и одновременно представляющей наибольшую опасность для мира, для человечества, является гонка ядерных вооружений. Накопленные к на-

стоящему времени запасы ядерного оружия в миллион раз превышают мощность бомбы, сброшенной на Хиросиму⁹. Ядерная война означала бы гибель современной цивилизации, а может быть и человека как биологического вида.

Сознание этой грозной опасности заставляет миллионы людей объединяться в рядах движения за мир. Мир — это общечеловеческая ценность, на страже которого должны быть все страны, все люди на земле. Ни для одного народа нет сейчас вопроса более важного, чем сохранение мира, чем обеспечение первейшего права каждого человека — права на жизнь¹⁰.

Борьба за мир, за разоружение как самое надежное средство обеспечения мира на земле и условие прогрессивного развития человечества была и остается главным направлением внешней политики КПСС и Советского государства. При этом особые усилия направляются на запрещение ядерного оружия. Уже 19 июня 1946 г. СССР внес в Комиссию ООН по атомной энергии проект международной конвенции о принятии государствами обязательств не применять атомного оружия и в трехмесячный срок уничтожить его запасы. С тех пор Советский Союз ни на один день не прекращал борьбу за запрещение ядерного оружия.

Частичными успехами на пути к решению этой задачи явились:

- Договор об Антарктиде (был открыт для подписания 1 декабря 1959 г. и вступил в силу 23 июня 1961 г.)^{*};

- Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой — Московский договор (подписан в Москве 5 августа 1963 г. представителями СССР, США и Великобритании и вступил в силу 10 октября 1963 г.);

^{*} Статья V запрещает „любые ядерные взрывы в Антарктиде и удаление в этом районе радиоактивных материалов”

● Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (был открыт для подписания 27 января 1967 г. и вступил в силу 10 октября 1967 г.)* ;

● Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в Латинской Америке — Договор Тлателолко (был открыт для подписания 14 февраля 1967 г. и вступил в силу 25 апреля 1969 г.) ;

● Договор о нераспространении ядерного оружия (был открыт для подписания 1 июля 1968 г. и вступил в силу 5 марта 1970 г.) ;

● Соглашение о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны между СССР и США (подписано в Вашингтоне 30 сентября 1971 г.) ;

● Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения (был открыт для подписания 11 февраля 1971 г. и вступил в силу 18 мая 1972 г.) ;

● Временное соглашение между СССР и США о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (подписано в Москве 26 мая 1972 г. и вступило в силу 3 октября 1972 г.) ;

● Договор между СССР и США об ограничении систем противоракетной обороны (подписан в Москве 26 мая 1972 г. и вступил в силу 3 октября 1972 г.)** ;

● Соглашение между СССР и США о предотвращении ядерной войны (подписано в Вашингтоне 22 июня 1973 г.) ;

● Соглашение между СССР и Францией о предупреждении случайного или несанкционированного применения ядерного оружия (заключено в Москве 16 июля 1976 г. в форме обмена письмами между министрами иностранных дел СССР и Франции) ;

● Соглашение между правительствами СССР и Великобритании о предотвращении случайного возникновения ядерной войны (подписано в Москве 10 октября 1977 г.) .

* Запретил выводить на орбиту вокруг Земли объекты с ядерным оружием.

** В 1974 г. дополнен Протоколом к Договору.

В одностороннем порядке Советский Союз заявлял, что не будет применять ядерного оружия против стран, не обладающих этим видом вооружений и не имеющих его на своей территории. В последующем это обязательство было расширено. На второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению в июле 1982 г. до сведения международного сообщества было доведено об отказе Советского Союза от использования ядерного оружия первым против кого бы то ни было. Это обязательство, вступившее в силу со дня оглашения, явилось убедительным подтверждением серьезности стремления СССР к ядерному разоружению.

Иную позицию занимают империалистические державы. Они — и прежде всего Соединенные Штаты — не оставляют попыток добиться военного превосходства над Советским Союзом путем создания все новых, все более опасных видов вооружений.

К концу 60-х годов Советский Союз достиг паритета с США в области межконтинентальных ядерных средств.

Это означает, что сложилось такое положение, при котором „военно-стратегические возможности СССР и США примерно одинаковы”¹¹. Если США опережали СССР по одним каким-либо частным характеристикам или компонентам стратегических ядерных сил, то Советский Союз опережал Соединенные Штаты по другим. В ежегоднике находящегося в Лондоне Международного института стратегических исследований паритет рассматривается как ситуация, при которой „ни одна из сторон не обладает таким превосходством, которое сделало бы риск нанесения ядерного удара по другой стороне сколько-нибудь оправданным”¹².

Соединенные Штаты вынуждены были пойти на переговоры об ограничении стратегических вооружений. Благодаря неустанным усилиям СССР и реализму, проявленному американской стороной, удалось заключить Временное соглашение об огра-

ничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1), а также Договор об ограничении систем противоракетной обороны. Однако США попытались добиться военного превосходства над СССР, используя последнее достижение своей ракетной техники — ракеты с разделяющимися головными частями индивидуального наведения, на которые не распространялось соглашение ОСВ-1. Нашей стране пришлось разработать соответствующую технологию. В результате американские политики были вынуждены пойти на разработку Договора об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2). Этот договор лимитировал не только число носителей ядерного оружия, но и суммарное число боеголовок у каждой стороны.

Однако и в дальнейшем в США не расстались с надеждой сломать сложившийся между СССР и Соединенными Штатами ядерный паритет с помощью новых видов ядерного оружия: стратегического, средней дальности, тактического.

Общепризнанных критериев деления оружия на эти три вида не существует. „Например, различие между тактическим и стратегическим ядерным оружием всегда в большей степени определялось, исходя из предположений относительно его использования, а не из каких бы то ни было присущих самому оружию тактико-технических характеристик”¹³. Западные стратеги предпочитают говорить о „тактическом” применении ядерного оружия, причем одни связывают это с ограничениями географического характера (зона непосредственных боевых действий), другие вводят ограничения в зависимости от характера поражаемых объектов или решаемых задач. С точки зрения последних, даже „селективное” использование стратегического оружия для нанесения удара по советским резервам, предназначенным для ответных действий в Европе, но находящимся на территории Советского Союза, должно расцениваться как „тактическое”. Согласно заявлениям официальных американских представителей стратегическое оружие предназначено для использования в стратегической войне, в ходе которой удары будут наноситься по территориям СССР и

США, а тактическое — в ядерных конфликтах на театрах военных действий¹⁴.

На практике нередко применяется классификация ядерного оружия по чисто формальному признаку — в зависимости от его дальности действия. К стратегическим в этом случае относят средства межконтинентальной дальности (более 5 — 5,5 тыс. км). Иногда их называют „центральными стратегическими системами”. Оружие средней дальности определяют как имеющее радиус действия 1 — 5 тыс. км, малой дальности — до 1 тыс. км.

Дополнительно ядерные системы — кроме стратегических — подразделяют на оружие большой (свыше 1 тыс. км), средней (200 — 1000 км) и малой (до 200 км) дальности¹⁵. В США первую категорию (объединяя ее иногда со второй) принято называть ядерным оружием промежуточной дальности или ядерным оружием большой дальности на театре войны (по советской классификации — ядерное оружие средней дальности). Последнюю, третью категорию в США именуют ядерным оружием поля боя, в СССР — тактическим ядерным оружием. Граница между этими видами вооружения, учитывая практически неизбежное перерастание любых ядерных конфликтов во всеобщую катастрофу, весьма условна.

В декабре 1979 г. НАТО приняла решение разместить около 600 новых американских ракет средней дальности с ядерными боеголовками — „Першинг-2” и крылатых ракет — в ряде западноевропейских стран. В связи с этим проблема ядерного оружия средней дальности в Европе приобрела на рубеже 80-х годов особую актуальность.

Декабрьское решение НАТО представляет собой попытку изменить в пользу Запада сложившееся военное равновесие в Европе и в глобальном масштабе, которое стало условием поддержания мира и важнейшей предпосылкой процесса разрядки. Планы развертывания новых ядерных ракет средней дальности — составная часть общей империалистической стратегии, курса США и НАТО на достижение военного превосходства над СССР. Этот курс определяет и непомерное наращивание стратегических сил США.

Европа — континент, где уже дважды вспыхивали мировые пожары. Здесь непосредственно противостоят друг другу силы НАТО и Организации Варшавского Договора. Вооруженный конфликт в Европе неизбежно перерастет в глобальную ядерную катастрофу.

По своим тактико-техническим данным новые американские ракеты средней дальности — оружие первого удара, оружие нападения, оружие агрессии.

Наконец, из-за позиции американской стороны ядерное оружие средней дальности не было предметом прежних переговоров и не подпадает ни под одно из существующих соглашений. Выработка любого договора требует как минимум времени. Между тем, когда США согласились приступить к переговорам, решение о развертывании в Западной Европе ракет „Першинг-2” и крылатых ракет было уже принято, были выделены средства на их производство, развернуто строительство пусковых площадок, ремонтных баз и т. д.

Все это определило роль „евроракет” как одного из главных препятствий на пути к поддержанию прочного мира.

Пожалуй, немногие политические решения трагивали интересы столь большого числа государств, как декабрьское решение НАТО. Инициаторами его стали руководители США и ФРГ. Их поддержали правительства Великобритании, Италии. Одобрительно отнеслись к натовским планам избранный в 1981 г. президент и новое правительство Франции, хотя эта страна не участвует в военной организации блока. Меньше энтузиазма проявили другие государства — члены пакта.

Принятие декабрьского решения НАТО было продиктовано различными соображениями. Причем мотивы, которыми руководствовались американская администрация и западноевропейские союзники, далеко не идентичны. Объединенные общими империалистическими интересами, они единым фронтом противостоят силам мира и прогресс-

са, но в „атлантическом концерте” у каждого есть и свой мотив. Хотя США настойчиво добивались решения о производстве и размещении в Европе новых ракет, в самом факте принятия этого решения нельзя видеть лишь результат нажима заокеанского партнера на его западноевропейских союзников. В Западной Европе пытаются использовать „евроракеты” как козырь в собственной игре. Для одних это в первую очередь средство укрепить „атлантические” отношения. Другие рассчитывают главным образом извлечь выгоды, оказавшись в роли посредника между СССР и Соединенными Штатами. Третьи надеются воспользоваться в своих интересах ситуацией, если НАТО удастся с помощью „евроракет” оказать нажим на Советский Союз. Для четвертых не последнюю роль играют внутривластные соображения: согласие на размещение американских ракет представляет уступку проатлантическим, правым, антисоветским силам.

И во внутри-, и во внешнеполитическом плане „евроракеты” еще до начала размещения их в Западной Европе были превращены в объект сложной политической игры со множеством участников. Страны НАТО попытались использовать их как средство политического шантажа в отношениях не только с СССР, но и между собой: Соединенные Штаты шантажировали своих европейских союзников, западноевропейские страны — США и друг друга.

В отличие от своих правительств общественность западных стран не была охвачена ажиотажем вокруг опасных политических „игр”, за которыми увлекшиеся политики забыли, что поставлено на карту. Декабрьское решение НАТО вызвало и в Европе, и в США, и в других странах мощное движение протеста. На общей платформе борьбы против размещения новых видов американского ядерного оружия в Европе люди объединились независимо от политических взглядов, религиозных убеждений, социальной принадлежности. Позиции

партий по внешнеполитическим вопросам оцениваются в свете их отношения к размещению оружия средней дальности. Это вынуждает некоторые западноевропейские правительства проявлять определенную сдержанность в отношении натовских планов. По крайней мере на словах. Дискуссии о „евроракетах” стали катализатором размежевания политических сил на Западе. Во многих политических партиях окрепли оппозиционные течения, поддерживающие идею проведения миролюбивой внешней политики.

Советский Союз, страны — участницы Варшавского Договора неизменно выступают за полный вывод ядерного оружия из Европы, как средней дальности, так и тактического. Учитывая объективные трудности на пути к этой цели и те, которые искусственно воздвигаются Западом, они неоднократно предлагали путем переговоров решить вопрос о сокращении ядерных арсеналов в Европе в качестве шага к ликвидации здесь этих видов оружия. Советский Союз давно выступал с инициативами о крупных сокращениях — не на десятки, а на сотни единиц оружия. Не было недостатка и в компромиссных, учитывающих позицию Запада, предложениях. Серьезность намерений СССР была подтверждена такими актами доброй воли, как введение одностороннего моратория на развертывание ракет средней дальности, способных поражать цели в Западной Европе, демонтаж части таких ракет.

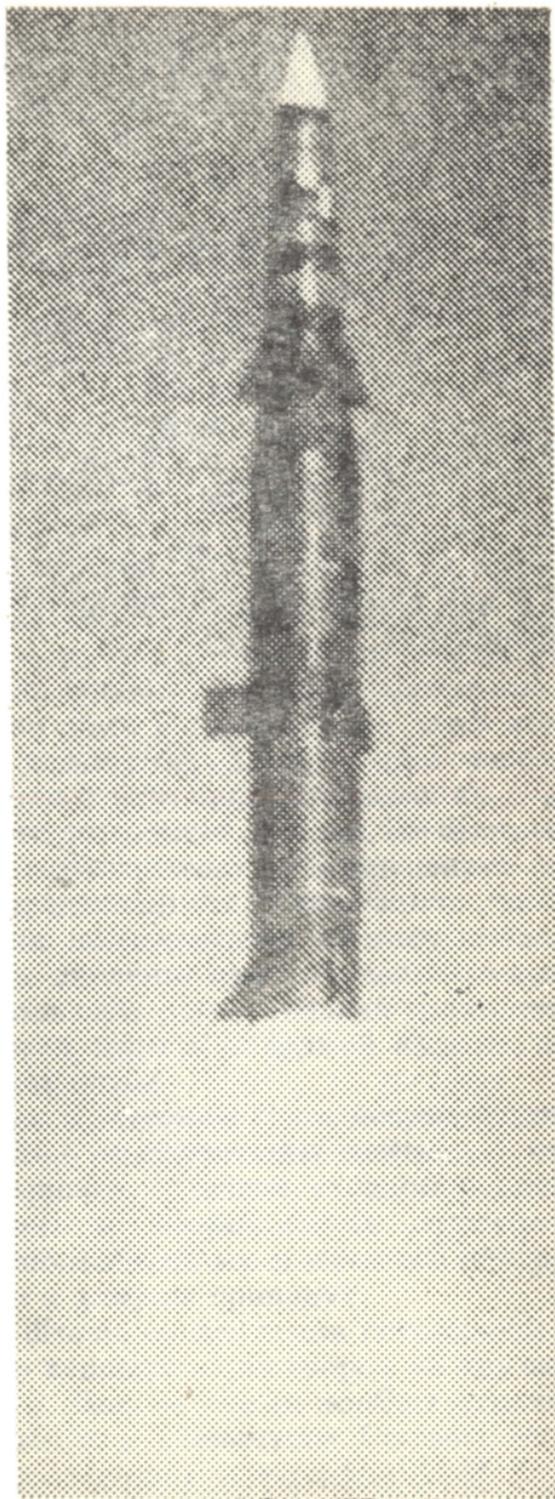
В то же время Советский Союз неоднократно указывал западным политическим деятелям, что попытки разговаривать с нашей страной с позиции силы, опираясь на американские „евроракеты”, попытки использовать их в качестве инструмента шантажа ни к чему не приведут.

Соединенные Штаты не проявили готовности к конструктивному ведению переговоров об оружии средней дальности. Долгое время вообще отказываясь от обсуждения с Советским Союзом этой проблемы, они выступили в октябре 1981 г. с

предложением, предусматривающим ликвидацию советских ракет средней дальности в обмен на отказ США от развертывания новых видов „евростратегического” оружия. Это предложение, реализация которого дала бы НАТО колоссальный перевес в военной области, естественно, не могло служить основой для переговоров. Лишь давление со стороны общественного мнения внутри страны и требования западноевропейских союзников по НАТО, которые также испытывали нажим со стороны широких народных масс в своих странах, вынудили их начать переговоры, которые открылись в ноябре 1981 г. в Женеве.

Результаты борьбы по вопросу о „евроракетах” определяют лицо мира будущего: „решается вопрос не только о том, какими будут 80-е годы, но и как сложится обстановка в более отдаленной перспективе”¹⁶.

АМЕРИКАНСКИЕ «ЕВРОРАКЕТЫ»»

Американская баллистическая ракета средней дальности „Першинг-2“. В соответствии с решением НАТО от 12 декабря 1979 г. 108 таких ракет будет развернуто на территории ФРГ.

Глава I

АМЕРИКАНСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА РАЗРЯДКЕ

Главной тенденцией развития международных отношений в 70-е годы явилась тенденция к разрядке международной напряженности.

Разрядка — очень широкое понятие. Она означает внедрение в практику международных отношений ленинских принципов мирного сосуществования¹. Это „прежде всего преодоление „холодной войны“, переход к нормальным, равным отношениям между государствами. Разрядка — это готовность разрешать разногласия и споры не силой, не угрозами и бряцанием оружием, а мирными средствами, за столом переговоров”². Это в первую очередь — „общий настрой” государств и их руководителей на мирное сотрудничество; это — „нормальное общение между странами, между народами, добросовестное соблюдение норм международного права, уважение суверенитета каждой страны и невмешательство во внутренние дела друг друга”; это — постоянное стремление практическими делами содействовать обузданию гонки вооружений, „стремление укреплять безопасность на основе постепенного углубления взаимного доверия на справедливых и обоюдных началах”. В сущности, разрядка — это средство обеспечить мирное будущее для человечества³.

Переход от „холодной войны” к разрядке был связан в первую очередь с изменениями в соотношении сил на международной арене. Запад был вынужден считаться с экономическими достижениями СССР; уровнем его научно-технического разви-

тия, ростом его авторитета и политического влияния, укреплением сплоченности социалистического содружества, успешным развитием отношений СССР с освободившимися странами Азии, Африки и Латинской Америки.

Обеспечивая безопасность нашей страны и всего социалистического содружества, Советский Союз к концу 60-х годов достиг примерного равенства с США в области стратегического ядерного оружия. Это было очередным ударом по надеждам западных политиков и военных получить военное превосходство над СССР, использовать его в качестве средства политического давления.

Потерпели крах и попытки „размягчения социализма изнутри”. Это наглядно продемонстрировал провал контрреволюционного мятежа в Чехословакии в 1968 г.

Определенное влияние оказывали на правительства западных стран и требования тех представителей деловых кругов, которые заинтересованы в развитии экономических связей с социалистическими странами. Все настойчивее прокладывала себе дорогу объективная тенденция к развитию системы мировых экономических связей.

Большую роль сыграло то, что КПСС и Советское государство сумели четко определить основные задачи практической деятельности по укреплению международного мира и безопасности.

Заключенный 12 августа 1970 г. договор между СССР и ФРГ, а также последовавшие за ним договоры Западной Германии с Польшей, ГДР и Чехословакией закрепили признание послевоенных реальностей в Европе со стороны ФРГ, включая принцип нерушимости границ. Наряду с подписанным в 1971 г. Четырехсторонним соглашением по Западному Берлину эти договоры в значительной степени содействовали ликвидации очага напряженности, существовавшего на Европейском континенте более четверти века.

Важную роль в создании конструктивной основы для налаживания добрососедского сотрудни-

чества в Европе и в более широких масштабах сыграли советско-американские договоренности, достигнутые в 70-х годах. В них признавалось, что сохранение мира и мирное сосуществование одинаково необходимы как Востоку, так и Западу. Были заключены важные договоры и соглашения: о предотвращении ядерной войны, о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений, об ограничении систем противоракетной обороны. Начались переговоры между СССР и США по уменьшению военной активности в зоне Индийского океана, по вопросам запрещения или ограничения различных видов вооружений, об ограничении торговли оружием и др. В 1979 г. был подписан Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2).

Развитие сотрудничества между СССР, другими европейскими социалистическими странами, с одной стороны, и западноевропейскими государствами и США — с другой, сделало возможным созыв Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и подписание в 1975 г. его Заключительного акта, названного кодексом разрядки. „Благодаря успешному завершению общеевропейского совещания мир в Европе стал более устойчивым, развитие международных отношений в Европе в направлении решения проблемы ее безопасности поднялось на качественно более высокую ступень”⁴.

Разрядка международной напряженности вызвала дальнейшую активизацию международного сотрудничества в области политики, экономики, науки и техники, культуры и в других областях.

В 70-е годы между СССР и США было заключено и действовало около 60 соглашений — от документа об основах взаимоотношений между двумя странами и до соглашений о взаимовыгодном сотрудничестве в самых различных областях — от медицины до изучения и освоения космического пространства. Одним из примеров возможности и плодотворности советско-американ-

ского сотрудничества явился совместный космический полет „Союз”—„Аполлон” в июле 1975 г.

Однако стремление империалистических государств к проведению „жесткого курса” в международных делах не исчезло, оно только отступило на второй план. На рубеже 80-х годов „в политике США и ряда других стран НАТО произошел крутой поворот. Там верх снова взяли круги, которые ориентируются на силу в международных делах, не приемлют исторически обусловленных перемен, совершающихся в мире, и задались целью во что бы то ни стало изменить в свою пользу соотношение сил на мировой арене”⁵.

Тенденция к разрядке в советско-американских отношениях встретила сопротивление сил, связанных с военно-промышленным комплексом (ВПК) США. Об этом элементе экономической и политической структуры еще президент Д. Эйзенхауэр говорил в прощальном выступлении перед страной, что его влияние — „экономическое, политическое, даже духовное — ощущается в каждом городе, в законодательном собрании каждого штата, в каждой канцелярии федерального правительства”. Производя сравнительно небольшую часть валового национального продукта, ВПК представляет ключевое звено в экономике и политике.

После прекращения агрессии США во Вьетнаме ведущие американские военные корпорации — „Локхид”, „Грумман”, „Дженерал дайнэмикс”, „Боинг” и другие — предприняли меры по диверсификации производства, увеличению доли мирной продукции. Однако при этом они столкнулись с финансовыми затруднениями и стали демонстрировать „неспособность и нежелание перестраивать производство на мирный лад, допустить какое бы то ни было сокращение ассигнований государства на производство вооружений”, отказываться от гарантированных сверхприбылей⁶.

Во второй половине 70-х годов Соединенные Штаты в определенной мере оправались от кризи-

са, вызванного агрессией во Вьетнаме и уотергейтским скандалом. В повестку дня было поставлено „восстановление величия Америки”, активизация ее внешней политики, опирающейся на силу, возвращение к роли „мирового жандарма”.

Еще за полгода до выборов 1980 г. в США, в результате которых к власти пришла администрация Рейгана, так называемый „комитет Санта-Фе” разработал для кандидата в президенты от республиканской партии документ под названием „Новая межамериканская политика на 80-е годы”. Речь шла о политике на американском континенте, но фактически провозглашалась глобальная внешнеполитическая стратегия, направленная на возобновление претензий США на мировое господство. В документе содержались, например, такие положения: „нормой в международных отношениях следует считать войну, а не мир”; „недостаточно лишь сдерживать СССР. Разрядка напряженности мертва”; „либо мир на советских условиях, либо установление американской власти над всей планетой”⁷.

С победой кандидата от республиканцев на выборах эта программа начала приобретать черты официальной политики. Правительство США стало произвольно нарушать договоры, соглашения и договоренности, достигнутые с СССР в тех или иных областях, прервало переговоры по ряду вопросов разоружения. Предпринимаются попытки осложнить отношения Советского Союза с западноевропейскими странами. Все более бесцеремонно вмешиваются Соединенные Штаты в дела других государств, провоцируют кризисы и конфликты в различных регионах мира.

Разрядку все громче начали поносить как „улицу с односторонним движением”, т. е. будто бы выгодную только социалистическим странам. „Американская администрация утверждает, что период разрядки пошел на пользу якобы только социалистическим странам, а для Запада обернулся крупными издержками. Отсюда заключается,

что внешняя и военная политика США и заодно всего блока НАТО должна быть радикально пересмотрена, должен быть создан такой военный потенциал, который обеспечивал бы Вашингтону решение с позиции превосходства любой интересующей его международной проблемы”⁸.

Выступая перед британским парламентом 8 июня 1982 г., Рейган провозгласил „крестовый поход” против коммунизма. Решение о производстве и размещении в Европе новых американских ракет средней дальности является составной частью этой общей империалистической стратегии. С целью ее обоснования вновь был пущен в оборот тезис о „советской угрозе”.

Сколько лет мифу
о „советской
угрозе”?

Легенде об „угрозе с Востока” столько же лет, сколько и самому Советскому Союзу, заявил на страницах западногерманской печати голландский генерал М. Х. фон Мейенфилдт, возглавлявший в свое время Королевскую военную академию в г. Бреда. Он подчеркнул, что разнузданная антисоветская кампания на Западе приобрела в настоящее время характер „психологической войны”, „войны накануне войны”, нацеленной на форсированную подготовку общественного мнения западных стран к военной конфронтации с социалистическими государствами. Легенда об „опасности с Востока”, писал М. Х. фон Мейенфилдт, „играет в настоящее время такую же роль для оправдания агрессивных войн, какую она сыграла в свое время для убеждения общественного мнения Германии в необходимости фашистской агрессии. До сегодняшнего дня она появляется во все новых вариантах”⁹.

Еще в 1917 г., сразу же после Великой Октябрьской социалистической революции, на Западе

заговорили о „красном милитаризме” русской революции, которая якобы угрожает цивилизованному миру. 16 марта 1919 г. газета „Нью-Йорк таймс” писала: „Большевизм означает хаос, повсеместные убийства и поголовное истребление цивилизации”. И это было написано тогда, когда американские и английские десанты были высажены в Мурманске и Архангельске, когда японские, английские и американские войска заняли Владивосток, а французские и британские батальоны вступили в Одессу.

Однако многие буржуазные общественные и политические деятели уже тогда, когда Советская власть еще делала свои первые шаги, дали правильную оценку политике партии большевиков. Видный французский политический деятель Э. Эррио писал о миролюбивой политике Советского правительства и ее органической связи с задачами Октябрьской революции: если большевики победили, „то потому, что они ставили во главе своей программы идею достижения мира...”¹⁰. Американский публицист Л. Фишер отмечал, что ленинская программа мира носила универсальный характер, а не просто национальный — только для России: „Большевики хотели мира для себя, вместе с тем они хотели окончания мировой войны везде, для всех и во всех странах”¹¹.

Владимир Ильич Ленин дал четкое определение, что является идеалом внешней политики социалистического государства. Он писал: „Окончание войн, мир между народами, прекращение грабежей и насилий — именно наш идеал...”¹² В Декрете о мире Советское правительство выражало надежду, что рабочие всех стран „поймут лежащие на них теперь задачи освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий, что эти рабочие всесторонней решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира”¹³. В. И. Ленин и возглавляемое им Советское правительство в Декрете о мире предложили прекратить первую ми-

ровую войну и заключить мир без аннексий и контрибуций между всеми государствами и народами.

Советское правительство и в дальнейшем отстаивало необходимость скорейшего достижения всеобщего мира. В Обращении СНК от 15 (28) ноября 1917 г. говорилось: „Мы хотим всеобщего мира”¹⁴. В сообщении НКВД от 17 (30) ноября 1917 г. также подчеркивалось, что СНК „считает необходимым единовременное ведение переговоров со всеми союзниками в целях достижения скорейшего перемирия на всех фронтах и обеспечения всеобщего демократического мира”¹⁵.

Несмотря на наличие таких официальных документов Советского правительства, клевета в адрес молодого социалистического государства не только не прекращалась, но принимала все больший размах. 6 сентября 1918 г. британский посланник в Москве передал своему правительству сообщение, в котором говорилось: „Если незамедлительно не положить конец большевизму в России, то это поставит под угрозу цивилизацию во всем мире. Если большевизм не будет истреблен, то он в той или иной форме распространится по Европе...”¹⁶ По распоряжению короля это донесение было зачитано перед английским парламентом.

Гитлер и его пропагандистская машина как эстафетную палочку подхватили миф о „советской угрозе” с тем, чтобы подготовить и оправдать агрессию против народов Европы. Ссылаясь на процитированную телеграмму британского дипломата, фашистские специалисты в области пропаганды заявляли: „Цели этой власти остались с тех пор без изменений...”¹⁷

Сразу же после окончания второй мировой войны, в которой Советский Союз потерял 20 млн. человеческих жизней, эта эстафета была принята руководителями крупнейших империалистических держав. 5 марта 1946 г. в американском городе Фултон (штат Миссури) в присутствии президента США Г. Трумэна выступил бывший английский премьер-министр У. Черчилль. В своей речи он об-

винил СССР в стремлении к мировому господству и „тотальному контролю”, для „противодействия” которому предложил образовать англо-американский военный союз. Основными целями этого союза были провозглашены борьба „с восточным коммунизмом” и подчинение мира „ассоциации англоязычных народов”.

Так был положен первый камень в фундамент будущего агрессивного военно-политического блока НАТО. Так было положено начало периоду „холодной войны”, идейным стержнем которой продолжала оставаться легенда об „угрозе с Востока”.

Легенда о „советской угрозе” и тезис о необходимости „устрашения” СССР составили два неразрывно связанных „аргумента”, приводимых в оправдание антикоммунистической политики и стратегии блока. Как признает западногерманский историк М. Дорман, „если руководство демократического государства берет на вооружение политику устрашения, то для него появляется необходимость... укоренить в сознании всех своих граждан мысль о существовании коммунистической угрозы”¹⁸.

Чтобы объективно показать, кто и кому в действительности угрожает и бросает вызов, кто начал и на протяжении более трех десятилетий продолжает во всевозрастающих темпах гонку вооружений, кто безудержно наращивает свою военную мощь и создает реальную угрозу миру и безопасности народов, следует обратиться к фактам.

По данным института Брукинга (США), за период с 1946 по 1975 г. Соединенные Штаты 215 раз прямо или косвенно прибегали к использованию вооруженных сил и угрожали другим странам военным вмешательством. 19 раз на повестку дня в Вашингтоне ставился вопрос о применении ядерного оружия, в том числе в четырех случаях угроза адресовалась непосредственно СССР. США были инициаторами или участниками большинства конфликтов после 1945 г.¹⁹

1950 г. — американские войска совместно с южнокорейской военщиной нападают на Корейскую Народно-Демократическую Республику с целью уничтожения там социалистического строя.

1953 г. — по инициативе и при участии ЦРУ в Иране свергнут премьер-министр Моссадык. Добыча нефти в стране переходит в руки американского консорциума. В Иране дислоцируются 46 тыс. американских солдат.

1954 г. — подготовленные инструкторами ЦРУ мятежники при поддержке американской авиации вторглись в Гватемалу и свергли демократическое правительство Арбенса.

1958 г. — во взаимодействии с кораблями 6-го флота США подразделения морской пехоты и сухопутных войск общей численностью 14 тыс. человек высадились в Ливане и оказали помощь реакционному правительству в борьбе против массовых выступлений народа.

1961 г. — американские самолеты подвергают бомбардировке Гавану и другие кубинские города. С ведома президента США Кеннеди под руководством ЦРУ и при поддержке американского флота и военно-воздушных сил на Кубу вторгаются обученные в США и там же вооруженные контрреволюционеры.

1962—1973 гг. — кровавая агрессия США против народов Индокитая, последствия которой дают о себе знать по сей день. В ней участвовали войска численностью более 600 тыс. человек, поддерживаемые авиацией и боевыми кораблями.

1964 г. — США и Бельгия осуществляют интервенцию в Конго (ныне Заир), с тем чтобы спасти террористический режим Чомбе. Американские ВВС бомбардируют части патриотических сил, тысячи интервентов устраивают в Конго кровавую резню.

1965 г. — американская морская пехота и воздушный десант вторглись в Доминиканскую Республику, подавили народное восстание и поставили у власти контрреволюционную хунту.

1967 г. — в Восточном Средиземноморье и в Красном море во время израильской агрессии против Египта, Сирии и Иордании США предоставляют Израилю в этих районах военно-морские прикрытия и несут 80% военных расходов.

1973 г. — в результате военного мятежа, подготовленного при участии ЦРУ, совершен фашистский переворот в Чили.

1978 г. — на территории Пакистана ЦРУ создает 30 так называемых специальных лагерей, где вооружаются и обучаются контрреволюционные банды, которые засылаются затем в Афганистан с целью свержения народного правительства, пришедшего к власти в результате Апрельской революции 1978 г.

1979 г. — после победы антишахской революции в Иране США создают боевой штаб для снабжения иранской контрреволюции оружием и использования десятков тысяч бывших шахских солдат. В поддержке контрреволюции особую роль играет посольство США в Тегеране, которое оказывается центром шпионажа. США стягивают у берегов Ирана в Персидском заливе 2 авианосца и 19 военных кораблей. В апреле 1980 г. отряд спецвойск США вторгается в Иран с целью освобождения заложников из числа сотрудников американского посольства.

1983 г. — интервенция против Гренады.

Соединенные Штаты и сейчас продолжают грубо вмешиваться во внутренние дела суверенных государств. Они организуют подрывные акции против Никарагуа и Кубы. Выступают союзниками самых бесчеловечных антинародных режимов, предоставляя им военную и экономическую помощь, обучая карателей кровавому ремеслу. Пример тому — события в Сальвадоре, Гватемале.

США разделяют с Израилем ответственность за его вооруженную агрессию против Ливана, за зверства израильских оккупантов на ливанской земле, в том числе за избиение мирных жителей в лагерях палестинских беженцев Сабра и Шатила. Именно военная и экономическая помощь, политическая и моральная поддержка со стороны Соединенных Штатов позволили Израилю совершить агрессию и рассчитывать на безнаказанность его преступлений.

Вашингтон объявляет различные районы мира „сферами своих жизненных интересов“, хотя порой они находятся за тысячи километров от берегов Америки. В одном из таких районов — на Ближнем Востоке — США разместили свои воору-

женные силы на Синайском полуострове и в Ливане.

Для обеспечения того, что Вашингтон именуется своими „жизненными интересами”, в мире создана густая сеть американских военных баз. Военные флоты США постоянно крейсируют во всех океанах. Корпус „сил быстрого развертывания” готов немедленно направиться на поддержку пошатнувшихся реакционных режимов, на подавление прогрессивных движений, если американский империализм исчерпает средства косвенного вмешательства.

„Заслуги” в создании все новых видов вооружений также принадлежат США.

В 1945 г. Соединенные Штаты Америки испытали и без какой-либо военной необходимости применили атомную бомбу против мирных жителей Хиросимы и Нагасаки. Перед лицом нависшей опасности СССР принял ответные меры, создав свою атомную бомбу.

Так было и в последующем. Инициатором каждого нового витка гонки вооружений были Соединенные Штаты. Центральное разведывательное управление намеренно завышало данные о развитии Советских Вооруженных Сил, что служило толчком к увеличению ассигнований на новые военные программы.

В середине 50-х годов под предлогом „отставания в бомбардировщиках” Пентагон выбил в конгрессе крупные ассигнования и форсировал выполнение широкой программы строительства стратегических бомбардировщиков. Когда в США была построена целая армада таких самолетов, выяснилось, что число советских бомбардировщиков было завышено американцами в 3—4 раза.

В конце 50-х годов, после успешного запуска Советским Союзом искусственного спутника Земли, на Западе был поднят шум вокруг „ракетного отставания” США, и они первыми приступили к массовому развертыванию межконтинентальных ракет наземного базирования²⁰.

К 1961 г., т. е. к тому времени, когда были развернуты военные программы правительства Кеннеди, США уже располагали запасами ядерного оружия мощностью около 30 000 мегатонн, что соответствует примерно 10 т тринитротолуола на каждого жителя Земли. Что же касается средств доставки, то, по свидетельству министерства обороны США, их насчитывалось до 10 тысяч. В том числе более 100 межконтинентальных баллистических ракет и ракет средней дальности, 80 ракет „Поларис“, около 2600 тяжелых бомбардировщиков, а также примерно 1000 оперативно-тактических самолетов с атомными бомбами^{2 1}. К 1966—1967 гг. США развернули более 1000 межконтинентальных баллистических ракет и 41 атомную ракетную подводную лодку с 656 баллистическими ракетами. Советский Союз в то время располагал всего немногим более 600 стратегических носителей всех видов^{2 2}. Заместитель директора Международного института мира в Вене профессор Г. Каде отмечает в этой связи, что „о каком-либо „ракетном отставании“ не могло быть и речи, не говоря уже о какой бы то ни было угрозе со стороны Советского Союза”^{2 3}.

На рубеже 70-х годов Соединенные Штаты Америки приступили к оснащению своих межконтинентальных баллистических ракет разделяющимися головными частями индивидуального наведения, положив тем самым начало новому витку гонки вооружений. А вслед за этим они приступили к созданию нового типа стратегических наступательных вооружений — ядерных крылатых ракет большой дальности воздушного, наземного и морского базирования. Наконец, в 1981 г. президент США принял решение о полномасштабном производстве нейтронного оружия. „Мы неуклонно задаем тон в разработке и развертывании новых, дестабилизирующих систем. Тактическое ядерное оружие, разделяющиеся головные части ракет, головные части индивидуального наведения для них, крылатые ракеты — вот только некото-

Межконтинентальные баллистические ракеты на твердом топливе	США	1962	XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX	1969	СССР
Ракеты с разделяющимися головными частями	США	1964	XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX	1972	СССР
Ракеты с разделяющимися головными частями индивидуального наведения	США	1970	XXXXXXXXXXXXXXXXXXXX	1975	СССР
Крылатые ракеты	США	1976			СССР — нет

ГЕНЕРАЛЫ ЗА МИР. Пер. с нем. М.; Международные отношения, 1982, с. 150.

* США применили атомное оружие в 1945 г. СССР испытывал атомную бомбу в 1949 г.

** Испытание водородной бомбы в СССР было произведено 12 августа 1953 г. Однако составители таблицы правильно называют США инициатором создания этого вида вооружений: 1 ноября 1952 г. на рифе Элегулаб (атолл Эндиветок) в Тихом океане ими было взорвано водородное устройство „Майк”. Оно еще не являлось бомбой в собственном смысле. Это был куб весом 50 т и с длиной ребра 7,5 м. Спустя 17 месяцев в США была испытана транспортируемая водородная бомба.

*** Очевидно, речь идет об американской межконтинентальной баллистической ракете „Атлас”, производство которой началось в 1955 г. Во время первых двух испытательных запусков 11 июня и 25 сентября 1957 г. ракета отказала сразу же после начала маневра в плоскости тангажа и была уничтожена по команде с земли. Успешный испытательный запуск этой ракеты на межконтинентальную дальность США произвели 28 ноября 1958 г., вывод на околоземную орбиту — 18 декабря 1958 г.

рые из этих систем”²⁴. Эти слова принадлежат члену палаты представителей американского конгресса Р. Оттинджеру. По признанию известного американского ученого К. Циписа, „каждое американское усовершенствование стратегических средств лишь через несколько лет сопровождалось уравновешивающим советским усилием”²⁵. США были инициаторами в разработке 23 крупных систем оружия из 25, созданных в мире к началу 70-х годов²⁶.

Можно привести длинный список инициатив СССР и других социалистических стран в области разоружения, которые остались без ответа со стороны США и других стран—членов НАТО. В вопросах прекращения гонки вооружений и разоружений Соединенные Штаты Америки проводят обструкционистскую политику, надеясь на достижение военного превосходства.

Г. Каде пишет в своей книге „Кто нам угрожает?»: „Одни только США имеют в 114 государствах мира военные объекты и сооружения. Вокруг Советского Союза расположено 386 военных баз. Если учесть заокеанские опорные базы Великобритании и Франции, только тогда станет полной картина глобальной стратегии Запада, нагнетающего напряженность в мире”. „Что же касается „угрозы”, — говорит Г. Каде, — то остается совершенно трезво признать, что не советские базы окружают США, а американские базы окружают Советский Союз”²⁷.

В 1974 г. специалистам из ряда натовских стран было дано задание проделать анализ долгосрочного соотношения сил между НАТО и государствами — участниками Варшавского Договора и составить прогноз военно-политических планов и политического курса государств Варшавского Договора на 80-е годы. Возникшее в результате „Исследование: Восток—Запад” призвано было доказать существование „советской угрозы” и послужить оправданием для форсированного вооружения в рамках „долгосрочной программы оборо-

ны" НАТО. „Исследование: Восток—Запад" было утверждено на сессии Совета НАТО в верхах в 1978 г. в Вашингтоне, и общественность была ознакомлена с некоторыми его разделами. Другие разделы „исследования", не согласующиеся с тезисом об „угрозе с Востока", а посему никак не оправдывающие так называемое „довооружение" НАТО, были сознательно скрыты от общественности^{2 8}.

В 1981 г. в США было издано официальное исследование „Советская военная мощь", представлявшее собой попытку запугать общественность данными о советском военном потенциале. Но как показано в брошюре „Откуда исходит угроза миру", подготовленной Министерством обороны СССР, при сопоставлении данных о вооруженных силах Организации Варшавского Договора и НАТО обнаруживается: вооруженные силы социалистических государств поддерживаются только на том уровне, который является необходимым и достаточным для обороны. Фактически это была вынуждена признать и сессия Совета НАТО, указавшая на необходимость подготовить исследование, отражающее соотношение сил Организации Варшавского Договора и НАТО. Однако, когда это исследование увидело свет (май 1982 г.), оказалось, что в нем содержатся фальсифицированные данные. Цель все та же: убедить мир в необходимости наращивать вооружения перед лицом „советской угрозы". Фальшивка была разоблачена во втором издании брошюры Министерства обороны СССР.

Многие военные специалисты и политические деятели Запада решительно отвергают как несостоятельную идею об угрозе, которую якобы представляет для безопасности Запада политика Советского Союза, Организации Варшавского Договора. В этой связи они указывают на США как на подлинный источник угрозы для судеб европейских народов и народов всего мира.

Бывший первый заместитель начальника гене-

рального штаба вооруженных сил Греции генерал Г. Куманакос отметил, что, используя миф о „советской угрозе” в пропагандистских целях, США под предлогом „модернизации” стремятся изменить равновесие сил в Европе. Он подчеркнул: „США уже давно эксплуатируют свое утверждение о растущей мощи советских вооруженных сил в Центральной Европе. Это утверждение стало всеобщим и постоянным тезисом пропаганды Запада. Однако доказательств превосходства советских войск в Европе в целом эти пропагандисты привести не могли”. Дело обстоит совсем наоборот, напоминает Г. Куманакос: „Советский Союз принял односторонние шаги по сокращению своих войск в Центральной Европе”²⁹.

С этой же точки зрения рассматривает утверждение о якобы существующей „советской угрозе” итальянский генерал и сенатор Нино Пасти. Он заявляет со всей определенностью, что „все вариации утверждений о существовании советской военной угрозы имеют одну функцию — оправдать открыто провозглашенное США стремление к военному превосходству”³⁰.

Но в современных условиях планы превращения мира в вотчину США могут остаться только мечтой зарвавшихся американских генералов и политиков. Этим планам противятся даже западноевропейские союзники Соединенных Штатов.

США — Западная Европа: „атлантическое”
партнерство и межимпериалистические
противоречия

В первые послевоенные годы отношения Соединенных Штатов и западноевропейских стран нередко уподобляли отношениям сюзерена и вассалов. Seriously ослабленные в результате войны, напуганные ростом влияния левых сил и происходящими в мире революционными изменениями, правящие круги Западной Европы безоговорочно вручи-

ли свою судьбу Соединенным Штатам. За экономическую помощь, политическую и военную поддержку со стороны сильнейшей капиталистической державы они сознательно расплачивались ограничением своего суверенитета, подчинением национальных интересов интересам „старшего партнера”; США, в свою очередь, стремились использовать объединение сил Запада под эгидой Вашингтона для достижения своих глобальных целей, заключавшихся в перестройке мира на американский лад. В марте 1947 г. президент Трумэн заявил: „Весь мир должен принять американскую систему. Американская система только тогда докажет свое право на существование, когда она станет мировой системой”³¹. Классовый союз американского и западноевропейского империализма получил идеологическое оформление в концепции „атлантизма”, пытающейся обосновать общность их интересов и исторических судеб.

Однако „западноевропейские государства, окрепнув и набрав силы, начали борьбу за собственное „место под солнцем”, постепенно освобождаясь от заокеанской опеки”³². Перестройка „атлантических” отношений в направлении большего равноправия началась уже во второй половине 50-х годов. Эта „обозначившаяся тенденция к достижению Западной Европой все большей самостоятельности имеет свои материальные предпосылки в экономической интеграции ряда ее ведущих стран, в возрастании ее общего экономического потенциала, все более сопоставимого с американским”³³. Постепенно набирал силу созданный в 1957 г. „Общий рынок” — первоначально в составе шести, затем девяти и, наконец, десяти стран. В 70-е годы он превратился — наряду с Японией — в мощного конкурента США.

С 1950 по 1980 г. промышленное производство США увеличилось в 2,7 раза, ЕЭС — в 3,9, Японии — в 23 раза. Удельный вес США в промышленном производстве капиталистических стран сократился за тот же период с 50 до 34%, а ЕЭС и Япо-

нии вместе взятых возрос с 32 до 40%. По прогнозам советских экономистов, к 2000 г. промышленное производство Западной Европы может составить 120% от американского, Японии — 47%³⁴.

В 1970 г. США производили больше товаров и услуг, чем страны ЕЭС и Япония вместе взятые, а в 1980 г. один лишь „Общий рынок” превзошел Соединенные Штаты по этому показателю. В 70-е годы США оказались уже не на первом месте среди капиталистических стран по валовому национальному продукту на душу населения, а на седьмом и на десятом — по уровню жизни. По внешнеторговому обороту страны ЕЭС почти втрое превосходят США, хотя их валовой национальный продукт лишь немногим выше американского. Доля США в мировом экспорте товаров из капиталистических стран снизилась с 18% в 1950 г. до 12% в 1980 г., а ЕЭС и Японии — возросла с 30 до 43%.

Удельный вес США в золотых запасах в 1950 г. составлял 2/3 запасов капиталистического мира, а в 1980 г. — 1/3. Более половины их сконцентрировано теперь в Западной Европе и Японии. В ЕЭС сосредоточено 45% валютных запасов капиталистического мира (147 млрд. долларов без учета золота), в США — 4,8%, т. е. почти в 10 раз меньше (1980 г.).

Американские корпорации уступили первенство в области прямых заграничных инвестиций³⁵.

Ослабление экономических позиций США по сравнению с их главными конкурентами в капиталистическом мире объясняется, в частности, более медленными темпами роста производительности труда в промышленности, отвлечением колоссальных средств на военное производство, относительным снижением американского научно-технического потенциала (за последние два десятилетия удельный вес США в расходах пяти крупнейших капиталистических стран на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки снизился с 75 до 47%)³⁶. Выступая на организован-

ной Белым домом конференции с докладом на тему „Конкурентоспособная Америка и мировая экономика в 1990 г.“, бывший министр торговли США П. Питерсон признал: „США, убаюканные годами кажущегося бесконечным успехом, игнорировали производительность, качество, научные исследования и разработки и необходимость совершенствования экспортной стратегии”³⁷.

Но несмотря на усиление экономических позиций ЕЭС по сравнению с США, последние сохраняют превосходство в сфере крупномасштабных исследований и разработок в области энергетики, а также электронно-вычислительной техники, средств связи, авиационной техники, в разработке технологии эксплуатации ресурсов, находящихся на дне морей и океанов. По мнению американских специалистов, в ближайшие годы США еще больше оторвутся от Западной Европы и Японии в области освоения космоса — главным образом за счет эксплуатации космических аппаратов многократного использования³⁸.

Наряду с этим усиливается экономическая взаимозависимость США и Западной Европы, а между самими государствами—членами ЕЭС сохраняются глубокие противоречия, в том числе в области экономики. Эти обстоятельства нельзя не учитывать, оценивая соотношение сил между США и „Общим рынком”.

И все же укрепление экономических позиций Западной Европы по сравнению с США позволило ей более активно отстаивать свои интересы в борьбе за рынки сбыта, распределение заграничных инвестиций, в валютной сфере. В свою очередь, экономическая политика США преследует цель ослабить западноевропейских конкурентов. „Сквозь махровый антисоветизм и антикоммунизм все более отчетливо начинает проявляться и другой аспект американской внешней политики, ее направленность против экономического и политического усиления западноевропейских стран и Японии”³⁹.

Такою целью (не главным образом, но в том

числе) преследовало искусственное завышение ставок банковского процента в США. Это вызвало переливание европейских капиталов в американские банки, что еще больше сузило перспективы оживления конъюнктуры в Западной Европе. За 1981 г. иностранные частные вклады в американских банках увеличились в четыре раза.

В результате экономической политики Рейгана был искусственно завышен курс доллара, а это вызвало резкий рост цен на импортируемые товары, закупаемые в долларах. Потери пришлось нести европейским партнерам США.

„Традиционной” областью конкурентной борьбы стала торговля сельскохозяйственными продуктами, что связано не только с экономическими кризисами, но и с участвующим использованием продовольственных поставок для достижения внешнеполитических целей. Например, в случае с поставками в развивающиеся страны в качестве „помощи”.

В начале 80-х годов обострилась борьба вокруг торговли сталью. ЕЭС вынуждено было пойти на „добровольное” сокращение экспорта стального проката в США на 9% под угрозой введения американской стороной компенсационных пошлин в размере до 40% цены. Это усугубило и без того кризисное положение западноевропейской черной металлургии.

Особенно характерен для нынешнего этапа экономических взаимоотношений США и ЕЭС эпизод с контрактом „газ—трубы”: поставки в СССР в кредит труб и оборудования для газопровода Сибирь — Западная Европа с погашением кредита поставками газа. Осуществление этого проекта не только обеспечивает крупными заказами промышленность западноевропейских стран, но и позволило бы им после ввода газопровода в строй отчасти диверсифицировать источники получения сырья и топлива, ослабив свою зависимость от США*. Дан-

* В настоящее время ФРГ, например, импортирует из

ное обстоятельство вызвало особый гнев заокеанского партнера. Используя в качестве предлога мнимое вмешательство Советского Союза во внутренние дела Польши, администрация Рейгана сначала запретила поставки оборудования в СССР из США, а 18 июня 1982 г. запрет был распространен на экспорт в СССР оборудования для добычи, транспортировки и очистки нефти и газа также зарубежными филиалами американских фирм и иностранными фирмами, использующими американскую технологию. Этот шаг вызвал дружное возмущение в Западной Европе. Даже Великобритания, самый верный и послушный из европейских союзников США, высказала недовольство в довольно резкой форме. Вашингтон вынужден был отступить — „санкции” были отменены, администрации Рейгана пришлось признать свое поражение. Провал политики „санкций” необычайно ярко продемонстрировал, что в определенных случаях, выступая единым фронтом, западноевропейские государства могут говорить с Вашингтоном как равные.

Западная Европа заинтересована в развитии экономических связей с социалистическими странами не только потому, что это позволяет ей ослабить зависимость от США, но и потому, что это обеспечивает ее промышленность заказами, а следовательно, создает рабочие места, способствует снижению безработицы, ослабляет другие кризисные явления в ее экономике. Благодаря заказам из социалистических стран имеют работу 2,5 млн. человек в Западной Европе⁴¹, в одной ФРГ непосредственно занято 50 тыс. человек⁴². В условиях экономического кризиса это имеет особое значение. Для США с их более низкой долей экспорта в валовом национальном продукте (ВНП) экономи-

Советского Союза 16% потребляемого в стране природного газа. С введением в эксплуатацию газопровода Сибирь — Западная Европа эта доля может возрасти до 30% к концу 80-х годов⁴⁰.

ческие связи с социалистическими странами не играют столь важной роли. Так, объем советско-западногерманской торговли по отношению к ВВП ФРГ в десять с лишним раз превышает долю советско-американской торговли в ВВП США⁴³.

Те же соображения заставляют страны Западной Европы более бережно относиться к разрядке, чем это свойственно их заокеанскому партнеру. Если экономические связи с Восточной Европой позволяют им занять более самостоятельные позиции по отношению к США в области экономики, то разрядка не только содействует развитию этих связей, но и укрепляет их политическую независимость. В конечном итоге мирное сосуществование — вопрос жизни и смерти для западноевропейцев. В случае ядерной войны они станут одними из первых ее жертв. По этому поводу авторы исследования, проведенного рабочей группой Атлантического совета под руководством таких известных специалистов, как К. Раш и Б. Скоукрофт, пишут: „Соединенные Штаты склонны подчеркивать важность военной мощи; другие члены Союза (НАТО. — Авт.) делают упор на политические и экономические методы решения проблем”⁴⁴. И если США на протяжении всего послевоенного периода претендуют на роль „мирового жандарма”, державы, имеющей интересы в любом районе земного шара, независимо от того, как далеко от их берегов он находится, то в Западной Европе не стремятся жертвовать собственными интересами — экономическими, политическими, интересами своей безопасности — ради имперских амбиций Вашингтона. В направлении установления большего равноправия шла эволюция взаимоотношений США — Западная Европа не только в области экономики, но и в НАТО.

С момента основания Североатлантического союза его главной особенностью остается явное неравноправие партнеров. „Характерной особенностью НАТО является гегемония в нем американского империализма, проявляющаяся во всех

сферах деятельности блока и часто выливающаяся в форму политического и военного диктата. Это определяется прежде всего тем, что после войны США стали экономическим, научно-техническим, политическим и военным центром капиталистического мира. С другой стороны, объединяющим фактором „атлантической солидарности” является воинствующий антикоммунизм. Страны Западной Европы согласились на такой неравноправный альянс, как НАТО, только потому, что в союзе с американским империализмом в рамках этого блока они видели наиболее благоприятную возможность как для стабилизации своего классового господства, пошатнувшегося в результате хозяйственной разрухи, ослабления государственной власти и усиления рабочего движения в первые послевоенные годы, так и в первую очередь для совместных действий против социализма”^{4 5}.

Главенствующее положение США в НАТО объяснялось и монополией Соединенных Штатов на атомное оружие. Однако в 60-х годах Великобритания и Франция создали собственные ядерные силы. Тем самым они получили доступ к механизму применения стратегической мощи США: использование ядерного оружия союзниками в собственных интересах неизбежно привело бы к эскалации конфликта и всеобщей ядерной войне. В результате появилась новая область сотрудничества — ядерная стратегия. С другой стороны, возросли претензии американских партнеров на равноправие. В 1966 г. Франция приняла решение выйти из военной организации Североатлантического договора. Это вызвало первый серьезный кризис в едином до тех пор блоке.

Второй кризис разразился в период октябрьской войны 1973 г. на Ближнем Востоке. Все партнеры по блоку, кроме фашистской Португалии, отмежевались от позиции США. Великобритания запретила использовать свои аэродромы в качестве промежуточных посадочных пунктов для американских самолетов, поставлявших оружие

Израилю, а ФРГ заявила протест против передачи без консультаций с ней Израилю вооружений с расположенных на западногерманской территории военных баз США. (Правда, протест последовал уже после прекращения огня на Ближнем Востоке). Особое возмущение в Западной Европе вызвало принятое опять же без консультаций с союзниками решение Вашингтона о приведении в боевую готовность дислоцированных в Европе войск. „По своему ослабляющему воздействию на Североатлантический союз политику США во время ближневосточного кризиса 1973 г. можно сравнить лишь с выходом Франции из военной организации НАТО”⁴⁶.

В 1974 г. возник вооруженный конфликт между государствами — членами НАТО, Турцией и Грецией. Выразив „разочарование” позицией блока и США по кипрскому вопросу, Греция приостановила свое участие в военной организации пакта. Оба участвовавших в конфликте государства ввели ограничения на использование их территорий вооруженными силами США. В конце концов мир в „атлантической семье” внешне был восстановлен, напряженность замаскирована. Но она не исчезла. Пришедшее к власти в марте 1982 г. правительство Греции регулярно оставляет за собой право на особое мнение по отдельным положениям принимаемых натовскими органами документов.

Разрядка напряженности увеличила свободу маневра европейских членов НАТО в отношении США. „Ослабление напряженности на фоне увеличивающегося влияния западноевропейского центра в межимпериалистических делах создало такую ситуацию, когда отдельные государства стали активно использовать свою принадлежность к Североатлантическому блоку для реализации собственных частных целей. Более сложную и пеструю картину приобретает взаимодействие между общими и специфическими интересами участников НАТО”⁴⁷.

США пытаются использовать Североатлантический блок, чтобы контролировать внутривнутриполитическую обстановку в отдельных государствах-членах и международные отношения в зоне действия пакта. В частности, они стремятся с помощью НАТО предотвратить обособление Западной Европы. Это рассматривается ими и как самостоятельная задача, и как предпосылка достижения других целей, реализации глобальных планов США. В Западной Европе, напротив, делают акцент на региональных функциях НАТО. Как отмечал в свое время Г. Киссинджер, „европейцы не считают, что затруднения США в других районах мира затрагивают их интересы”⁴⁸. Североатлантический договор, американское военное присутствие в Европе здесь рассматривают как средство обеспечения стабильности в Западной Европе, а также в качестве инструмента воздействия на политику США⁴⁹. Это выражается, в частности, в активной деятельности группы ядерного планирования, через которую Западная Европа получила право голоса при определении ядерной стратегии США, и других органов, некоторые из которых формально функционируют вне структуры НАТО.

Наметилась тенденция к более широкому сотрудничеству европейских членов НАТО, проявившаяся в создании в конце 60-х годов Еврогруппы — „европейского ядра” НАТО. Еврогруппа была создана для поощрения военной интеграции Западной Европы в приемлемом для США направлении и одновременно — для „перераспределения бремени” в рамках блока. В настоящее время она представляет собой скорее „рупор” западноевропейских членов НАТО. Однако в перспективе, опираясь на экономический потенциал „Общего рынка”, она видимо, будет играть все возрастающую роль внутри НАТО⁵⁰. Западноевропейские страны уже приступили к производству вооружений на многосторонней основе, создали солидную военно-промышленную базу⁵¹. Формируется западноевропейский военно-промышленный комплекс.

В целом, „хотя позиции США в военной системе НАТО остаются весьма прочными, они подверглись определенной эрозии. Под давлением обстоятельств Вашингтон был вынужден постепенно заменить односторонний американский диктат в НАТО системой договоренностей и компромиссов, все полнее учитывающей интересы и точки зрения западноевропейских союзников США, в результате чего стратегия блока постепенно трансформировалась из чисто американской в коалиционную, несмотря на сохраняющееся доминирование США”². НАТО, созданная для объединения Запада под неоспоримым руководством США, становится еще одной сферой противоречий двух центров империалистического соперничества³. Разумеется, это „внутрисемейные” разногласия.

В результате определенной эволюции взаимоотношений США и их европейских партнеров в рамках НАТО в ее документах появляются такие формулировки, как, например, в декларации глав государств и правительств, принимавших участие в сессии Совета НАТО в Бонне 12 июня 1982 г.: „Мы представляем собой партнерство равных, никто не доминирует и ни над кем не доминируют”⁴. При знакомстве с попавшими на страницы печати закрытыми документами образ равноправного партнерства блекнет, но в них ярче выражены претензии западноевропейских стран на установление именно такого рода взаимоотношений в НАТО. Например, в обзорном докладе ведомства канцлера ФРГ Г. Шмидта, опубликованном в еженедельнике „Шпигель”, говорилось: „Пусть США знают: Союз (НАТО. — Авт.) должен интегрировать различные интересы партнеров, по меньшей мере, терпимо относиться к ним... Союз не является инструментом США”⁵.

Пока же в большинстве случаев американской администрации удается добиться принятия ее требований в НАТО. Но для этого ей приходится прибегать ко все большему нажиму. Соединенные

Штаты добились, чтобы европейские члены НАТО повышали расходы на оборону даже за счет социальных бюджетов. Советник президента Картера по вопросам политики в области обороны У. Миддендорф заявил: „Указывать на высокие расходы на социальные нужды, необходимые для поддержания внутренней стабильности, — не самое оригинальное извинение. Это говорят те, кто хочет увильнуть от увеличения расходов на оборону. Я считаю, что высшей формой социальной безопасности является крепкая военная машина”^{5 6}.

Домогаясь своего, Вашингтон не останавливается перед шантажом и угрозами. США запугивают западноевропейцев тем, что они выведут свои войска из Европы, а в торговых отношениях предпочтение будет отдано тихоокеанским государствам. К такому шантажу США прибегают всякий раз, когда нужно приструнить союзников. Так было и в 1979 г., когда Вашингтон „проталкивал” через натовские органы решение о производстве и размещении в Западной Европе новых американских ракет „Першинг-2” и крылатых ракет. Западные европейские же правительства в этом, как и в ряде других случаев, пытались использовать свое согласие с американскими планами для получения разного рода преимуществ.

**ВОЕННАЯ
СТРАТЕГИЯ И ЯДЕРНЫЕ
КОНЦЕПЦИИ США**

Если некогда вопросы стратегии волновали только профессиональных военных, то в современных условиях „стратегические планы и расчеты не только определяют, как будет вестись война, если она вдруг вспыхнет, — от них серьезно зависит и сама вероятность ядерного конфликта, а следовательно, прочность мира на земле”¹.

Стратегические доктрины и концепции не только определяют строительство вооруженных сил и порядок их использования. Они предназначены и для достижения политических целей. Выступая в Аннаполисе в 1980 г., занимавший тогда пост министра обороны США Г. Браун сформулировал это положение следующим образом: „Общепризнанная цель стратегических концепций состоит не в том, чтобы излагать планы реальной войны. Она в том, чтобы создать возможность действий, которые, если об этом будет известно, отобьют у противника охоту испытывать нас или оказывать на нас слишком сильный нажим”².

Чтобы „об этом стало известно”, в целях использования стратегических доктрин как средства политического давления на потенциального противника (да и на союзников тоже), в США периодически — в последние годы уже почти регулярно — организуется утечка информации ровно в таких пределах, которые необходимы для достижения политического эффекта. Летом 1980 г. в результате этого в печать просочились сведения о президентской директиве № 59, в мае и июне

1982 г. — о концепциях использования ядерного оружия, разработанных администрацией Рейгана. Таким образом, стратегия является немаловажным фактором в международных отношениях. Агрессивная стратегия США и в мирное время отравляет атмосферу, способствуя росту напряженности в отношениях между государствами и, в конечном итоге, делает угрозу атомной войны более реальной.

Военная мысль США с трудом поддается систематизации. Не только в работах отдельных теоретиков, но и на официальном уровне встречается разноречивая терминология, а в одни и те же понятия вкладывается различное содержание. Тем не менее принято выделять следующие уровни американской военной мысли³.

„Национальная стратегия” — военно-политическая доктрина (стратегия) США. Она определяет в широком плане возможности и способы использования военной силы как инструмента политики не только в условиях войны, но и в мирное время, а также должна обеспечить координацию применения военной силы и невоенных средств для достижения политических целей. Ее элементами являются собственно политическая стратегия, экономическая стратегия, военная стратегия и военно-политические концепции. Фактически военно-политическая доктрина США, отвечающая всем требованиям, которые предъявляются к „национальной стратегии”, так никогда и не была сформулирована, хотя соответствующие попытки периодически предпринимались, начиная с 1950 г. (особенно при президенте Р. Никсоне).

Стратегия „национальной безопасности” — военная доктрина (стратегия) США, второй уровень военной мысли. Она определяет характер войны, способы создания, размещения и поддержания в боеготовности вооруженных сил, а также подготовку к войне страны в целом, военное и военно-экономическое сотрудничество с другими государствами и т. д. Составными частями стратегии „национальной безопасности” являются военно-стратегические концепции. В сущности, стратегия „национальной безопасности” отличается от внешнеполитической доктрины лишь несколько большим акцентом на военную силу.

Военно-стратегические концепции регламентируют планирование, строительство и применение вооруженных сил страны, а также координацию военных приготовлений с союзниками. Одна группа концепций связана с вопросами создания и применения ядерных сил, другая — обычных (сил общего назначения).

Эволюция военной стратегии самым тесным образом связана с развитием военной техники, вооружений. Опасность планов размещения нового американского ядерного оружия средней дальности в Западной Европе состоит, помимо прочего, еще и в том, что они уже вызвали изменения в стратегии США, придали ей еще более агрессивные черты. Наступательный — а отнюдь не оборонительный, как утверждают официальные лица на Западе, — характер был присущ военной стратегии США на протяжении всего послевоенного периода.

От „массированного возмездия“
к „реалистическому устрашению“

Военная стратегия США (а затем и НАТО) со времени атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки имела ярко выраженную антисоветскую, антисоциалистическую направленность. Говоря об истинных мотивах, послуживших причиной к применению атомной бомбы, государственный секретарь США Дж. Бирнс заявил, что это было необходимо не столько для войны против Японии, сколько для того, чтобы „сделать Россию более управляемой в Европе“⁴.

Родилась американская „политика с позиции силы“. Атомное оружие должно было послужить инструментом политического и военного шантажа. Накануне первого испытания американской атомной бомбы в июле в 1945 г. президент США Трумэн заявил своим советникам: „Если она взорвется, — а я думаю, что она взорвется, — то я несомненно, получу в руки увесистый молот против тех парней“⁵ (имелся в виду Советский Союз).

В 1945—1950 гг. ставка на атомное оружие определяла все военные приготовления США. Крушение американской атомной монополии вызвало изменения в стратегии Соединенных Штатов.

30 сентября 1950 г. президент Трумэн подписал секретный меморандум Совета национальной безопасности СНБ-68/2, который назывался „Цели Соединенных Штатов и программы национальной безопасности”⁶. Целью США объявлялось мировое господство. „Отсутствие порядка среди государств становится все менее терпимым, — говорилось в документе, — это налагает на нас в наших же собственных интересах ответственность за руководство миром”. Авторы меморандума исходили из того, что Советский Союз, испытавший в 1949 г. атомную бомбу, „вскоре будет в состоянии поразить жизненно важные центры Соединенных Штатов”. В связи с этим предлагалось быстро увеличить обычные воздушные, сухопутные и морские силы США и их союзников „до такой степени”, чтобы они не столь сильно зависели от атомного оружия” в связи с „уязвимостью для советской атомной атаки”. Таким образом, акценты смещались в направлении обычных вооруженных сил и вооружений. США готовились к военной конфронтации с Советским Союзом на всех уровнях: от „локального” до глобального, от обычного до ядерного.

Американская интервенция в Корее обнаружила несостоятельность подобных расчетов. В связи с этим изложенная в меморандуме СНБ-68 стратегия (не получившая специального названия) с декабря 1952 г. стала вытесняться доктриной „массированного возмездия”.

9 декабря 1952 г. в НАТО был принят документ МС-14/1 — официальный вариант стратегии „массированного возмездия”, которая предполагала нанесение внезапного сокрушительного ядерного удара по Советскому Союзу как абсолютное средство достижения целей войны. В Соединенных Штатах она официально была принята 30 октября

1953 г., когда президент Эйзенхауэр одобрил меморандум СНБ-162/2, озаглавленный „Основопологающая политика в области национальной безопасности”⁷.

Стратегия „массированного возмездия” была на вооружении США вплоть до конца 50-х годов, а в НАТО — и в начале 60-х годов. Она предусматривала дополнение стратегических ядерных сил США обычными вооруженными силами других государств НАТО, т. е. комбинированное использование обычных сил и средств в сочетании с ядерным оружием на территории противника. Стержнем стратегии была концепция, получившая позже название концепции „первого ядерного удара”.

12 января 1954 г. незадолго до того приступивший к исполнению обязанностей государственного секретаря США Дж. Ф. Даллес изложил перед нью-йоркским Советом по международным отношениям внешнеполитическую программу администрации президента Эйзенхауэра. В этом выступлении была дана получившая наибольшую известность интерпретация стратегии „массированного возмездия”: немедленное применение всей мощи ядерных сил США, которые должны были решить исход войны. В результате интервенции США и их приспешников в Корее концепция „локальных” войн потерпела крах. Даллес угрожал превратить местные вооруженные конфликты в большие войны. „Локальная оборона, — заявил он, — должна быть подкреплена силой массированного возмездия, способностью применить эту силу мгновенно там и так, где и как мы сочтем это нужным”⁸. Как и сразу после окончания второй мировой войны, основной упор вновь делался на ядерное оружие.

По названию доктрина казалась оборонительной. Однако только по названию. В варианте, разработанном адмиралом Рэдфордом, возглавлявшим в то время Комитет начальников штабов, открыто представала ее агрессивная направленность. Ориентируясь на нанесение первого удара Соединенными Штатами, Рэдфорд предусматривал,

что основные задачи будут решены в результате атомной бомбардировки еще до того, как наземные силы США будут отоброшены, перебросены через океан и введены в действие. Даллес не возражал против сути плана, расходясь с его автором в деталях.

Крупнейший американский военный теоретик Б. Броди указывал в 1959 г.: „Подготовка и доктрина использования наших сил возмездия, по-видимому, всегда исходят из молчаливой предпосылки, что эти силы будут в основном в целостности и сохранности в момент введения их в действие. Это означает только одно: твердое убеждение, что враг не застанет нас врасплох, мы первыми бросимся на него, а не наоборот”⁹.

В Западной Европе заявление о „массированном возмездии” восприняли как признак усиления опасности мировой войны, в которой Европа окажется между двух огней. „Было бы глупо полагать, — писал бывший государственный секретарь США Д. Ачесон, — что это не вызовет контрвозмездия, которое нанесет нам такой же удар, а может быть и более сильный, чтобы помешать дальнейшим атакам с нашей стороны”¹⁰.

В декабре 1954 г. на сессии Совета НАТО были утверждены модифицированные принципы стратегии „массированного возмездия” под названием стратегии „меч и щита”. Новый подход предполагал тотальную ядерную войну против СССР и других социалистических стран. Решающая роль „меча” отводилась, как и прежде, американской бомбардировочной авиации, оснащенной ядерным оружием. Европейским государствам — членам НАТО отводилась роль „щита”, своего рода дополнения к ядерным силам США на европейском театре войны. Новый вариант стратегии „массированного возмездия” предусматривал применение не только стратегического, но также поступившего на вооружение армии США в 1953 г. тактического и оперативно-тактического ядерного оружия. Предусматривалось его использование и в „ограни-

ченных” войнах типа той, что вели Соединенные Штаты в Корею.

Процесс выработки стратегии „меча и щита” в НАТО был завершён принятием военным комитетом блока директивы МС-14/2 от 21 марта 1957 г. под названием „Общая стратегическая концепция для района НАТО”. Она предусматривала две фазы при организации агрессии против социалистических государств: вначале массированное применение стратегического ядерного оружия, затем осуществление наступательных операций с использованием оперативного и тактического ядерного оружия.

Но в том же 1957 г. Советский Союз провёл успешные испытания межконтинентальной баллистической ракеты, о чём было тогда же сообщено в советской печати. Таким образом, территория США перестала быть неуязвимой. Этот факт во многом предопределил пересмотр военных стратегических доктрин США и НАТО.

В 1962 г. Совет НАТО пересмотрел стратегию „меча и щита”, принятую в 1954 г. Теперь военно-стратегическое планирование „ограниченных войн” НАТО в Европе должно было исходить из того, что обычные вооружённые силы блока, оснащённые тактическим ядерным оружием, составляют „меч”. Их боевые действия намечалось прикрывать стратегическим ядерным оружием США, которое стало теперь „щитом”. Позднее этот „щит” стали именовать „ядерным зонтом”. Использование ядерного оружия в „ограниченной войне” планировалось уже на ранних её стадиях. При этом западные стратеги полагали, будто найдена возможность настолько ограничить боевые действия в Европе, что это позволит избежать всеохватывающей военной конфронтации с государствами — членами Организации Варшавского Договора.

Все эти изменения в военно-политическом мышлении США и НАТО проходили уже в рамках общей переориентации на стратегию „гибкого реагирования”. Творцы новой стратегии исходили из

того, что при использовании вооруженной силы для осуществления глобальной стратегии, учитывая сложившееся соотношение сил, нужна определенная сдержанность. В этой связи важное значение придавалось „ограниченным”, „локальным” войнам как средству достижения определенных частных целей в борьбе с силами социализма и национально-освободительным движением. Соответственно новая стратегия предусматривала расширение диапазона войн, к которым должны готовиться США, дополнение их потенциала ведения всеобщей ядерной войны способностью успешно вести все мыслимые виды ограниченных войн — ядерные и обычные, крупномасштабные и локальные, межгосударственные и противопартизанские. Массированное (неограниченное) применение ядерного оружия рассматривалось как „крайний случай” ввиду его возросшей опасности для самих Соединенных Штатов. Стратегия „гибкого реагирования” была призвана не допустить такой эскалации конфликта, при которой он неизбежно свелся бы к ядерному уничтожению США. Вместе с тем в плане подготовки к ядерной войне делалась ставка на обеспечение стратегического превосходства над Советским Союзом, которое предполагалось использовать в качестве средства „ядерного давления”. Опасный авантюризм этой установки проявился во время карибского кризиса^{1 1}

Ставка на многообразие способов использования военной силы обусловила формирование в рамках стратегии „гибкого реагирования” многочисленных новых военно-стратегических концепций. Впервые появились такие элементы концепции ядерной войны, как „гарантированное уничтожение”, „второй удар”, „ограниченный ущерб”, „контрсила”

Основные принципы (концепции) стратегии „гибкого реагирования” таковы^{1 2}.

Принцип „гарантированного уничтожения” — основная официальная американская концепция

стратегической ядерной войны, тесно связанная с концепцией „второго (ответного) удара”. Предусматривает наличие способности стратегических сил США к „гарантированному уничтожению” любого противника даже в том случае, если бы Соединенные Штаты подверглись внезапному нападению. По определению бывшего министра обороны США Р. Макнамары, возглавлявшего разработку этой концепции в начале 60-х годов, сущность ее состоит в „поддержании высокой и надежной способности нанести неприемлемый для любого агрессора или коалиции агрессоров ущерб на любом этапе взаимного обмена стратегическими ядерными ударами”. Макнамара определял „неприемлемый ущерб” как такие потери, при которых „общество по критериям XX века просто не было бы больше жизнеспособным”¹³.

Принцип „двух с половиной войн” предполагал такое развитие вооруженных сил, которое дало бы возможность США одновременно вести две крупные войны — в Европе (против СССР и его союзников) и Азии (против Китая), в том числе с применением тактического ядерного оружия, а также осуществлять „малые интервенции” в Африке, на Ближнем Востоке или в Латинской Америке.

Принцип „передового базирования” вооруженных сил предопределял расширение глобальной системы американских опорных пунктов, обеспечение баз стратегической и тактической бомбардировочной авиацией, баллистическими ракетами на подводных лодках и обычными войсками.

Принцип „активной военно-блоковой политики” предусматривал повышение эффективности внешнеполитической и военной деятельности империалистических блоков.

Принцип „комплексных контрреволюционных переворотов” должен был обеспечить спланированное и дифференцированное использование всех методов и средств, включая военные, для того, чтобы подорвать социалистические и развивающиеся страны изнутри.

Стратегия „гибкого реагирования” предполагала и предполагает эскалацию конфликта в Европе в первую очередь посредством применения тактического ядерного оружия. При этом утверждается, что тотальная ядерная война может быть или предотвращена, или выиграна. Г. Кан заявлял: „Нужно аргументировать тем, что мы хотим большего, чем просто убивать русских. Например, мы хотим спасти жизнь американцев. Критерии нашей официальной политики состоят не в том, чтобы уничтожить как можно больше русских, а в том, чтобы ограничить наносимый ущерб... Нам нужно... поменьше мечтать о несбыточном в области контроля над вооружениями и побольше проявлять готовности нести расходы, а также людские потери”¹⁴.

Стратегия „гибкого реагирования” была принята в окончательном виде Советом НАТО в декабре 1967 г.¹⁵ На этой основе военный комитет НАТО издал 16 января 1968 г. директиву MC-14/3 „Военно-стратегическая концепция обороны зоны ответственности НАТО”. Другими документами из этой серии явились изданные в 1969 г. директивы MC-48/3 по вопросам применения стратегического ядерного оружия, „Временные политические указания о первом применении ядерного оружия в тактическом звене НАТО в целях обороны”, а также директива MC-55/2, в которой уточнялись основные принципы строительства вооруженных сил и критерии уровня военного искусства.

С установлением стратегического паритета между США и СССР в конце 60-х годов в Соединенных Штатах активизировались поиски такой военной доктрины, которая, с одной стороны, давала бы более надежные „гарантии” того, что ответный удар не обрушится на их территорию, а с другой — не исключала бы использования вооруженных сил как в политических, так и в военных целях.

9 марта 1971 г. министр обороны США М. Лэйрд в докладе о военной программе на 1972—1976 гг. сформулировал стратегию „реалистического сдерживания”, которая сменила стратегию „гибкого реагирования”. В то же время последняя осталась на вооружении НАТО, и в этом смысле „реалистическое сдерживание” рассматривалось как ее составная часть. Как заявил М. Лэйрд, „прежняя стратегия в основном базировалась на сдерживании и приспособлении. Новая стратегия основывается на соразмерном и ответственном участии США в ведении переговоров с позиции силы”. Стратегия „реалистического сдерживания” конкретизировала военно-политические аспекты „доктрины Никсона” — новой внешнеполитической стратегии США, которая признавала ограниченную роль военной силы, неспособность Соединенных Штатов единолично решать все военно-политические задачи капиталистического мира, необходимость контроля над вооружениями.

Стратегия „реалистического сдерживания” преследовала следующие цели: повысить эффективность военной силы путем изменения подхода к ее использованию; уменьшить негативные последствия создания и использования военной силы (прежде всего — избежать возникновения неконтролируемой ядерной войны); добиться перераспределения „военного бремени” между США и другими капиталистическими государствами; повысить эффективность использования в военных целях ресурсов капиталистических стран посредством более рационального распределения „ответственности” между ними (в частности, предусматривалось, что США должны предоставлять для „совместной обороны” прежде всего вооружения, а их союзники — людские ресурсы)¹⁶.

Предусматривалось ведение четырех видов войн¹⁷.

Стратегическая ядерная, т. е. непосредственно между США и СССР, в которой объектами взаимных ударов являются прежде всего территории

этих стран. Она рассматривалась в двух вариантах: *всеобщая* (неограниченная с точки зрения средств, пространственного размаха и объектов ударов) и *„ограниченная“* (с поражением отдельных, прежде всего военных, объектов).

Ядерная война на театре войны, т. е. не затрагивающая непосредственно территорию США, с применением *„тактического“* (по американской классификации) ядерного оружия.

Обычная война на театре войны.

Обычная война на театре военных действий или в отдаленном районе мира (*„локальная“* война).

В первом случае предусматривалось использование стратегических сил США. Во втором предполагалось привлечь и ядерные потенциалы американских союзников. По третьему сценарию должны были применяться обычные вооруженные силы как США, так и их союзников. В четвертом варианте основная ставка делалась на силы расположенных в соответствующем регионе союзников, а за США оставались военная и экономическая помощь, материально-техническое обеспечение, авиационная и морская *„поддержка“*.

Большей эффективности использования военной силы предполагалось достичь путем обеспечения *„реалистичности“* перспектив ее применения во всех видах войн (как с точки зрения боевых возможностей США и их союзников, так и с точки зрения политических и иных условий); более избирательного подхода к применению военной силы (тщательный выбор случаев, когда ее применение *„целесообразно“* и не связано с *„неприемлемыми издержками“* для США); отказа от *„градуализма“* (постепенного наращивания) при использовании военной мощи.

Стратегия *„реалистического сдерживания“* явилась попыткой перенести центр тяжести будущих конфликтов на территории других государств, в том числе американских союзников, действовать преимущественно чужими руками и тем самым отвести ответный удар от своей территории. В ней

нащупывались пути использования — хотя бы частичного — ядерного арсенала США в политических (а если потребуется, то и в военных) целях, диверсификации способов его применения в условиях стратегического паритета с СССР. Под действием „вьетнамского синдрома” меньше внимания уделялось интервенционистским кампаниям („локальным” войнам). В рамках этой стратегии впервые были приняты концепции „достаточности”, „полутора войн” и „совокупных сил”, получили дальнейшее развитие принципы „гарантированного уничтожения”, „стратегической триады”, „передовой обороны”, „стратегической мобильности” и др. Основным концептуальным новшеством стала концепция „ограниченной ядерной войны” („концепция Шлесинджера”, „концепция выбора целей”, „концепция перенацеливания”).

Термин „достаточность” как критерий определения размеров вооруженных сил США президент Р. Никсон объявил более подходящим, чем „превосходство” или „паритет”. Согласно его интерпретации „достаточности”, способность вооруженных сил нанести противнику неприемлемый ущерб не должна ограничиваться каким-то пределом. Вооруженные силы должны быть „достаточно многочисленны и в то же время обладать качественными данными, необходимыми для поддержания устойчивого равновесия, невзирая на нововведения технического характера”¹⁸. Фактически речь шла о достижении Соединенными Штатами военного превосходства, прежде всего путем качественной гонки вооружений.

Концепция „полутора войн” определяла подготовку США к ведению обычных войн. Вероятными районами „большой” войны считались Европа или Азия, где основными противниками будут СССР либо Китай. Одновременно США должны были иметь возможность вести „малую” войну („половину войны”). Подготовка к ней предусматривала создание соответствующих группировок вооруженных сил (в частности, мобильных)

и проведение дополнительных мероприятий (например, оказание помощи реакционным режимам) с учетом специфики различных регионов и вариантов развития конфликтов.

Концепция „совокупных“ („тотальных“, „суммарных“) сил строится на следующих принципах: возможно более многочисленные постоянные регулярные вооруженные силы; „сбалансированная“ их структура (т. е. подавляющую часть должны составлять войска американских союзников); „специализация функций“ (США развивают прежде всего стратегические наступательные вооружения, а союзники должны развертывать обычные силы); стандартизация вооружений.

К середине 70-х годов Соединенные Штаты успели оправиться от кризиса, вызванного агрессией во Вьетнаме. В повестку дня было поставлено возвращение их к прежней роли в мире, от которой начали было отходить администрации Никсона и Форда. Кроме того, к этому времени вступила в завершающую фазу разработка новых систем стратегических вооружений, а также „евростратегического“ оружия.

Под влиянием этих факторов сформировалась военная доктрина администрации Картера. Она была сформулирована в документе Совета национальной безопасности „Президентский обзорный меморандум № 10“ (ПРМ-10)* и президентской директиве № 18 (ПД-18). Хотя термин „реалистическое сдерживание“ был изъят из обращения, новая доктрина не получила специального названия. С утверждением ПД-18 Картером 24 августа 1977 г. она была введена в действие.

Большинство установок и концепций этой стратегии было унаследовано от прошлого, и администрация Картера усиленно подчеркивала

*Тема меморандума: „Цели и стратегия в области национальной безопасности и вооруженные силы США“. Название: „Всеобъемлющий анализ и оценка боеспособности вооруженных сил“.

эту преимущество. Однако были и отличия.

Декларировался не избирательный, как в начале 70-х годов, а подчеркнуто глобальный военно-политический экспансионизм США. По существу возрождались претензии на военное вмешательство в дела всех народов, характерные для 50—60-х годов.

Были внесены изменения в классификацию видов войн, к которым должны готовиться США, прежде всего путем выделения основных видов не только крупномасштабных, но и менее крупных конфликтов. Предусматривалось, что вооруженные силы США помимо участия в двух главных видах войн („стратегической ядерной” и обычной войне в Центральной Европе) могут использоваться также в войнах на Ближнем Востоке, в Африке, в Восточной Азии или каком-либо ином удаленном от СССР районе („война типа вьетнамской”).

В ПД-18 упор был сделан на повышении стратегической роли Европы и НАТО, а также Ближнего Востока и района Персидского залива. В связи с паритетом в области ядерного оружия подчеркивалось значение обычных вооружений, а также мобильности вооруженных сил. Обращалось внимание на использование невоенных аспектов внешней политики в целях изменения соотношения сил в мире. Получили развитие практически все ранее принятые военно-стратегические концепции¹⁹, в том числе и ядерные.

Директива № 59: план „ограниченной” ядерной войны

В августе 1980 г. в американской печати появились сведения об утверждении Картером президентской директивы, вносящей изменения в ядерную стратегию США. Впоследствии сведения были официально подтверждены. Документ, известный под названием директива № 59, остался

секретным. Его содержание можно в определенной степени реконструировать лишь на основе разъяснений представителей администрации и комментариев специалистов.

Основная ставка по-прежнему делалась на использование в ходе войны стратегических сил в различных масштабах — от „ограниченных” ядерных ударов до массированного применения их по всем видам объектов на территории Советского Союза: объекты военного назначения, центры государственного, административного и партийного руководства, ключевые объекты промышленности, транспорта и связи, а также крупные города.

„Ограниченные” ядерные удары предполагалось наносить только по наиболее важным военным объектам — шахтным пусковым установкам ракет, авиации на аэродромах, пунктам управления, крупным группировкам войск, складам и т. д. Основная цель — отвести ядерный удар от территории Соединенных Штатов или по крайней мере существенно ослабить его силу.

Ясно, что для поражения подобных объектов требуется оружие с большой точностью наведения на цель. Появление директивы № 59 отразило разработку именно таких видов ядерных систем в США — ракет „МХ”, „Трайидент-2”, крылатых ракет воздушного базирования и, может быть, в первую очередь „евростратегических” ракет.

Директива № 59 представляет собой дальнейшее развитие стратегии „гибкого реагирования” в том, что касается эскалации ядерного конфликта. Она вызвала в мире бурю протеста, в первую очередь в силу двух привнесенных ею в американскую ядерную стратегию „новшеств”. Во-первых, одобренная президентом Картером директива делает особый акцент на нанесение „упреждающего”, первого удара. Перенацеливание американских ракет на военные объекты в СССР и других социалистических странах имеет смысл

только в том случае, если их планируется разгромить еще до того, как они начнут выполнять свои функции: в уничтожении пусковых шахт после того, как их покинули ракеты, нет смысла. Тот аргумент, что шахты можно использовать для повторного запуска ракет, настолько слаб, что не заслуживает внимания. Следовательно, директива № 59 предписывает ведение агрессивной ядерной войны, делая ставку на внезапность нападения.

Во-вторых, в этом документе заново сформулирована концепция „ограниченной” ядерной войны. Предполагается, что при существенно ослабленном — в результате неожиданной атаки на военные объекты стратегического назначения — ответном ядерном ударе война почти целиком ограничится сравнительно узкими географическими рамками. На роль такого района планировалась в первую очередь Европа.

Директива № 59 имеет довольно длинную предысторию.

В ноябре 1980 г. во время проходившей в Брюсселе сессии группы ядерного планирования НАТО перед участвовавшими в заседании министрами выступил шеф Пентагона Г. Браун, который, в частности, прокомментировал директиву № 59. Он подчеркнул, что она представляет собой эволюционное изменение в ядерной стратегии США. В этом министр обороны США был прав.

Уже в конце 50-х годов в США высказывались мысли о необходимости как-то ограничить масштабы ядерного возмездия, которое неизбежно последовало бы в случае развязывания Соединенными Штатами ядерной войны. Заговорили о целесообразности ведения „ограниченной ядерной войны” с применением только тактического ядерного оружия. По мнению некоторых американских военных теоретиков, это позволило бы локализовать ядерную войну на удаленных от США театрах военных действий. Главный урон должны были бы понести не Соединенные Штаты, а их союзники. Сторонники этой концепции

(Г. Киссинджер, Б. Лиддел-Гарт, Р. Осгуд, М. Тэйлор²⁰ и др.) считали, что ее принятие, кроме того, усилит „сдерживание“, поскольку угроза „массированного возмездия“ становилась все менее правдоподобной.

На рубеже 50—60-х годов, когда, по американским оценкам, стала вырисовываться возможность уничтожения стратегического ядерного потенциала Советского Союза в результате внезапной ядерной атаки по его военно-стратегическим объектам, в военной теории США появились термины „первый (обезоруживающий) удар“ и „контрсила“. Концепция „контрсилы“ предполагала, что противники будут наносить ядерные удары только по военным объектам друг друга, исключив из списка целей центры сосредоточения людей и промышленности, т. е. будут придерживаться определенных „правил“ ядерной войны.

Однако предлагавшиеся в самом начале 60-х годов концепции такого рода были отвергнуты. Ставка на „гарантированное уничтожение“ стала основной. Одной из причин этого было желание в максимально возможной степени обезопасить территорию США. Объективные политические и военно-технические факторы в конечном итоге не позволяли признать „правила игры“ реалистичными. Считалось также, что с учетом американского ядерного „превосходства“, наличие и сохранение которого предполагалось, механизм „устрашения“ перспективой „гарантированного уничтожения“ сработает надежнее, чем механизм сомнительных „правил“ ракетно-ядерной войны²¹.

Стратегия „гибкого реагирования“ предусматривала уже в качестве одного из вариантов „ограниченные“ ядерные войны, в которых применялось бы тактическое ядерное оружие лимитированной мощности. Это послужило импульсом для разработки различных теорий ограничения масштабов применения стратегического ядерного

оружия. Одной из них была теория „отказа от ударов по городам”, в которой рассматривались два варианта: „ограниченная стратегическая война” и „контролируемая контрсилловая война”. Речь шла об использовании ядерной мощи против стратегических объектов, расположенных уже не на „периферийных” театрах военных действий (как в „ограниченной” ядерной войне с использованием тактического ядерного оружия), а в пределах национальной территории другой стороны. В первом варианте предполагалось использовать небольшое количество ядерных средств для ударов по незначительному числу военных объектов. „Правила игры” рассматривались как выгодные для США в условиях предполагавшегося их преимущества в ядерной области. Во втором варианте должно было поражаться неограниченное количество военных объектов, а также отдельные индустриальные и транспортные центры, против которых могла быть применена неограниченная ядерная мощь. Но и эти концепции остались неофициальными.

Идея „ограниченной стратегической ядерной войны” содержалась в президентских докладах 1970, 1972 и 1973 гг., а в 1974 г. тогдашний министр обороны США Дж. Шлесинджер объявил о принятии новой стратегической концепции, получившей впоследствии наименование концепции „ограниченной стратегической войны”²². Если раньше ограничения в использовании ядерной мощи официально допускались лишь на удаленных театрах военных действий, то теперь предпринималась попытка „узаконить” ограниченные удары по объектам, расположенным уже на национальных территориях крупнейших ядерных держав. Доказывалось, что новая доктрина станет возможной в результате совершенствования стратегических вооружений путем повышения точности наведения боеголовок на цель, увеличения отношения взрывной силы заряда к его весу, создания возможностей

быстрого перенацеливания ядерных ракет, оснащения их разделяющимися головными частями индивидуального наведения и т. д. Повышение точности ракет делает практически ненужными крупные ядерные заряды даже для поражения хорошо защищенных объектов, каковыми являются шахты для запуска ракет и командные пункты.

В условиях, когда Советский Союз обладает возможностью нанесения массированного ответного удара по центрам сосредоточения промышленного и людского потенциала, США хотели бы избежать этого с помощью „контрсилловой” войны. В этой связи были возрождены концепции, согласно которым из-за стратегического „ядерного пата” между США и СССР „тактическая” ядерная война в Европе не перерастет в стратегическую ядерную войну, и поэтому ее можно вести и даже выиграть при условии нанесения первого обезоруживающего удара.

Концепция Дж. Шлесинджера предусматривала атаки небольшим — от нескольких единиц до нескольких десятков — числом боеголовок^{2 3}. Эта концепция должна была применяться на начальном этапе войны. Ее провозглашение сопровождалось ускоренной разработкой ракет, предназначенных для поражения хорошо защищенных целей — стационарных ракетных пусковых установок, командно-контрольных пунктов.

С приходом к власти администрации Картера началась работа по дальнейшему развитию этой стратегической идеи. Ее результаты и были закреплены в директиве № 59, когда стала вырисовываться реальная перспектива того, что в состав стратегических сил войдет новое оружие. Длительная предыстория этого документа позволяет сделать вывод, что, „по сути, мы имеем дело с тенденцией в стратегическом мышлении, которую так или иначе одобрило три, а то и четыре администрации — как демократические, так и республиканские...”^{2 4}.

Появление директивы, как, впрочем, и все другие милитаристские акции США, обосновывалось тем, что военное равновесие, из которого исходили действовавшие с конца 60-х годов ядерные концепции, должно существенно измениться в 80-х годах. Развитие стратегических вооружений, прежде всего оснащение межконтинентальных ракет разделяющимися головными частями и повышение их боевой эффективности, будто бы открывает возможность успешной атаки против наземных объектов стратегических сил, в первую очередь командных центров и ракетных пусковых шахт противника. Предполагается, что противник не сможет воспользоваться стратегической авиацией и ракетами на подводных лодках для нанесения ответного удара под угрозой того, что аналогичные силы инициатора столкновения будут брошены на его административно-промышленные центры. Отсюда делается вывод о необходимости создания в США наряду с потенциалом „гарантированного уничтожения” дополнительного потенциала для нанесения ограниченных ядерных ударов по хорошо защищенным военным объектам. Такой потенциал должны составить новые межконтинентальные ракеты и „евроракеты”.

Обычные крылатые ракеты, пишет профессор Калифорнийского университета Дж. Эпштейн, могут оказаться „перспективным инструментом” для удара по стационарным компонентам командно-контрольной системы СССР. По его мнению, такой удар „серьезно снизит степень боевой эффективности” советских войск²⁵.

Комбинация ракет „Першинг-2”, „МХ” и „Трайидент-2”, проводит аналогичную мысль Ч. Мэйнс, „теоретически может уничтожить 75% советского ядерного потенциала, заставив Советский Союз, полагаться лишь на его ядерные подводные лодки ...”²⁶.

Разрабатывая концепцию „ограниченной” ядерной войны, воплощенную в директиве № 59, Пентагон преследовал прежде всего цель отвести от-

ветный удар от Соединенных Штатов. Далее, под предлогом „довооружения” создать дополнительный потенциал стратегических наступательных сил США. Наконец, Соединенные Штаты надеются существенно расширить арсенал первого удара за счет средств, радикально отличающихся от межконтинентальных баллистических ракет. „Евростратегическое” оружие с его сокращенным временем полета до цели увеличивает надежды американских политиков и военных на внезапное уничтожение стратегического потенциала СССР.

Во время упоминавшегося выступления на сессии группы ядерного планирования НАТО в ноябре 1980 г. Г. Браун пытался обосновать необходимость издания директивы № 59 тем, что на Западе никто не верит, будто ядерную войну можно выиграть в современных условиях. Цель новой ядерной стратегии США якобы в том, чтобы убедить Советский Союз, что и он не может выиграть ядерную войну. Какими же слабыми должны быть доводы в пользу концепции „ограниченной” ядерной войны, если для ее отстаивания пришлось прибегать к таким „аргументам”!

СССР никогда не считал возможной победу в ядерной войне ни для одной из сторон. „Советский Союз не делает ставку на победу в ядерной войне”, — заявил член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР, Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов на страницах „Правды”²⁷. Именно наша страна приложила много усилий, чтобы разъяснить невозможность победы американским стратегам. Но среди них лишь наиболее трезвые и реалистично мыслящие политики смогли постичь ту истину, что победа в атомной войне будет иметь вкус пепла.

Военная доктрина Советского Союза носит сугубо оборонительный характер. Ее общая оборонительная ориентация проявляется и в военно-технической политике нашего государства. Не оно было инициатором создания наиболее разрушительных видов оружия. „Характер Советских Во-

оруженных Сил, принципы их строительства, стратегия и тактика их использования строились и строятся в расчете на отражение агрессии и угроз, которые исходят от империализма нам и нашим друзьям”, — говорилось в цитируемой выше статье министра обороны СССР. СССР неизменно стремится к ядерному разоружению и неоднократно выступал с соответствующими предложениями, на которые Запад ни разу не дал конструктивного ответа. Обвинять после этого Советский Союз в стремлении к использованию ядерного оружия для достижения военной победы — значит извращать факты.

Министр обороны США также изрядно погрешил против истины, утверждая, что на Западе никто не считает возможной победу в ядерной войне (а следовательно, и саму войну). Усиление гонки вооружений и выдвижение агрессивных концепций использования ядерного оружия, предусматривающих нанесение первого удара, свидетельствуют об обратном.

„Угрозы, расточаемые американской администрацией, произвол, который нарекли именем „непредсказуемость”, — пишет Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов, — не просто слова. За ними горы оружия, программы производства новых, еще более разрушительных вооружений, директивы по их использованию”²⁸. Представители сменявших друг друга администраций США не раз заявляли о возможности и даже желательности атомного конфликта. Президент Рейган прямо заявляет, что военная мощь США остается главным и чуть ли не единственным „предварительным условием мира”. Он, как президент, готов воспользоваться этой мощью, не колеблясь²⁹. И в литературе, вышедшей из-под пера американских и западноевропейских ученых, более чем достаточно подобных признаний. Можно сослаться на таких корифеев буржуазной политологии, как директор Гудзоновского института Герман Кан³⁰ и французский социолог и пуб-

лицист Раймон Арон³¹. Нет недостатка в более свежих примерах.

В одном из солидных американских журналов, освещающих внешнеполитические проблемы США, была опубликована статья двух сотрудников Гудзоновского института под примечательным названием „Победа возможна”. Авторы утверждают, что „ядерная война может иметь широкий спектр исходов”, она не является бессмысленным концом истории. Президент США „должен иметь возможность не просто окончить войну, но и получить в результате войны выигрыш”. „Соединенные Штаты должны иметь возможность убедить ... советских руководителей, что обладают средствами и решимостью вести войну даже с еще большей жестокостью, пока не будет достигнут приемлемый исход”. Авторы считают, что в условиях стратегического ядерного паритета закрепленная в директиве № 59 стратегия остается нереалистичной. „Небольшие, заранее спланированные удары могут принести пользу только в том случае, если Соединенные Штаты обладают стратегическим превосходством — способностью вести ядерную войну на любом уровне жестокости с разумной перспективой победить Советский Союз и до такой степени восстановить свои силы, чтобы гарантировать удовлетворительный послевоенный порядок”³².

Советский Союз недвусмысленно заявил, что не допустит нарушения стратегического равновесия. В этих условиях концепция „ограниченной” ядерной войны становится бессмысленной, хотя и не делается от этого менее опасной. Агрессор должен знать, говорил министр обороны СССР Д. Ф. Устинов, что „преимущества от упреждающего применения ядерного оружия не приведут его к победе. Совершая преступление перед человечеством, он не приобретет ощутимых выгод. При современном состоянии систем обнаружения, боеготовности стратегических ядерных средств Советского Союза обезоруживающего удара по

социалистическим странам у США не получится. Агрессор не уйдет от всесокрушающего ответного удара. Кто изобретает „безошибочный рецепт” ведения победоносной ядерной войны, рассчитывает, образно говоря, одним нокаутирующим ударом „обезглавить” противника, тот выносит приговор самому себе”. Состояние военных потенциалов и военно-технические возможности сторон таковы, продолжал министр обороны СССР, что „империалистическим силам не удастся добиться военного превосходства ни на стадии подготовки ядерной войны, ни в тот момент, когда они попытаются начать эту войну”³³.

Безосновательны и расчеты Вашингтона на то, чтобы измотать Советский Союз в новом туре гонки ядерных вооружений. При нынешнем уровне развития экономического потенциала СССР наша страна в состоянии принять все необходимые контрмеры, чтобы не позволить США приобрести односторонние преимущества. Мы не сторонники гонки вооружений. Это неоднократно заявляли советские руководители. Мы могли бы найти совсем другое применение средствам, которые она поглощает. Но „если нас вынудят, то на любой вызов воинствующего империализма мы найдем быстрый и эффективный ответ”³⁴. Политика, основанная на стремлении достичь военного превосходства над Советским Союзом, заявил Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов, „бесперспективна и способна лишь усилить угрозу войны”³⁵.

Западноевропейские партнеры Соединенных Штатов без восторга встретили директиву № 59. Ведь для них „ограниченная” ядерная война в Европе была бы равносильна гибели. „Мы, — говорил, например, канцлер ФРГ Г. Шмидт во время визита в Москву в 1980 г., — находясь в центре Европы, можем все потерять в новой войне и ничего не приобрести. Люди в нашей стране знают это”³⁶.

А ведь одной из целей, которые преследовал Пентагон, предавая гласности содержание директивы № 59, было приучить людей к мысли, что ядерная война вполне в порядке вещей. „Людям хотят внушить, будто ядерная война может быть ограниченной, хотят примирить их с мыслью о допустимости такой войны, — говорилось в Отчете ЦК КПСС XXVI съезду партии. — Но это же прямой обман народов! Ведь „ограниченная“, по американским понятиям, ядерная война, скажем, в Европе означала бы уже в самом начале верную гибель европейской цивилизации. Да и сами Соединенные Штаты, разумеется, не смогли бы остаться в стороне от пламени войны. Ясно, что подобные планы и „доктрины“ — серьезная угроза для всех народов, включая и американский. Эти планы встречают осуждение повсюду в мире. Народы говорят им решительное „Нет!“³⁷.

В самих Соединенных Штатах безумные планы ядерной войны не только шокировали сохранивших трезвую голову политиков, но и среди специалистов по внешней политике вызвали по меньшей мере неловкость. По мнению Ч. Мэйнса, эта доктрина „представляется, во-первых, опасной для друзей Америки, а во-вторых, недостоверной для ее противников. Военная доктрина явно не в порядке, коль скоро даже наиболее патриотично настроенные люди могут защищать ее совместимость с моралью лишь при условии, что правительство предпримет подлинные усилия в области контроля над вооружениями“³⁸.

Если директива № 59 и не достигла целей, которые стремилась реализовать с ее помощью администрация Картера (оказать давление на СССР, запугать и тем самым теснее привязать к себе западноевропейские государства), то от этого последствия ее не стали менее опасными. Главное заключается в том, что переориентация ракетно-ядерной политики США на концепцию „ограниченных“ ядерных ударов ведет

к снижению „ядерного порога”, т. е. делает более вероятным применение ядерного оружия на ранних стадиях конфликта³⁹. Такое нововведение в ядерной стратегии США ведет к нарушению стратегического равновесия, а это влечет новое наращивание ядерных потенциалов, что в свою очередь вызывает ухудшение политического климата в мире, серьезно осложняет переговоры по контролю над вооружениями. Ведь качественные характеристики ряда новых систем оружия, таких, как крылатые ракеты, новые баллистические ракеты, затрудняют контроль за выполнением возможных соглашений. Наконец, очередной виток гонки вооружений вызывает новый рост военных расходов в мире.

Стратегия „прямого противоборства”

Пришедшая к власти в 1981 г. республиканская администрация Р. Рейгана разработала собственную военную доктрину. В послевоенные годы для республиканцев был более характерен курс на определенную экономию военных расходов, концентрация усилий на самых важных, с их точки зрения, направлениях, прежде всего на ядерном оружии. Особенностью традиционной линии демократов было стремление к расширению военных усилий на многих направлениях. Но именно по этому пути пошла республиканская администрация Рейгана. Ее стратегия вырисовывалась постепенно⁴⁰. Довольно рано обозначилась ставка на развертывание военных приготовлений „по всему спектру” или, по выражению министра обороны К. Уайнбергера, „на всех уровнях конфликта и во всех районах мира, важных для наших интересов”. Была воспринята ядерная концепция „превосходящего противодействия”, разработанная министром обороны предыдущей администрации Г. Брауном и положенная в ос-

нову директивы Картера № 59. К. Уайнбергер назвал ее „стратегией противодействия превосходящей мощью”. От своих предшественниц администрация Рейгана унаследовала и концепцию „ограниченной” ядерной войны. Было выдвинуто требование увеличить число войн, которые могут одновременно вести Соединенные Штаты, свыше „полутора”. Был объявлен новый подход к эскалации локальных конфликтов, к базам на иностранных территориях (использование баз, формально находящихся под контролем суверенных государств) и к союзам (создание новых, не столь жестких, как традиционные, военных блоков. Например, А. Хейг, занимавший одно время пост госсекретаря в администрации Рейгана, предлагал „неофициально договориться” о „стратегическом консенсусе” США, Израиля, Пакистана и Турции, а также некоторых арабских стран).

Эту новую стратегию США на 80-е годы министр обороны К. Уайнбергер охарактеризовал как стратегию „прямого противоборства” между Соединенными Штатами и Советским Союзом в глобальном и региональном масштабах. По его словам, это отражает точку зрения нынешней администрации на „необходимость защищать интересы США далеко от берегов Америки” и вызвано якобы возрастанием „советской военной угрозы”.

Военная доктрина США, как она сформулирована нынешней американской администрацией в секретном документе Пентагона „Директивные указания по строительству вооруженных сил США” (1982 г.), сводится к следующему⁴¹.

Соединенные Штаты должны быть в военном отношении державой № 1 по всем показателям. Это означает курс на военное превосходство, которое однозначно понимается как достижение способности нанести удар по Советскому Союзу там и тогда, где и когда Вашингтон сочтет целесообразным в расчете на то, что ответный

удар по США станет меньшим по мощи, чем в иных условиях.

Во имя достижения превосходства составлены программы наращивания стратегических наступательных сил, ядерных и обычных вооружений, увеличения военной мощи США и НАТО в целом. Главные усилия сосредоточены на развитии стратегических наступательных сил. Военным бюджетом на 1983 г. рост ассигнований на них запланирован более чем на 40%, в результате чего к концу 80-х годов количество ядерных зарядов, поднимаемых в одном пуске (вылете), увеличится в 1,5 раза. Одновременно повысятся их точность и мощность.

В орбиту своих военных приготовлений США вовлекают и другие страны, пытаются создавать военные блоки. Продолжается строительство новых и расширение существующих военных баз вокруг Советского Союза и других социалистических стран.

С военными мероприятиями тесно увязываются политические и экономические акции. Даже в ущерб своим союзникам и самим себе США пытаются организовать торговую, кредитную и научно-техническую войну против социалистического содружества.

Действия США направлены на создание предпосылок для „уничтожения социализма как общественно-политической системы”, как записано в упомянутом документе Пентагона. Американские ядерные силы, говорится там, „должны обладать превосходством и быть в состоянии принудить Советский Союз пойти на быстрейшее прекращение войны на выгодных для США условиях”. По заявлению министра обороны США Уайнбергера, в случае возникновения войны в каком-либо районе мира США и их союзники должны быть готовы к военным действиям за его пределами, к распространению войны на другие районы мира, где противнику может быть причинен наибольший урон.

Стратегия „прямого противоборства” санкционирует ведение войны с применением всех видов оружия массового уничтожения — ядерного, нейтронного, химического и т. д. Эта доктрина строится в расчете на качественно новые системы вооружений: ракеты „МХ”, „Трайидент”, бомбардировщики В-1, крылатые ракеты большой дальности, бинарные химические боеприпасы, лучевое оружие.

Как и прежние, стратегия „прямого противоборства” предусматривает различные масштабы использования в ходе войны стратегических ядерных сил: от ограниченных ядерных ударов до всеобщей ядерной войны с массированным применением ядерного оружия по всем видам объектов в СССР.

Наряду с этим стратегия „прямого противоборства” нацеливает подготовку вооруженных сил на ведение войны с применением обычных вооружений. Предусматривается, что Соединенные Штаты и их союзники должны быть готовы к претворению в жизнь концепции „географической эскалации”, т. е. распространения военных действий с применением обычных вооружений с одного театра военных действий на другие, где противник „наиболее уязвим”. Как заявил К. Уайнбергер, США будут подкреплять свои действия в том или ином локальном конфликте ударами в других районах мира по своему выбору. „По существу, — отмечает советский исследователь В. В. Журкин, — речь идет о своего рода эскалационной „увязке”, способной быстро придавать локальному конфликту глобальный характер, без применения, как утверждается, ядерных сил. Если эта концепция и дальше будет развиваться в военно-политической доктрине США, то появится еще один способ быстрого соскальзывания к мировой войне”^{4 2}.

С принятием стратегии „прямого противоборства” администрация Рейгана отвергла принцип ведения „двух с половиной” или „полутора

войн". В июле 1981 г. К. Уайнбергер заявил, что понятия „полутора" или „двух с половиной" войн становятся неуместными. По его словам, Соединенные Штаты должны быть готовы вести любые войны, в любом регионе, который представляет для них жизненную важность. А такие интересы США, по словам министра обороны, имеют „практически в каждом районе земного шара".

В связи с этим администрация Рейгана отказывается от ограничений на „географическую эскалацию" и берет курс на подготовку к длительной войне против СССР и его союзников одновременно на нескольких театрах военных действий, а параллельно — к борьбе за свои „жизненные интересы" против национально-освободительного движения и возможных покушений на них со стороны других империалистических держав.

Курс на прямое противоборство воплотился в программе наращивания и коренной модернизации вооруженных сил США, намеченной на 80-е годы. Программа предусматривает повышение их стратегической и тактической мобильности, боеготовности, боеспособности, подготовку к ведению длительных боевых действий, наращивание запасов материальных средств, расширение мобилизационных возможностей военной промышленности и страны в целом.

Осуществление этой обширной программы вооружений потребовало роста военных расходов до астрономических сумм. Только по линии министерства обороны США на 1982 г. они были утверждены в размере свыше 214 млрд. долларов, почти на 40 млрд. долларов больше, чем в предыдущем году. В 1983 г. эти ассигнования уже превысят 263 млрд. Дальнейший рост военных расходов планируется не менее чем на 9% в год в реальном исчислении. До 1986 г. общая сумма средств, предусматриваемых на нужды Пентагона, составит 1,6 триллиона долларов, т. е. поч-

ти удвоится по сравнению с предшествующим пятилетием.

Конечной целью военной программы администрации Рейгана является достижение военного превосходства над Советским Союзом. Открытое провозглашение такой задачи вполне в духе наиболее агрессивных традиций американского империализма.

В США национальная безопасность издавна понимается как военное доминирование⁴³. „Безопасность возникает только тогда, когда вы намного сильнее”, — писал в 1942 г. профессор Йельского университета Н. Спайкмен⁴⁴. В опубликованных в Соединенных Штатах во второй половине 70-х годов исследованиях по проблемам национальной безопасности возрос упор на военную силу как главное средство ее обеспечения. Под предлогом роста „советской угрозы” раздаются призывы к наращиванию военного потенциала.

В предвыборной платформе республиканской партии проблеме национальной безопасности был посвящен специальный раздел. Обвинив администрацию Картера в том, что она якобы допустила отставание от СССР в военной области, республиканцы вознамерились „достичь всеобщего военного и технологического превосходства над Советским Союзом”, увеличить военные расходы, начать „массированное наращивание обычных и ядерных вооружений”⁴⁵.

Эта часть предвыборных обещаний не была забыта республиканцами после победы Р. Рейгана на выборах в 1980 г. По поводу назначения А. Хейга журнал „Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт” писал: „Поставив отставного генерала, бывшего главнокомандующего вооруженными силами НАТО во главе государственного департамента, Рейган совершенно ясно подчеркнул упор на военную силу во внешней политике”⁴⁶.

Редактор американского журнала „Форин полиси” Ч. Мэйнс считает, что стремление США

к обеспечению военного превосходства над другими государствами объясняется двумя причинами: традиционным пониманием безопасности как абсолютной безопасности, сложившимся на почве того, что на протяжении большей части своей истории территория США была недостижима для противника, и представлением об СССР как о державе, стремящейся к доминированию в мире. „Соглашения по контролю над вооружениями, основанные на принципе паритета, никогда не могут обеспечить ту степень надежности, которую привыкли считать психологически или политически необходимой, чтобы сделать США сильными в военном отношении. Лишь доминирование США может обеспечить такую степень надежности ...”⁴⁷. Стремясь к военному превосходству, пишет Ч. Мэйнс, американские политики и не пытались понять озабоченность Советского Союза этой тенденцией⁴⁸.

Силовая концепция национальной безопасности служит оправданием и обоснованием политической, экономической и военной экспансии американского империализма⁴⁹.

Для Советского Союза характерен принципиально иной подход к проблеме обеспечения как собственной, так и международной безопасности. С его точки зрения, безопасность всех государств составляет условие безопасности каждого. Как говорилось в Заявлении Ю. В. Андропова от 28 сентября 1983 г., „благополучие нашего народа, безопасность Советского государства мы не отделяем, а тем более не противопоставляем благополучию и безопасности других стран, других народов”⁵⁰. Такой подход составляет сущность внешней политики КПСС и Советского правительства. Однако американские (да и некоторые другие) политики упорно не желают признать этот бесспорный факт.

Распространяя лживые представления о принципах и целях советской внешней политики, они

подстегивают гонку вооружений „в ответ” на мнимый „советский вызов”.

Основная роль в стратегии „прямого противоборства” по-прежнему отводится стратегическим ядерным силам США. В 1982 финансовом году на них было ассигновано 16,2 млрд. долларов, что на 27,5% больше, чем в предыдущем. Новая стратегия ставит своей целью достижение превосходства США над Советским Союзом в первую очередь в области стратегических ядерных сил, которые предусматривается использовать для нанесения как неограниченных массированных, так и „ограниченных” ядерных ударов.

Министр обороны К. Уайнбергер заявил, что администрация Рейгана намерена „ясно продемонстрировать решимость существенно увеличить американскую мощь в области стратегических вооружений”. Принцип, который взяла на вооружение республиканская администрация, за три года до прихода Рейгана к власти сформулировал отставной адмирал Э. Замуолт: „Тот, кто обладает превосходством в области стратегического ядерного оружия, получает возможность принуждать других и достигать своих целей”⁵¹.

Стремясь к стратегическому превосходству, нынешняя американская администрация лишь более откровенно продолжает линию своих предшественников. Как отмечает Я. Беллэни (Австралийский национальный университет), „ведущим теоретическим принципом, устанавливающим размеры американских стратегических ядерных сил, всегда было превосходство над Советским Союзом. Хотя никогда не разъяснялось, как следует измерять превосходство, это было коренной посылкой мышления военных и гражданских стратегов, а равно и политиков, за немногими исключениями”⁵².

В результате стремления к обеспечению „национальной безопасности” путем создания стра-

тегического превосходства Соединенные Штаты оказываются не в состоянии остановить гонку вооружений, даже когда сами американские разведывательные органы убеждают администрацию в том, что дальнейшее наращивание мощи бессмысленно. Так, в 1961 г. ЦРУ пришло к выводу, что в развертывании межконтинентальных баллистических ракет США „значительно опережают СССР, и такое положение сохранится в обозримом будущем”. В результате, пишет руководитель внешнеполитических исследований института Брукинга Дж. Стейнбрунер, „центральной проблемой стало не наращивание стратегических сил, а скорее, установление какого-то разумного предела их развертывания в США”⁵³. Однако этого не произошло.

2 октября 1981 г. Р. Рейган обнародовал так называемую „всеобъемлющую стратегическую программу” на 80-е годы. Она исходит из необходимости сохранения в боевом составе вооруженных сил США и в дальнейшем всех трех компонентов „стратегической триады”: межконтинентальных баллистических ракет, атомных ракетных подводных лодок и стратегической бомбардировочной авиации*. Администрация Рейгана, пишет Дж. Стейнбрунер, „разделила широко распространенное мнение, что Соединенные Штаты должны произвести коренную реконструкцию своих межконтинентальных баллистических ракет и существенную модернизацию других элементов стратегических сил”⁵⁴.

Представители администрации ссылались на возросшую в последнее время „советскую угро-

* Предусматривается также усовершенствование противосамолетной, противоракетной и противокосмической систем обнаружения и систем боевого управления стратегическими силами. Согласно заявлению министра обороны США К. Уайнбергера, общие затраты на реализацию программы в 1982—1987 финансовых годах составят более 220 млрд. долларов.

зу". Такого рода „общие соображения", замечает Дж. Стейнбрунер, преобразуются теперь в специализированные военные программы⁵⁵.

Считается, что совместное использование сводит к минимуму слабые стороны каждого из компонентов „триады" и к максимуму — сильные. К числу сильных сторон межконтинентальных баллистических ракет относят высокую точность поражения целей, сравнительно небольшое время полета к цели, высокую степень боеготовности, надежность и устойчивость управления.

Для атомных подводных лодок характерны скрытость и рассредоточенность в обширных районах Мирового океана, что обеспечивает их малую уязвимость в войне; способность к нанесению ядерных ударов с различных направлений; полная готовность к использованию ракет. Наконец, в случае необходимости они длительное время могут действовать самостоятельно.

Достоинствами стратегической авиации считаются гибкость боевого применения по стационарным и подвижным, известным и вновь выявленным объектам; возможность многократного использования в ходе нанесения ядерного удара и перенацеливания на решение других задач либо возвращение на базы; возможность оценивать результаты практически сразу после нанесения удара; участие в боевых действиях с применением как ядерного, так и обычного оружия, а также в целях „демонстрации решимости США" к нанесению ядерного удара. Последнее подразумевает патрулирование в воздухе вблизи государственных границ потенциального противника.

Предусматривается сохранить такой количественный и качественный состав „триады", чтобы каждый из ее компонентов в отдельности был в состоянии обеспечить „гарантированное уничтожение" противника даже в ответном ударе, т. е. несмотря на потери в случае внезап-

ного нападения. Это означает, что Пентагон делает ставку на многократное превосходство в стратегических силах.

Уже сейчас в составе стратегических сил США (с учетом резерва тяжелых бомбардировщиков в частях) насчитывается более 2100 носителей⁵⁶. Кроме того, на авиабазе Дэвид-Монтан закладировано свыше 200 бомбардировщиков В-52.

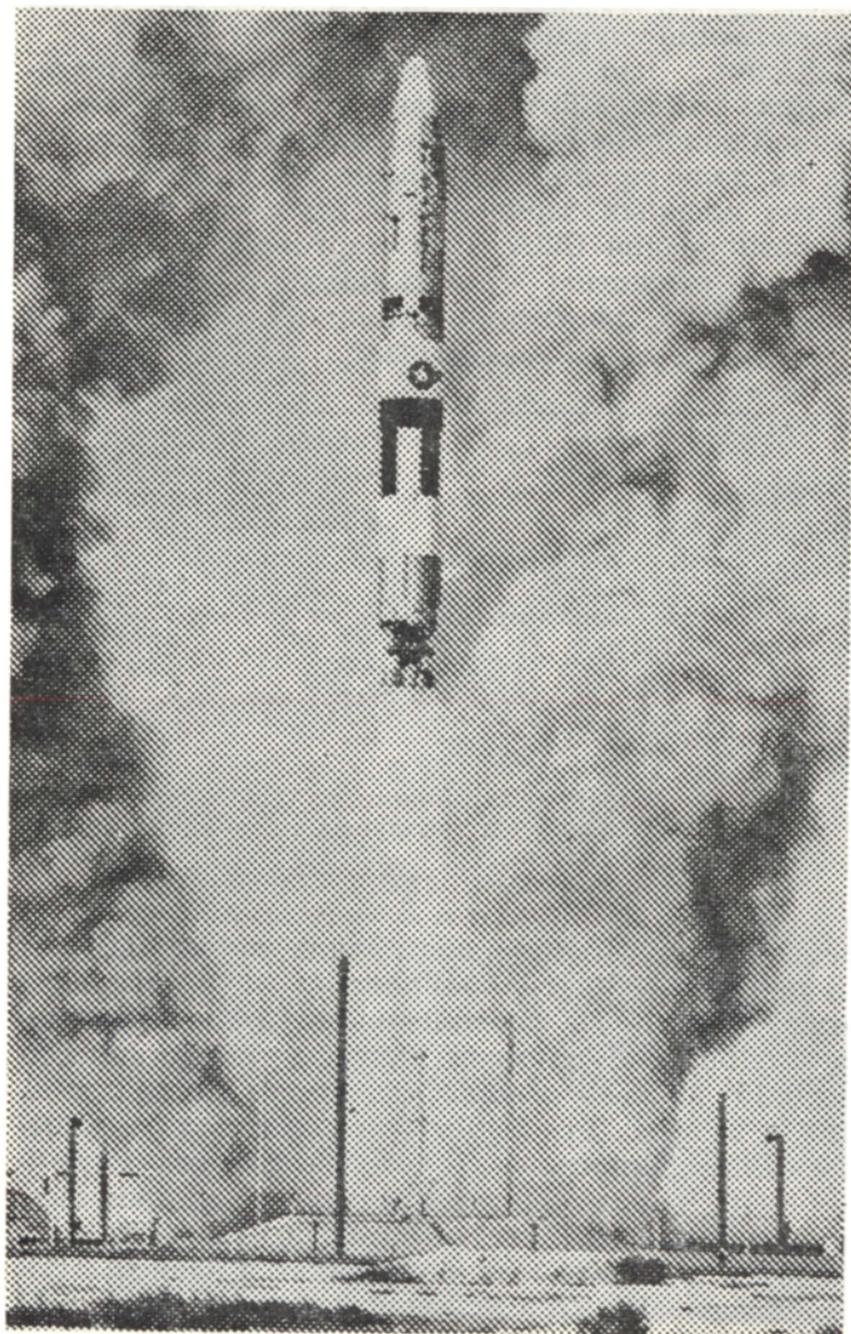
Межконтинентальные баллистические ракеты представлены размещенными в 1053 шахтных пусковых установках ракетами „Титан-2”, „Минитмэн-2” и „Минитмэн-3” (см. таблицу).

Межконтинентальные баллистические ракеты США

	Количество эскадрилий	Число пусковых установок
LGM-25C („Титан-2”)	6	53
LGM-30F („Минитмэн-2”)	9	450
LGM-30G („Минитмэн-3”)	11	550
Всего	26	1053

Развернутые в 1963 г. двухступенчатые ракеты „Титан-2” на жидком топливе имеют вес 150 т и оснащены моноблочными головными частями мощностью по 10 Мт. За последние 20 лет проводилась доработка их бортовых систем управления главным образом с целью повышения точности наведения и надежности.

Состоящие на вооружении с середины 60-х годов трехступенчатые твердотопливные ракеты „Минитмэн-2” имеют стартовый вес около 32 т и моноблочные головные части мегатонного класса. В результате доработок системы управ

Межконтинентальная баллистическая ракета „Титан-2” — самая мощная в стратегическом арсенале США: ядерный заряд равен 10 Мт.

ления точность наведения их на цель также существенно улучшена.

Основу сил межконтинентальных баллистических ракет США составляют развернутые в первой половине 70-х годов ракеты „Минитмэн-3”. На их долю приходится свыше 3/4 общего количества ядерных зарядов ракетных сил наземного базирования США. При стартовом весе 34,5 т ракеты оснащены тремя боеголовками индивидуального наведения. Мощность боеголовки

Стратегическая авиация США*

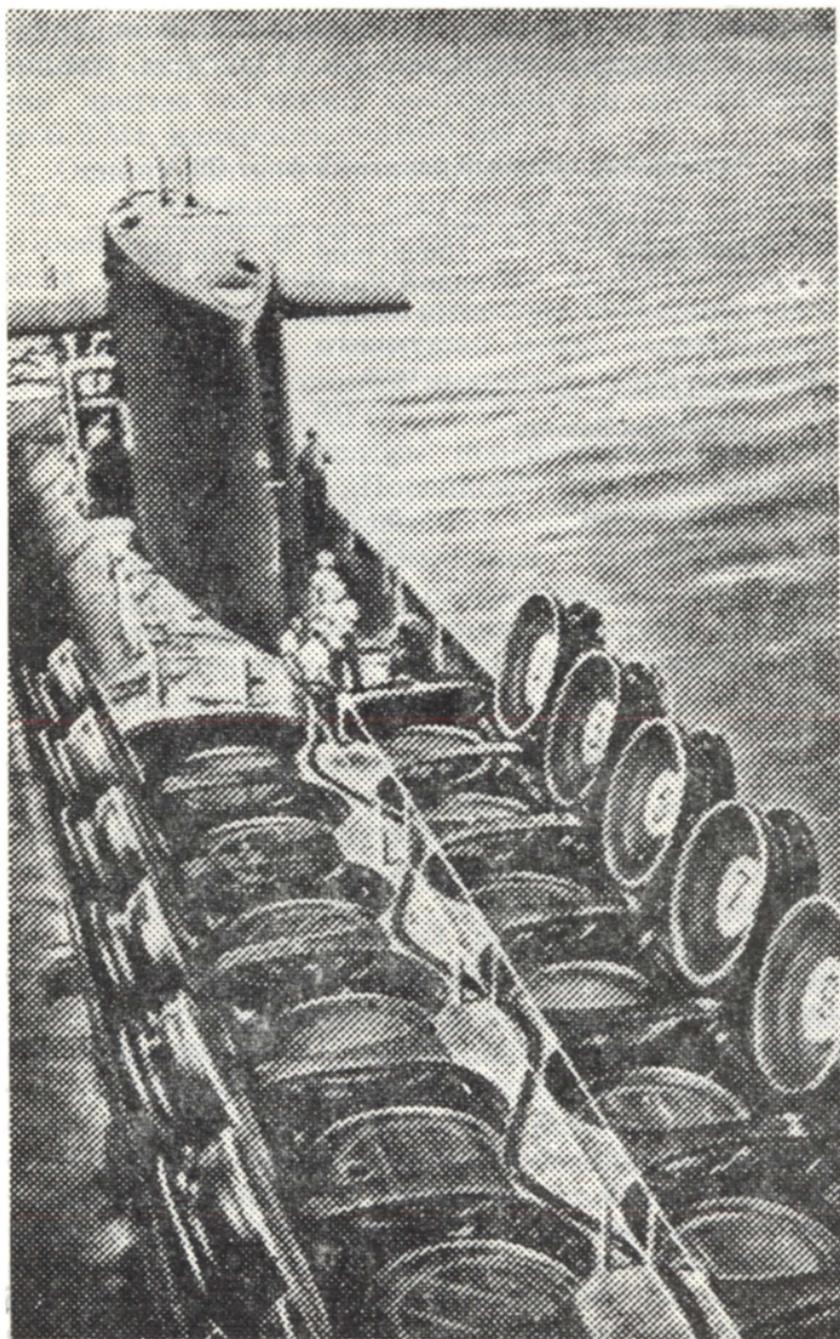
	Количество эскадрилий	Число самолетов
Тяжелые бомбардировщики В-52D,G,H**	21	347
Средние бомбардировщики FB-111A	5	65
Всего	26	412

* Самолеты-заправщики KC-135-A, самолеты-разведчики и воздушные командные пункты не указаны.

** Кроме того, 223 бомбардировщика В-52D,G,H находятся в складском резерве.

первой модификации составляла около 0,2 Мт. С января 1980 г. проводилось переоснащение этих ракет более совершенными разделяющимися головными частями повышенной мощности — 0,35 Мт. В зарубежной печати сообщалось, что в 1981 г. эти работы практически завершены. Для „Минитмэн-3” создана система дистанционного ввода полетных заданий по неплановым целям, что позволяет значительно повысить оперативность перенацеливания ракет в зависимости от складывающихся условий, гибкость их применения.

Стратегическая бомбардировочная авиация США представлена тяжелыми бомбардиров-

Американская атомная подводная лодка „Сэм Рейнбер” (типа „Лафайет”). Имеет на вооружении 16 ядерных ракет „Посейдон-С3” и четыре 535-мм торпедных аппарата.

щиками В-52 различных модификаций и средними бомбардировщиками FB-111A (см. таблицу).

Атомный подводный ракетный флот США

Тип судна	Число подлодок с ракетами соответствующего типа	Тип ракет
„Джордж Вашингтон”	3	„Поларис-А3”
„Этен Аллен”	5	—”—
„Лафайет”	19	„Посейдон-С3”
—”—	12	” „Трай-дент-1”
„Огайо”	1	—”—

Самолеты В-52D (их около 80) несут в бомбоотсеках по четыре ядерные авиабомбы мегатонного класса, модификации В-52G и В-52H — по восемь размещаемых в бомбоотсеке управляемых ракет „СРЭМ” класса „воздух-земля” (мощность ядерной боевой части — 0,2 Мт, дальность — около 300 км) и по четыре ядерные авиабомбы. В случае необходимости два последних варианта могут нести 12 ракет „СРЭМ”, подвешиваемых под крыльями. Средние бомбардировщики FB-111A могут нести как ядерные авиабомбы, так и управляемые ракеты. Все бомбардировщики оснащены системами дозаправки в воздухе, что существенно повышает дальность их полета.

Атомные подводные силы насчитывают 648 пусковых установок баллистических ракет на 40 атомных подводных лодках (см. таблицу). Каждая лодка — кроме „Огайо” — несет 16 ядерных ракет.

Двухступенчатая твердотопливная ракета „Поларис-А3” была принята на вооружение в 1964 г. Она оснащена разделяющейся головной частью с тремя боеголовками мощностью по 0,2 Мт, дальность — 4600 км.

Основу атомных подводных ракетных сил США составляют в настоящее время ракеты „Посейдон-С3”. В 1970—1977 г. ими была вооружена 31 подводная лодка. Эта двухступенчатая твердотопливная ракета оснащена разделяющейся головной частью, в которой могут размещаться от 10 до 14 боеголовок индивидуального наведения мощностью по 50 кт.

С 1979 г. началось перевооружение части подлодок системы „Посейдон” более совершенными ракетами „Трайидент-1”.

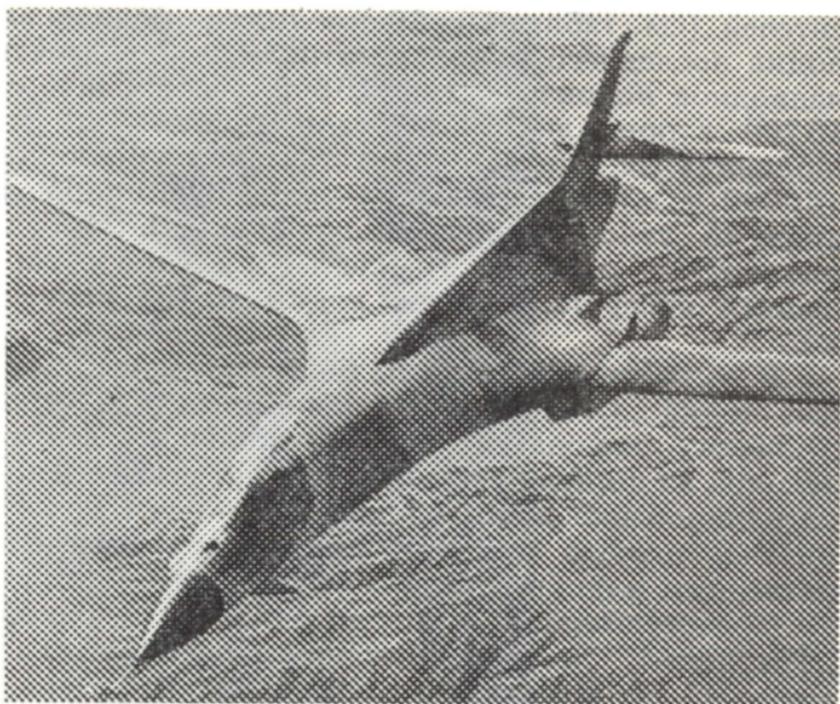
Согласно „всеобъемлющей стратегической программе” Р. Рейгана, в *стратегических ракетных силах наземного базирования* основные усилия сосредоточиваются на создании межконтинентальных баллистических ракет „МХ”. Эта трехступенчатая твердотопливная ракета способна доставить на расстояние в 11000 км десять боеголовок мощностью 0,6 Мт каждая. Работы по системе „МХ” были начаты в 1974 г. и в середине 1979 г. достигли стадии полномасштабной разработки. Администрация Рейгана приняла решение развернуть в 1986—1987 гг. первые ракеты „МХ”. Стоимость всей программы составит не менее 30 млрд. долларов. Развертывание системы „МХ” приведет к увеличению общего количества боеголовок американских межконтинентальных баллистических ракет в 1,5 раза.

Развитие *стратегической бомбардировочной авиации* планируется по двум основным направлениям: совершенствование авиационного ракетного вооружения и модернизация самолетного парка.

США уже приступили к переоснащению бомбардировщиков В-52G крылатыми ракетами, которые способны при высоте полета 60 метров с

огибанием рельефа местности доставить ядерный заряд мощностью до 0,2 Мт на расстояние 2500 км. Каждый бомбардировщик будет вооружен 20 ракетами. До конца 80-х годов Стратегическое авиационное командование США планирует оснастить крылатыми ракетами все бомбардировщики В-52G и В-52Н. В 1982 финансовом году на модернизацию бомбардировщиков В-52 было выделено 388,6 млн. долларов.

Возрождена программа развертывания стратегического бомбардировщика В-1. Его намечалось создать для замены самолетов В-52, однако в 1977 г. работы были отложены из-за их высокой стоимости. „Всеобъемлющая стратегическая программа” Р. Рейгана предусматривает разработку нового варианта самолета — В-1В, который должен обеспечить прорыв системы противовоздушной обороны противника и поражение объектов его глубокого тыла; нанесение ядерных ударов, в том числе и с помощью крылатых ракет, запускаемых вне зоны активных средств ПВО; поддержку „сил быстрого развертывания” в различных районах мира; ведение разведки в интересах ВМС США, уничтожение надводных кораблей противника, постановку минных заграждений. Бомбардировщик В-1В будет иметь взлетный вес около 217 т и боевую нагрузку до 56 т (крылатые и управляемые ракеты, ядерные и обычные авиабомбы либо морские мины). Экипаж — четыре человека, дальность полета без дозаправки в воздухе — около 10000 км. Программа его разработки и строительства оценивается в 19—20 млрд. (по другим данным — более 25 млрд.) долларов. В 1982 финансовом году на это было отпущено 2092,9 млн. долларов. Производство намечаемых к закупке 100 самолетов В-1В фирма „Рокуэлл интернэйшнл” (с ней уже подписан контракт на проведение научно-исследовательских разработок по программе создания В-1В на сумму более 50 млн. долларов) предпола-

Американский стратегический бомбардировщик В-1.
Способен нести 30 крылатых ракет.

гает завершить в 1987 г. Поставка первого серийного самолета планируется на декабрь 1984 г. По сообщению „Вашингтон пост“, Пентагон планирует уже в 1986 г. сформировать первую эскадрилью в составе 15 самолетов.

Основу дальнейшего развития *атомных ракетных подводных лодок* составляет программа „Трайдент“, включая строительство подлодок типа „Огайо“ и вооружение их первоначально ракетами „Трайдент-1“, а в последующем — „Трайдент-2“.

За два с лишним десятилетия существования подводной ракетно-ядерной системы в США созданы пять поколений ракет* и четыре — но-

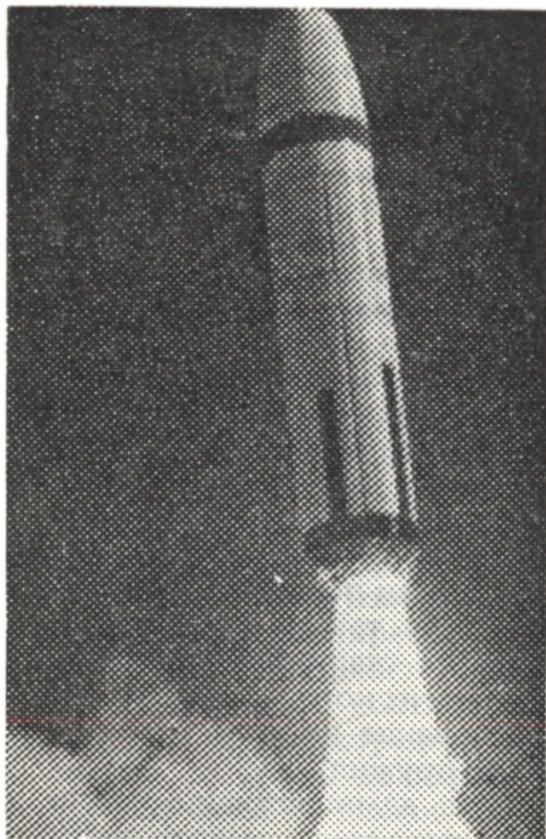
* „Поларис-А1“, „Поларис-А2“, „Поларис-А3“, „Посейдон-СЗ“ и „Трайдент-1“

сителей (см. табл. на с. 86). Атомная подводная лодка последнего поколения типа „Огайо” имеет надводное водоизмещение 16600 т, подводное — 18700 т при длине 170,7 м и ширине 12,8 м. Мощность ее ядерной энергетической установки (60000 л. с.) обеспечивает наибольшую скорость хода 25 узлов. Вооружение составляет 24 баллистические ракеты „Трайдент-1” и четыре торпедных аппарата. Экипаж лодки — 133 человека.

В октябре 1981 г. ВМС была передана головная лодка „Огайо”, на различных стадиях строительства находятся еще несколько. Первая эскадра из десяти новых лодок будет нести боевое патрулирование в северо-восточной части Тихого океана, вторую аналогичную эскадру намечено развернуть в Атлантическом океане.

Трехступенчатая твердотопливная ракета „Трайдент-1” несет 8 боеголовок мощностью не менее 0,1 Мт каждая. По точности она не уступает ракете „Посейдон-С3”, но при этом имеет значительно большую дальность — по различным сообщениям, от 7400 до 8000 км. Переоснащение подводных лодок новыми ракетами позволяет вынести районы их боевого патрулирования в Западную Атлантику. Планируется, что наносить ядерные удары они смогут, находясь в непосредственной близости от побережья США, что в свою очередь затруднит их обнаружение и уничтожение, а также упростит управление ими. (В 1981 г. подводные лодки с ракетами „Посейдон-С3” патрулировали в Северной Атлантике, Норвежском и Средиземном морях, а с ракетами „Поларис-А3” — в западной части Тихого океана.)

В конце 80-х годов на вооружение атомных ракетных подводных лодок типа „Огайо” должна поступить ракета „Трайдент-2” (дальность — 11000 км). По своим характеристикам она приближается к ракете „МХ”. Параллельно в США ведутся работы по повышению точности наве-

Пуск ракеты „Трайдент-1” с подводной лодки (дальность 7 400 км, 8 боеголовок мощностью по 100 кт). К 1990 г. США планируют произвести около 1000 таких ракет.

дения „Трайдент-1”. В 1982 финансовом году на производство 72 ракет „Трайдент-1” было ассигновано 906,3 млн. долларов, на разработку „Трайдент-2” — 239 млн.

В качестве существенного дополнения к стратегическим наступательным силам Пентагон планирует с 1984 г. оснащать атомные подводные лодки, а также надводные корабли крылатыми ракетами „Томагавк” (иногда их называют „Томахок”) с ядерными боеголовками. Они предназначены для нанесения ударов с различных направлений на всю глубину территории СССР и использования в качестве стратегического резерва.

Важное место в стратегии „прямого противоборства” отводится и ракетно-ядерному ору-

жию средней дальности, размещаемому на европейском континенте.

От „ограниченной“
к „затяжной“
ядерной войне

Администрация Рейгана унаследовала концепцию „ограниченной“ ядерной войны. Почти сразу же после прихода к власти ее стали пропагандировать министр обороны К. Уайнбергер, а в конце 1981 г. его поддержал и сам президент. 16 октября 1981 г. он заявил: „Можно планировать использование тактических ядерных вооружений против войск на поле боя так, чтобы это не заставило одну из великих держав нажать на кнопку“. 10 ноября 1981 г. Р. Рейган повторил эту мысль: „Можно представить себе такую ситуацию, при которой обе стороны не стали бы прибегать к использованию стратегического оружия, если бы произошло столкновение на поле боя с применением тактического оружия“.

В 1982 г. нынешняя администрация внесла и собственный вклад в развитие ядерных концепций США. Помощник президента Рейгана по национальной безопасности У. Кларк заявил, что ядерная война не только возможна, но и может быть продолжительной. Следовательно Соединенным Штатам, по его мнению, нужно быть готовым к „применению военной силы для достижения политических целей на условиях, благоприятных для США и их союзников“.

Сущность новой ядерной стратегии проясняет попавший в печать секретный документ, озаглавленный „Руководство в области обороны на 1984—1988 финансовые годы“. В мае 1982 г. он был подписан К. Уайнбергером, а в конце того же месяца газета „Лос-Анджелес таймс“ предала его гласности. В июне 1982 г. „Нью-Йорк таймс“ ознакомила читателей с подробно-

стями подписанного Рейганом плана обеспечения „потенциала для ведения затяжной ядерной войны с Советским Союзом”. То, что этот план был одобрен президентом, показывает, что изложенная в пентагоновском руководстве концепция „затяжной” ядерной войны стала официальной стратегией США. Ядерный конфликт представляется теперь не только как „ограниченный”, но и „продолжительный”, сроком до шести месяцев. США по-прежнему рассчитывают одержать в нем победу. Исходя из этого, администрация Рейгана внесла коррективы в свою общую военную стратегию и в „большую стратегию”.

Газета „Лос-Анджелес таймс” писала: „Стратегическая доктрина президента Рейгана заходит еще дальше в формулировании позиции о военных действиях в ходе ядерной войны, чем документ Картера (печально известная директива № 59), поскольку она конкретно ставит цель — одержать победу в „затяжной” ядерной войне”. Газета сообщила, что в соответствии с этой ядерной концепцией администрация США уже включила в бюджет 18 млрд. долларов на создание системы управления и связи с войсками, которая „выдержала бы „затяжную” ядерную войну”⁵⁷.

„Творцы политики в министерстве обороны, — сообщила „Нью-Йорк таймс”, — составили новый пятилетний план укрепления обороны, в котором исходят из посылки, что ядерный вооруженный конфликт с Советским Союзом может быть затяжным, и разработали свою первую стратегию для ведения подобной войны”⁵⁸.

Эта стратегия состоит в нанесении ядерного удара по территории СССР и его союзников с целью „сделать неэффективной всю военную и политическую структуру СССР” и социалистических стран. Требуется „гарантированное уничтожение ядерных и неядерных вооруженных сил и промышленных объектов, имеющих решающее значение с точки зрения военной мощи”.

Стратегия „затяжной” ядерной войны предпо-

лагают ведение боевых действий в различных районах мира одновременно. Планируется создать специальный фонд для финансирования заказов на оружие и создания запасов военной техники, которая может быть послана союзникам или другим дружественным США странам в случае чрезвычайных обстоятельств.

В мирное время, считают авторы документа, Соединенные Штаты и их союзники должны объявить Советскому Союзу экономическую и технологическую войну. Далее, Соединенным Штатам следует разрабатывать такие виды оружия, которым „русским трудно будет что-либо противопоставить”, навязывать Советскому Союзу непропорционально большие расходы на оборону, „разработать модели систем оружия космического базирования, включая оружия для уничтожения советских спутников”⁵⁹.

Поскольку всеобщая ядерная война не оставляет даже теоретических шансов на выживание, а тем более на победу, — и это, видимо, понимают в Вашингтоне — американские стратеги пытаются „ограничить” ядерную войну, как писала „Лос-Анджелес таймс”, „уничтожением политических и командных центров противника при сохранении в то же время аналогичных центров в США”⁶⁰. Концепция „затяжной” ядерной войны, по замыслу Пентагона, делает ядерную стратегию США более „реалистичной”. Но несомненно одно — очередной этап эволюции американской ядерной стратегии усиливает опасность возникновения ядерной войны, создавая в Вашингтоне иллюзию вседозволенности и безнаказанности. „Опасность состоит в том, — писала лондонская „Таймс”, — что, как только президент Рейган примется убеждать русских в возможности ядерной войны и в том, что из нее можно выйти победителем, он в конце концов убедит в этом самого себя... Это может породить у него соблазн пойти на риск, которого он в противном случае мог бы избежать”.

Именно новые ракеты средней дальности в Европе Вашингтон намерен использовать для развязывания ядерной авантюры.

Судя по некоторым признакам, в Соединенных Штатах уже всерьез приступили к подготовке мероприятий на случай „затяжной ограниченной” ядерной войны. Подкомиссия по почтовым операциям при комиссии палаты представителей конгресса США в августе 1982 г. рассмотрела на своих слушаниях доклад о работе почты США ... после ядерной войны. В докладе, занимавшем 400 страниц, не были обойдены вниманием даже мелкие детали, которые должны позволить почтовому ведомству справляться со своими функциями в период ядерной войны и после нее. На вопрос одного из членов подкомиссии, кто же будет получать корреспонденцию (и от кого?), последовал ответ, что она будет доставляться тем, кто уцелеет. Европейцев, очевидно, планируется просто исключить из числа адресатов и отправителей^{6 1}.

Высказывалось предположение, что „утечка” документов из Пентагона была организована с целью оказать давление на Советский Союз перед началом советско-американских переговоров об ограничении и сокращении стратегических вооружений. Глава американской делегации на переговорах Э. Рауни в одном из интервью дал новую пищу для размышления на этот счет. Он заявил: советские руководители „видят, что решимость президента не ослабевает. Это должно оказывать на них серьезное влияние, я имею в виду тот факт, что он продолжает поддерживать нашу программу в области обороны на высоком уровне, несмотря на все выступления наших критиков. Это мой самый сильный козырь на переговорах”^{6 2}.

Не исключают и того, что „утечка” информации была призвана подготовить американскую общественность и конгресс к принятию астрономического бюджета на пятилетний период — 1,6 триллиона долларов, — продемонстрировав, что

ядерный конфликт с СССР возможен и приемлем, поскольку США выйдут из него победителями.

В Западной Европе реакция на принятие Соединенными Штатами новой ядерной стратегии была довольно острой. Европейские союзники Вашингтона были задеты тем, что администрация Рейгана не проконсультировалась с ними, прежде чем принимать столь ответственное решение, непосредственно затрагивающее их безопасность. Выступая 18 августа 1982 г. на пресс-конференции, заместитель официального представителя правительства ФРГ Л. Рюль заявил, что у правительства пока нет никаких официальных уведомлений по поводу этих планов Вашингтона.

С целью „разъяснения политики США” К. Уайнбергер командировал в Западную Европу одного из сотрудников своего ведомства Ричарда Перла. Одновременно он направил 30 писем американским органам массовой информации и 40 — европейским, преимущественно в страны НАТО.

В своих посланиях министр обороны США пытался доказать, что печать неправильно истолковывает американскую ядерную политику, что главная цель Белого дома состоит в том, чтобы ядерное оружие „никогда больше не применялось, так как мы считаем, что не может быть победителей в ядерной войне”, что наращивание ядерных сил США является частью их основной стратегии, рассчитанной на то, чтобы помешать Советскому Союзу „нажать на кнопку”.

Однако в подписанном тем же К. Уайнбергером „Руководстве в области обороны” говорится, что в случае возникновения ядерной войны США должны „одержать верх” и вынудить противника согласиться на условия, „благоприятные для Соединенных Штатов”.

В то же время силы, выступающие в Западной Европе против гонки вооружений, за укрепление мира и предотвращение ядерной войны, получили новое подтверждение опасной авантю-

ристичности Вашингтона, новые аргументы и новые стимулы в борьбе.

Известные деятели Социал-демократической партии Германии О. Лафонтен и Э. Эплер выступили с совместным заявлением, в котором призвали правительство ФРГ потребовать от США разъяснений в связи с материалами о планах „затяжной” ядерной войны, опубликованными в газете „Лос-Анджелес таймс”⁶³.

Эксперт фракции СДПГ в бундестаге по вопросам разоружения Г. Шеер в интервью пресс-бюллетеню СДПГ „Парламентариш-политишер пресседингст” сказал по поводу разработанного Пентагоном плана ведения „затяжной” ядерной войны: „Мы должны сделать представление американскому правительству в связи с этими планами и в случае необходимости, безусловно, извлечь выводы для нашей собственной политики. Попытки представить ядерную войну управляемой фактически означают принесение Западной Европы в жертву американской стратегии. Мы не согласимся на это и должны сделать принципиальные стратегические выводы”. „Американские планы, — заявил далее Г. Шеер, — встретят наше решительное сопротивление: ведь речь идет о кровных интересах нашей стороны. Мы не поддержим эти планы. Мы должны отчетливо представлять себе, что все эти исследования могут привести к развязыванию ядерной войны. Если такие упражнения в стратегии будут продолжаться, то нам, как я считаю, надо будет отмежеваться от этой стратегии в организационном, стратегическом и политическом плане. Мы должны гарантировать, что авантюристы не поставят на карту интересы нашей безопасности”⁶⁴.

Влиятельная английская „Санди таймс” в редакционной статье назвала планы ведения „затяжной” ядерной войны „сумасшедшими рассуждениями”. США не впервые пугают и друзей, и противников воинственными разглашениями о будущем американской ядерной по-

литики, говорилось в статье под заголовком „Ядерное безумие”. „Ядерная политика Рейгана формируется под воздействием животного антисоветизма, который влияет на отношение американской администрации практически к каждой международной проблеме”⁶⁵.

Безумным назвал американский план достижения победы в ядерной войне и член палаты общин от лейбористской партии Ф. Оллаун⁶⁶. Оценивая влияние планов „затяжной” ядерной войны на взаимоотношения США с западноевропейскими государствами, английская „Гардиан” отмечала: „Трудно переоценить ущерб, причиняемый атлантической солидарности идиотскими проектами такого рода, рождающимися в Вашингтоне”. О реакции американцев газета писала, что, „судя по вырисовывающимся в США настроениям, этот проект им совершенно не по душе”⁶⁷.

Действительно, новая ядерная стратегия вызвала оппозицию определенных кругов в Соединенных Штатах. В письме на имя президента Рейгана 50 членов конгресса подчеркнули, что „такая стратегия приведет лишь к резкому усилению гонки вооружений” и усилит ядерную угрозу.

С критикой концепции „затяжной ограниченной” ядерной войны выступил бывший глава американской делегации на советско-американских переговорах об ограничении стратегических вооружений П. Уорнке. Для обеспечения реальных интересов национальной безопасности, писал он в брошюре организации „Союз юристов за контроль в области ядерных вооружений”, США должны не создавать потенциал для ведения таких войн, а по примеру Советского Союза взять на себя обязательство не применять ядерное оружие первыми.

Бывший государственный секретарь США С. Вэнс заявил, что „говорить о ведении „затяжной” ядерной войны — сумасшествие”. Недавно покинувший пост председателя Комитета началь-

ников штабсв США генерал Д. Джоунс подчеркнул, что ядерная война не может быть ни „ограниченной”, ни „затяжной”.

Однако государственная мудрость, видимо, действительно является в США уделом главным образом отставных военных и политических деятелей.

Администрация Рейгана, говорилось в сообщении ТАСС, „заменяет картеровскую доктрину еще более милитаристской, более враждебной делу мира и человечества”. „Законно поставить вопрос: отдают ли себе отчет в Пентагоне в том, что действия агрессора, как бы их ни называли — „ограниченная” ядерная война, „упреждающий ядерный удар” и т. п., — неизбежно и немедленно вызовут ответный удар? Лишь лишенные здравого смысла люди могут утверждать, будто ядерную войну можно ограничить какими-то рамками и одержать в ней победу”⁶⁸.

Рассуждения насчет возможности „ограниченной”, „затяжной” и прочих разновидностей ядерной войны, которым предаются в Вашингтоне, призваны приучить людей к мысли о ее приемлемости. „Поистине надо быть слепым к реальностям нашей эпохи, — говорил на торжественном заседании в Кремле 21 декабря 1982 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов, — чтобы не видеть: каким бы образом, где бы ни вспыхнул ядерный смерч, он неизбежно выйдет из-под контроля, вызовет всеобщую катастрофу. Наша позиция по этому вопросу ясна: ядерной войны допустить нельзя — ни малой, ни большой, ни ограниченной, ни тотальной”⁶⁹.

Есть разумный путь, который даст возможность избежать ядерной катастрофы. Если бы все ядерные державы подобно СССР заявили об отказе от применения ядерного оружия первыми, это означало бы отказ от использования ядерного оружия вообще, стало бы действительно весомым вкладом в предотвращение ядерной войны.

Глава III

ИЗ ИСТОРИИ РАКЕТ СРЕДНЕЙ ДАЛЬНОСТИ В ЕВРОПЕ

От „Торов“ и „Юпитеров“
к „Першингам“
и крылатым ракетам

Проблема ядерного оружия средней дальности в Европе имеет многолетнюю историю. Вспомним, как развивались события.

Монополия на атомную бомбу внушила американским стратегам надежду на обладание „абсолютным оружием“, универсальным средством решения военных и политических проблем на условиях, продиктованных Соединенными Штатами. Вопрос для них заключался лишь в том, как обратить его непосредственно против СССР. Сразу после войны США не располагали ни ракетами, ни бомбардировщиками межконтинентальной дальности.

В 1947 г. американский конгресс одобрил предложение приверженцев доктрины „воздушной мощи“, предусматривавшее усиление ВВС (только первоначальные расходы должны были составить 20 млрд. долларов) и создание охватывающей весь мир сети баз для бомбардировщиков.

К лету 1949 г. США разместили 32 бомбардировщика В-29 „Суперфортресс“ („Суперкрепость“) в Великобритании. Эти самолеты имели радиус действия около 2500 км и потому могли быть использованы против СССР только с баз, расположенных в Европе, Северной Африке, на Ближнем или Среднем Востоке. „Это было нача-

лом создания систем передового базирования США в Европе”¹.

С конца 1951 г. на вооружение Стратегического авиационного командования США начал поступать самолет В-47 „Стратоджет”. Хотя вскоре ожидалось появление межконтинентального бомбардировщика В-52 „Стратофортресс”, приоритет был отдан этому бомбардировщику средней дальности. США стремились как можно скорее получить реактивный бомбардировщик: шла война в Корее. Его производство не требовало столь совершенной технологии, как межконтинентальная авиация, а предоставление США баз в Европе считалось гарантированным. На протяжении десяти лет В-47 оставался основной ударной силой Стратегического авиационного командования США. Было построено более 2000 машин, последние из которых были сняты с вооружения в 1966 г. Они базировались во Французском Марокко, в Испании и Великобритании.

На протяжении 50-х годов в Западной Европе были развернуты и другие воздушные силы (наземного и морского базирования), способные нести ядерное оружие. Часть из них могла действовать против СССР.

Практически сразу после окончания второй мировой войны каждый из видов вооруженных сил США приступил к осуществлению программ строительства ракет. Первоначально использовались захваченная в Германии технология и опыт немецких специалистов, вывезенных в США. „Программа постройки баллистических ракет для ВВС США начала осуществляться сразу после окончания второй мировой войны”².

Уже в октябре 1945 г. авиационным фирмам предложили составить программу научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок, обеспечивающих создание межконтинентальной баллистической ракеты. На первом этапе было решено усовершенствовать немецкую „Фау-2” (проект МХ-774). В 1946 г. фирма „Норт Амери-

кэн Авиэйшн” получила заказ на разработку ракетных двигателей для самолета-снаряда „Навахо” (проект МХ-770). Несколько серий этого самолета-снаряда прошли летные испытания прежде, чем работа над проектом была прекращена в 1957 г.

ВМС США в августе 1946 г. дали заказ фирме „Гленн Мартин” на проектирование и изготовление десяти исследовательских ракет „Викинг”. Опытный запуск состоялся в мае 1949 г. Позднее эта программа была развернута в программу запуска космических спутников „Авангард”.

В 1954—1964 гг. американские подводные лодки имели на вооружении самолеты-снаряды „Регул”, которые разрабатывались фирмой „Чанс-Воут” с 1947 г. Они могли запускаться с подводных лодок, кораблей и береговых баз и нести мощный боевой заряд (как ядерный, так и обычный) на расстояние до 650 км.

ВВС США в 1949 г. начали разработку беспилотного реактивного бомбардировщика „Матадор” (В-61). Он имел дальность 960 км, при пикировании на конечном участке траектории развивал сверхзвуковую скорость. „Этот управляемый снаряд явился первым беспилотным тактическим оружием авиации США и составил основу многих частей и подразделений управляемых снарядов, частично базирующихся в Европе и на Дальнем Востоке”³. В 1954 г. 1-я и 64-я эскадрильи „Матадор” В-61В были размещены в ФРГ. Всего было произведено более 1000 этих самолетов-снарядов. На рубеже 50—60-х годов они были заменены системой „Мэйс” („Булава”) — самолетом-снарядом дальностью 2500 км. Во второй половине 60-х годов подразделения „Мэйс” стали уязвимы для появившихся к тому времени новых поколений реактивных самолетов ПВО и были выведены из Европы⁴.

Армия США разработала с использованием элементов конструкции „Фау-2” ракеты „Редстоун” (дальность — около 500 км), которые в

1958 г. были установлены в ФРГ и включены в состав вооруженных сил НАТО.

Однако в военных кругах господствовало мнение, что обычные самолеты и самолеты-снаряды с воздушно-реактивными двигателями являются наилучшими средствами доставки фугасных зарядов к цели. 8 июля 1947 г. ВВС прекратили работу над проектом MX-774, однако министерство армии продолжало эксперименты с „Фау-2” и новыми, меньшими по размеру ракетами „Аэроб” и „ВАК Капрал”.

В 1949 и 1950 гг. фирма „Рэнд” опубликовала несколько докладов о возможности создания ракетного оружия дальнего действия. В 1950 г. было создано командование научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок для ВВС. В июне 1953 г. специальный помощник министра авиации Т. Гарднер созвал комитет для рассмотрения вопроса о создании стратегических ракет. Вошедшие в состав комитета виднейшие ученые США рекомендовали возобновить работу над баллистическими ракетами. Утвержденная в 1954 г. программа предусматривала создание межконтинентальной ракеты (дальностью более 9000 км).

В мае 1955 г. было решено разработать баллистическую ракету средней дальности, которая получила название „Тор”. Контракт на ее разработку был заключен с фирмой „Дуглас Эркرافт” 27 декабря 1955 г. В октябре 1956 г. была изготовлена первая ракета, в январе следующего года начались испытания. Система „Тор” несла боевой заряд мощностью 1,5 Мт на расстояние 2800 км.

Одновременно армия США вела разработку ракеты средней дальности „Юпитер”, взяв за основу конструкцию ракеты „Редстоун”. Ракета „Юпитер” имела дальность 2800 км, мощность ядерного боезаряда — 1 Мт. Разработка ее началась в 1955 г. и производилась первоначально совместно армией и ВМС США. Когда выявились трудности с запуском ракет на жидком топливе с

кораблей, ВМС отказались от дальнейшей работы над этой конструкцией. В ноябре 1956 г. руководство проектом было передано ВВС. 15 января 1958 г. 864-я ракетная эскадрилья ВВС США, оснащенная ракетами „Юпитер“, стала штатным подразделением Стратегического авиационного командования.

Именно эти ракеты средней дальности — „Тор“ и „Юпитер“ — США решили развернуть в Западной Европе. При этом они стремились, во-первых, „восстановить равновесие“ военных потенциалов Востока и Запада, будто бы нарушенное в результате создания советских межконтинентальных ракет; во-вторых, укрепить „взаимозависимость“ партнеров по НАТО, подавив усиливающиеся в этом блоке центробежные тенденции; в-третьих, отвести в случае возникновения войны часть ракетно-ядерных ударов от своей территории; в-четвертых, предотвратить среди западноевропейских стран тенденции к их „деатомизации“ и „нейтрализму“; в-пятых, направить интересы и ресурсы западноевропейских стран в большей степени на развитие военного производства, чем мирного, конкурирующего с американским⁵.

Однако убедить партнеров США по НАТО в необходимости строительства системы ракетно-ядерных баз было делом нелегким. Атлантические союзники американцев понимали, сколь большой опасности они подвергают свои территории.

Именно поэтому американские политические и военные круги развернули широкую кампанию, имевшую целью обосновать необходимость быстрого развития системы ракетных баз. Их аргументы сводились к следующему:

— во-первых, эра самолетов сменяется эрой ракет;

— во-вторых, с ракетных баз, размещенных вблизи границ социалистических государств, можно будет легче и быстрее поразить их жизненные центры;

— в-третьих, базы ракет менее уязвимы, чем

авиационные, их легко рассредоточить, а следовательно, труднее обнаружить;

— в-четвертых, создание ракетных баз в Западной Европе — самый удобный путь для союзников США получить ядерное оружие и, следовательно, установить контроль над ним;

— в-пятых, заинтересованность США в создании ракетных баз должна свидетельствовать о том, что они не намерены покинуть европейский континент и твердо стоят рядом со своими атлантическими союзниками⁶.

16—19 декабря 1957 г. в Париже состоялась сессия Совета НАТО не на уровне министров, как обычно, а на уровне глав государств и правительств. США были представлены Эйзенхауэром и Даллесом. Присутствие самого президента США, только за три недели до этого перенесшего сильный сердечный приступ, „подчеркнуло то большое значение, которое США придавали размещению ракетного и атомного оружия на территории европейских государств”⁷. Госсекретарь США Дж. Ф. Даллес заявил: „Соединенные Штаты готовы предоставить другим странам НАТО баллистические ракеты среднего радиуса действия... Ядерные заряды для таких ракет станут частью системы атомных запасов НАТО”⁸. На сессии в Париже было решено предоставить в распоряжение верховного главнокомандующего вооруженными силами НАТО в Европе ракеты среднего радиуса действия и создать в Западной Европе запасы ядерного оружия.

Многие западноевропейские страны — участницы блока заняли неопределенную позицию в вопросе о предоставлении своих территорий для строительства ракетно-ядерных баз, а представители Норвегии и Дании заявили, что они не согласятся с размещением ядерного оружия на своей земле в мирное время. США не удалось принудить европейских союзников к немедленному и безоговорочному согласию на размещение в Западной Европе ракетных баз. Американским руководи-

телям удалось заставить союзников одобрить свой план лишь в общих чертах. Относительно запасов атомных зарядов на парижской сессии Совета НАТО было решено, что „вопрос о размещении этих запасов и снарядов, а также о соглашениях относительно их использования будет должным образом решен... по согласованию с непосредственно заинтересованными государствами”⁹.

Позиция, занятая западноевропейскими участниками НАТО, объяснялась страхом перед катастрофическими последствиями неизбежного ответного атомного удара, который они могли бы навлечь на себя в случае ядерного конфликта. „Ракеты среднего радиуса действия даже при самой большой фантазии не могут называться оборонительным оружием. Они являются оружием для нападения, не способствующим безопасности страны, на территории которой они находятся, наоборот, угроза для нее лишь возрастает”¹⁰.

Сразу же после парижской сессии США приступили к двусторонним переговорам с Англией, Францией, Италией и другими союзниками по НАТО с целью скорейшего осуществления программы строительства ракетных баз на территории этих государств.

22 февраля 1958 г. в Вашингтоне было заключено англо-американское соглашение о создании четырех ракетно-ядерных баз на территории Великобритании. По условиям этого соглашения Соединенные Штаты взяли на себя обязательство поставить Англии „согласованное количество ракетных снарядов среднего радиуса действия и относящееся к нему специализированное оборудование”, а также оказать необходимую помощь для скорейшего освоения английским персоналом американских ракетных установок. В соглашении подчеркивалось, что ядерные боевые заряды от американского ракетного оружия, поставляемого Великобритании, должны оставаться полностью в распоряжении Соединенных Штатов, „под их

охраной и контролем”¹¹. В Великобритании было размещено 60 ракет „Тор”.

29 марта 1959 г. было подписано американо-итальянское соглашение о размещении на территории Италии стартовых площадок для 30 баллистических ракет средней дальности „Юпитер”.

30 октября 1959 г. государственный департамент Соединенных Штатов объявил, что США и Турция „разработали детальные мероприятия” относительно создания на турецкой территории в районе Чигли, близ Измира, т. е. в непосредственной близости от южных границ СССР, базы для запуска 15 ракет средней дальности „Юпитер”. Условия были аналогичны условиям соглашений с Англией и Италией.

Франция и Греция не дали согласия на размещение американских ракет на своих территориях. Таким образом, в общей сложности на Советский Союз в начале 60-х годов было нацелено 105 американских баллистических ядерных ракет среднего радиуса действия.

В этих условиях Советский Союз был вынужден принять ответные меры. „Развертывание советского оружия ТВД большой дальности явилось в значительной мере ответом на системы передового базирования США”¹².

Однако вскоре западные стратеги признали уязвимость ракетных баз в Англии, Италии и Турции, и было принято решение о выводе ракет „Тор” и „Юпитер” из Европы. Еще два фактора сыграли здесь не последнюю роль. Во-первых, эти ракеты работали на жидком топливе, что требовало значительного времени для подготовки их к запуску. Во-вторых, эти ракеты можно было запускать только с ведома правительства страны, где они были размещены, т. е. они подлежали так называемому двойному вето, что также могло в кризисной ситуации потребовать значительных сроков для согласования вопроса о применении этого оружия.

В конце 1963 г. ракеты „Тор” были выведены

из Европы, в 1965 г. были сняты с вооружения ракеты „Юпитер”¹³. При этом учитывалось, что в Средиземном и Норвежском морях уже патрулировали атомные подводные лодки США, оснащенные ядерными ракетами средней дальности „Поларис”.

Решение приступить к разработке ракеты „Поларис” было принято в конце 1956 г. 14 апреля 1960 г. экспериментальная ракета была успешно запущена из-под воды. Первая атомная подводная лодка, предназначенная для запуска этих ракет — „Джордж Вашингтон”, — была спущена на воду 9 июня 1959 г. и вступила в строй в конце того же года. 20 июля 1960 г. она в погруженном состоянии запустила ракету „Поларис”. Первая модификация ракеты (А1) имела дальность 1920 км, боеголовку мощностью 0,5 Мт и состояла на вооружении подводных лодок типа „Джордж Вашингтон” до 1967 г. Вторая (А2), изготавливавшаяся серийно с конца 1961 г., при той же головной части имела дальность 2400 км. Третья (А3), которая стала поступать на вооружение с 1964 г., по существу представляла собой новую конструкцию. Она имела дальность более 4000 км и три боеголовки мощностью по 0,2 Мт.

К 1969 г. американский атомный подводный ракетноносный флот состоял из 13 лодок, оснащенных каждая 16 ракетами „Поларис-А2”, и 28 подводных лодок, оснащенных ракетами „Поларис-А3”.

В 60-е годы появились ядерные силы и у американских союзников в Европе.

Первая опытная британская атомная (плутониевая) бомба была взорвана 3 октября 1952 г. на борту фрегата „Плим”. 15 мая 1957 г. на островах Рождества в Тихом океане Великобритания испытала свою первую водородную бомбу. Это побудило США расширить сотрудничество с ней в ядерной области. В 1954 г. в Соединенных Штатах был принят Акт об атомной энергии, допускавший передачу некоторых сведений об атомном оружии дру-

гим странам. При этом США стремились заручиться поддержкой Великобритании в вопросе о размещении в Европе тактического ядерного оружия (такую поддержку они получили на сессии НАТО в декабре 1954 г.) и более активно использовать эту страну в качестве „непотопляемого авианосца”. По тем же соображениям США на основании заключенного в июне 1956 г. соглашения передали Великобритании некоторую информацию о строительстве подводных лодок с атомными двигателями. В феврале 1958 г. было заключено соглашение о передаче британской армии ракет „Тор”, а в 1960 г. была достигнута договоренность о строительстве в Филлингдэйлс американской системы раннего предупреждения. Лондон предоставил Соединенным Штатам и базу для подводных лодок с ракетами „Поларис”: 3 марта 1961 г. американская плавучая база „Протей” вошла в шотландский залив Холи Лох.

В декабре 1962 г. президент США Дж. Кеннеди и британский премьер-министр Г. Макмиллан заключили в Нассау (Багамские острова) соглашение о сотрудничестве в области ядерных вооружений, которое определило „характер английских стратегических ядерных сил, как минимум, на четверть века вперед”¹⁴. США обязались поставить ракеты „Поларис” без боеголовок (головные части должны были быть английского производства) и предоставить информацию, необходимую для строительства подводных лодок — носителей этих ракет. Великобритания в свою очередь согласилась передать свои ядерные силы — подводный флот и бомбардировочную авиацию — под командование НАТО. В то же время Макмиллан оговорил право использовать эти силы самостоятельно „в высших национальных интересах”.

26 февраля 1964 г. была заложена первая английская атомная подводная лодка („Резолюшн”), которая должна была быть вооружена ракетами „Поларис”; 25 июня 1964 г., 12 марта и 19 мая 1965 г. — три другие („Ренаун”, „Рипалс” и

„Ривендж”). В 1967—1970 гг. они вступили в строй. Первые три оснащены ракетами „Полярис-А3”, четвертая — „Полярис-А3ТК” (6 разделяющихся боеголовок индивидуального наведения мощностью по 40 кт).

Великобритания создала и свои собственные ядерные ВВС — 54 средних бомбардировщика „Вулкан-В. 2” (радиус действия без дозаправки топливом в воздухе — 2800 км, боевая нагрузка — до 10 т).

Франция также осуществила свою программу создания „сил устрашения”. Испытав в 1960 г. атомную бомбу, она в 1966 г. начала разрабатывать и в 1974 г. приняла на вооружение оперативно-тактическую ракету „Плутон” (дальность — 120 км, мощность боеголовки — 15 кт). В 1960—1967 гг. была разработана и к 1972 г. поступила на вооружение баллистическая ракета средней дальности S.2 (SSBS). Две батареи (по 9 ракет в каждой) были размещены на плато Альбион в Верхнем Провансе. Ракета S.2 имела дальность 3000 км и несла боеголовку мощностью 150 кт. Эти ракеты заменяются на S.3, которые имеют большую дальность (3500 км), более мощную боеголовку (1,2 Мт) и большую точность попадания (половина ракет должна попасть в круг радиусом 1 км вместо 2,3 км у S.2).

В 1963 г. Франция начала разрабатывать баллистические ракеты, запускаемые с подводных лодок (MSBS). В 1972 г. атомная подводная лодка „Редутабль” вышла в плавание с 16-ю ракетами M.1 (дальность 2500 км, мощность боевой части — 0,5 Мт). Спустя два года со стапелей сошел уже третий по счету французский подводный ракетоносец „Фудройянт”, который нес в своих пусковых шахтах новые ракеты M.2, имевшие дальность 3000 км. В дальнейшем число подводных лодок-ракетоносцев было доведено до пяти, и все они были перевооружены ракетами M.20 (ракета M.2, оснащенная мегатонной боеголовкой).

Кроме того, французские ВВС имеют в своем составе 47 средних бомбардировщиков „Мираж-IVА”, которые могут нести ядерные авиабомбы AN-22 мощностью 70 кт.

Помимо перечисленного выше ядерного оружия, 1054 американских межконтинентальных баллистических ракет, огромного парка стратегической авиации члены Североатлантического союза отводили в своих планах большое место развитию тактического ядерного оружия. На вооружении войск НАТО в середине 60-х годов имелись, например, оперативно-тактические ракеты „Мэйс”, „Матадор”, „Першинг”; тактические ракеты „Лакросс”, „Капрал”, „Сержант”, „Онест Джон”; истребители-бомбардировщики „Вэлиант”, „Буканир” С-2В, F-100D „Супер Сейбр”, F-104G „Старфайтер”, F-4, а также E-4 „Фантом-2”. Франция располагает 75 истребителями-бомбардировщиками „Мираж-IIIЕ” и „Ягуар-А”, которые способны доставлять к цели авиабомбы AN-52 с ядерным зарядом мощностью 25 кт. В артиллерию поступили системы, приспособленные для стрельбы ядерными снарядами (полевая 155-мм гаубица M-114, тяжелая полевая 203,3-мм гаубица). Командование американских войск накопило на своих складах в Западной Европе свыше 7000 ядерных боеголовок¹⁵.

Советский Союз никогда не считал желательным ядерное противостояние, особенно в Европе. „Много раз СССР предлагал хотя бы поставить предел соперничеству в этой области. Но до настоящих переговоров дело так и не дошло... Ни в 60-х, ни 70-х годах правительства США не пожелали, чтобы их системы средней дальности, т. е. так называемые средства передового базирования, тоже стали предметом переговоров и на них распространялись возможные соглашения. Судя по всему, сложившееся соотношение ядерных сил средней дальности устраивало тогда американцев”¹⁶. Для собственной защиты и защиты своих союзников (а не для угрозы кому бы то ни было)

Советский Союз создал и разместил на своей территории средства, уравнивающие вооружения тех, кто объявил себя его потенциальными противниками.

В конце 70-х годов такое положение перестало устраивать руководство США и НАТО. Американская администрация и ее воинствующие партнеры из других стран, — участниц Североатлантического блока вознамерились нарушить сложившееся в минувшем десятилетии военно-стратегическое равновесие между СССР и США, между Организацией Варшавского Договора и НАТО. Для оправдания взятого ими курса на достижение военного превосходства над СССР и Варшавским Договором сфабрикованный много лет назад миф о „советской военной угрозе” дополняется ныне новыми тезисами об „отставании” США и НАТО в военной области в целом, о появлении в американской военной машине „окон уязвимости” и другими вымыслами.

В конце 70-х годов на Западе развернулась особенно шумная пропагандистская кампания, призванная оправдать подготавливавшееся в то время решение НАТО о производстве и размещении в Западной Европе новых американских ядерных ракет средней дальности. Как и ранее, активно раздувался миф о „советской угрозе” и делались заявления об огромном „отставании” Запада в области ракетно-ядерного оружия средней дальности. При этом ссылались на советскую ракету СС-20 (по натовской терминологии), которая вводилась в Советском Союзе взамен устаревших ракет типа СС-4 и СС-5. Здесь следует обратиться к историческим фактам.

Западные государства неоднократно модернизировали свои ядерные вооружения средней дальности в Европе, проводят такую модернизацию сейчас и планируют аналогичные мероприятия в будущем. В Великобритании вместо ракет „Поларис-А3” вводятся более совершенные „Поларис-А3ТК”, а в 90-е годы их планируется заменить

на систему „Трайидент-2”. Во Франции предусмотрена замена ракет М.20 на М.4 (5—7 боеголовок индивидуального наведения мощностью по 0,15 Мт, дальность — около 5500 км, повышенная точность наведения); ракеты наземного базирования S.3 будут заменяться на S.4 с 7-ю боеголовками и дальностью 5000—6000 км. Модернизируются либо заменяются более совершенными системами и средства передового базирования США.

Советская ракета СС-20 действительно отличается от прежних типов ракет, в частности тем, что может нести 3 боеголовки. Однако — и об этом забывают на Западе — суммарная мощность зарядов одной ракеты ниже, чем мощность одной боеголовки заменяемых ракет, а количество пусковых установок становится меньше. Беря на вооружение одну новую, Советский Союз снимает одну или две старые ракеты и пускает последние вместе с пусковыми устройствами на слом. Таким образом, в процессе замены устаревших ракет общая численность носителей у СССР уменьшалась и одновременно сокращалась совокупная мощность советского ядерного потенциала средней дальности. Главное же заключается в том, что боевое предназначение ракет остается прежним — противостоять ядерным силам США и их союзников в Европе.

Ракеты „Першинг” поступили на вооружение армии США в 1962 г. Спустя два года 108 ракет было развернуто в Западной Европе для замены устаревших к тому времени громоздких ракетных комплексов „Редстоун”. Еще 72 ракеты с обычными боеголовками было передано бундесверу. После введения в 1969 г. усовершенствований в конструкцию стали различать „Першинг-1” и „Першинг-1А”: наземное оборудование было перебазировано с гусеничных транспортеров на колесные машины, сама ракета подверглась незначительной модернизации.

Оперативно-тактическая ракета „Першинг-1А” имеет дальность 740 км, мощность ядерной голов-

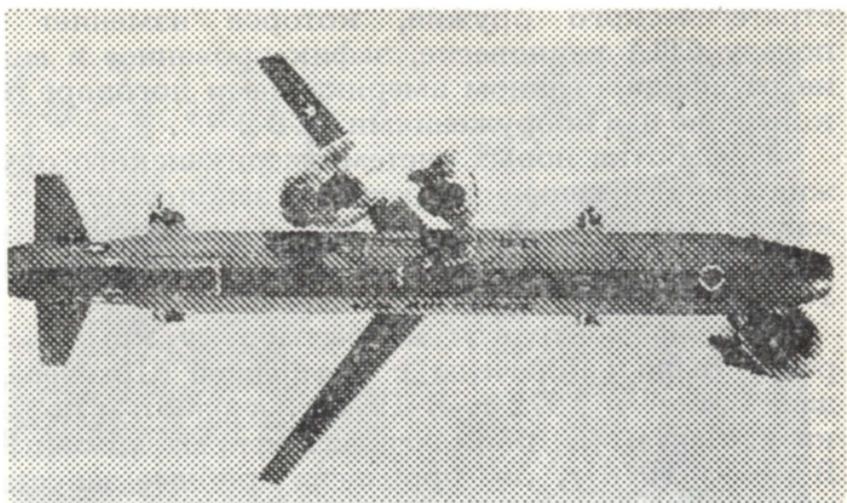
ной части — до 400 кт, точность попадания — в радиусе примерно 400 м. Замену „Першинг-1А” на „Першинг-2” руководители НАТО пытаются преподнести не как новую военную программу, а как обычную „модернизацию” состоящих на вооружении американских средств передового базирования. Однако, судя по материалам иностранной печати, американская баллистическая ракета средней дальности „Першинг-2” является принципиально новой системой, а не „модернизированным” вариантом состоящей на вооружении ракеты. Она имеет новые ядерную головную часть, систему наведения и два твердотопливных двигателя. Последние обеспечивают увеличение максимальной дальности стрельбы почти в 2,5 раза по сравнению с „Першинг-1А”. Ныне она составляет, по одним данным, 1800 км, а по другим — даже 2500 км*. Ракета оснащается либо моноблочной ядерной боевой частью мощностью до 20 кт, либо ядерной проникающей боеголовкой**.

Новые американские баллистические ракеты в Европе — оружие первого удара: они могут достичь целей в 5—6 раз быстрее, чем межконтинентальные; они имеют высокую точность (способны попасть в круг с радиусом 30—40 метров — в 10 раз точнее нынешних „Першинг-1А”); снабжены проникающей боеголовкой, которая необходима лишь для нанесения „первого обезоруживающего удара”.

Ю. Ростю, будучи директором американского Агентства по контролю над вооружениями и разо-

* Поскольку летные испытания продолжаются, точные данные неизвестны. Новый вариант ракеты „Першинг”, который находится в стадии технологической разработки, должен иметь дальность 4000 км.

** Последняя предназначена для ударов по хорошо защищенным целям: ракетным шахтным пусковым установкам, убежищам и т. п. Ее корпус выполнен из высокопрочной стали и выдерживает большие ударные нагрузки при соударении с грунтом¹⁷.

Крылатая ракета воздушного базирования.

ружению, говорил о „Першинг-2”, что „эти ракеты промежуточного радиуса действия с их огромной скоростью и разрушительной способностью являются оружием первого удара или могут им быть”¹⁸.

Крылатые ракеты воздушного и наземного базирования имеют дальность 2500 км и оснащены ядерной боевой частью мощностью 200 кт. Благодаря специальным электронным устройствам крылатые ракеты могут лететь по рельефу местности на околозвуковой скорости и на высоте до 50 метров. Благодаря этому они способны проникать сквозь систему противовоздушной обороны и с высокой точностью поражать объекты. Крылатая ракета может быть обнаружена только в непосредственной близости от цели. Следовательно, она также является оружием первого удара.

Западногерманский еженедельник „Штерн” отмечал: „Обе системы являются технологическими новшествами. И поэтому обе они могут рассматриваться Советским Союзом в качестве нового

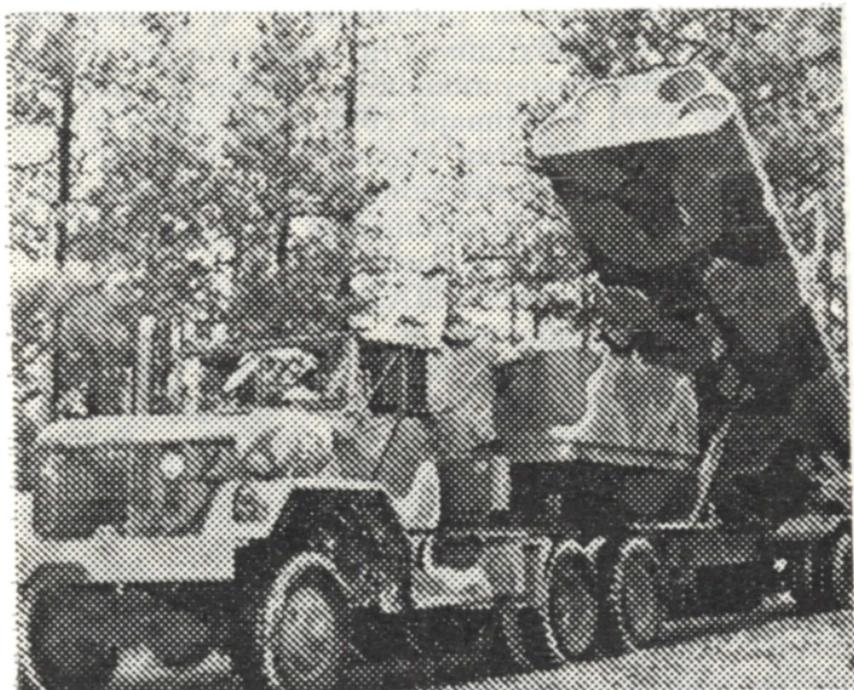
стратегического оружия, которое изменяет в пользу США равновесие, зафиксированное в еще не ратифицированном американцами договоре по контролю над вооружениями ОСВ-2"¹⁹.

Разработка новых систем американского оружия средней дальности началась задолго до того, как Советский Союз приступил к развертыванию ракет СС-20, о которых на Западе заговорили в 1977 г.

Первые контракты на разработку крылатых ракет были заключены с компанией „Дженерал дайнэмикс“ в 1972 г. В 1973 г. к работам по заказу Пентагона подключилась фирма „Боинг“. В марте 1976 г. она произвела пробные запуски прототипов крылатых ракет воздушного базирования AGM-86, имевших дальность 1200 км. После того как президент Картер приостановил программу строительства бомбардировщика В-1, Пентагон потребовал увеличить дальность крылатых ракет. „Дженерал дайнэмикс“ сконструировала систему морского базирования под индексом „В“.

В конце 1979 — начале 1980 г. были произведены сравнительные испытания, и в конце марта Пентагон решил предоставить компании „Боинг“ заказ в размере 5,2 млрд. долларов на изготовление 3000 крылатых ракет. „Дженерал дайнэмикс“ не только получила контракт на изготовление „Томагавков“, но и использовала соответствующую технологию при разработке крылатой ракеты наземного базирования. Эти последние в количестве 464 штук НАТО и намерена разместить в Западной Европе.

Крылатая ракета появилась, после того как были разработаны легкие и экономичные двигатели, в которых в качестве окислителя используется атмосферный воздух. Развитие микроэлектроники позволило оснастить конструкцию компактной системой наведения, позволяющей ракете лететь на сверхмалых высотах. Хотя в конструкции крылатой ракеты использован тот же принцип,

Пусковая установка для американских крылатых ракет наземного базирования.

что в самолетах-снарядах 40–50-х годов, она коренным образом отличается от существовавших ранее систем оружия. Например, изменился способ наведения на цель; траектория полета имеет такой профиль, который крайне затрудняет обнаружение и соответственно уничтожение ракеты. На экране локатора она дает изображение в 1000 раз меньше, чем стратегический бомбардировщик США В-52, и в 100 раз меньше, чем истребитель-бомбардировщик F-16.

Первые сведения о ракете „Першинг-2” относятся еще к 1969 г. В то время американская фирма „Мартин Мариетта” в Орlando получила заказ на проведение проектных и исследовательских работ по новой ракете. Годом позже амери-

канские военные потребовали активизации работ по созданию ракеты „Першинг-2” и развернули дискуссию о необходимости принятия на вооружение новой американской ядерной ракеты.

В мае 1971 и в январе 1972 г. Пентагон заключил с фирмой „Мартин Мариетта” договоры о создании и производстве новой системы наведения на цель и других компонентов разрабатывавшегося оружия средней дальности.

В 1974 г. конгресс США дал „добро” на финансирование разработки и производства ракет „Першинг-2”. На следующий же год в США начинает разрабатываться в деталях программа „модернизации” американского оружия средней дальности в Европе. В военном бюджете США на 1975 финансовый год „Першинг-2” фигурировала в качестве самостоятельной программы.

На заседании министров обороны стран — членов НАТО в июне 1976 г. были одобрены планы модернизации вооружений европейского театра войны и дальнейшей разработки ракетной системы „Першинг-2”²⁰.

Официальная „реанимация”

Официальное начало „реанимации” планов по размещению в Европе американского ракетно-ядерного оружия средней дальности относится к 1977—1978 гг. и связано с приходом в США к власти администрации президента Дж. Картера. Новое руководство Соединенных Штатов взяло курс на подрыв основ политики разрядки, на нагнетание международной напряженности.

Член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР, Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов отмечал: „США открыто заявили о намерениях прибегать в своей политике к использованию или угрозе применения оружия, в том числе и ядерного. Целые регионы мира стали беззащит-

чиво объявляться сферой „жизненных интересов” США. Создаются интервенционистские „войска быстрого развертывания”, наращиваются американские базы в Индийском океане, во многих странах Ближнего Востока и других районах, увеличиваются в Европе запасы вооружения и военной техники для войск двойного базирования. Руководящие круги Вашингтона вознамерились опрокинуть все положительное в советско-американских отношениях, достигнутое в 70-е годы, сломать примерное равенство в военной области между СССР и США”²¹.

Не случайно дискуссия, развернутая вокруг советских ракет средней дальности СС-20, достигла своего пика в тот момент, когда в Соединенных Штатах Америки начали вырисовываться контуры политики, направленной на подрыв зафиксированного в договоренностях об ограничении стратегических вооружений примерного военного равновесия, на достижение военного превосходства. К этому времени американские программы по разработке новых ядерных ракет средней дальности уже шли полным ходом. На заседании группы ядерного планирования НАТО в июне 1977 г. США предложили западноевропейским странам принять на вооружение крылатые ракеты. Утверждалось, что речь идет только о ракетах с обычными боеголовками. Однако, по сообщениям американской печати, уже была готова ракета с ядерной боеголовкой, и оба варианта „выглядели внешне одинаково”.

В 1977 г. проблема „модернизации” ядерного оружия театра войны по своей важности занимала первое место среди вопросов, дискутировавшихся в рамках НАТО. В это же время американские правящие круги стремились „не повредить” процессу ОСВ посредством запланированного развертывания крылатых ракет, контроль над которыми был бы затруднен „из-за их относительно небольших размеров, способности лететь на небольшой высоте по рельефу

местности и стартовать с различных пусковых установок”²². „Их дальность полета, например, фиксируется с большим трудом, поскольку она может быть увеличена путем незаметного изменения профиля полета или за счет изменения соотношения мощности двигателя и полезного веса”²³. К этому же времени в США активно занимались разработкой ракеты „Першинг-2”, про которую было сказано: „Предпринятые улучшения ракеты „Першинг-2” не должны повредить этим переговорам (ОСВ-2. — Авт.), поскольку дальность полета не будет превышать 400 миль (740 км. — Авт.), а сама система и впредь будет квалифицироваться как нестратегическая”²⁴. Однако с тех пор дальность полета ракеты „Першинг-2” была увеличена более чем вдвое и, видимо, будет наращиваться и дальше.

Активным поборником принятия на вооружение новых ядерных систем средней дальности выступило правительство Федеративной Республики Германии. Оно стало наряду с США и правительством Великобритании главным инициатором решения НАТО о „довооружении”.

В 1961 г. будущий министр обороны, а затем канцлер ФРГ Г. Шмидт писал по поводу размещения в Европе американских ракет средней дальности в своей книге „Оборона или возмездие”: „В таком развитии событий кроется явная агрессивная провокация в адрес советского руководства, поскольку каждый знает, что все размещенные в Европе ракеты средней дальности предназначены только для первого удара и никак не для второго”²⁵. В то время Шмидт выступал с критикой неверных представлений о военно-политической стратегии НАТО, которые имеются у „многих дилетантов, а также у отдельных образованных военных”. И вот семнадцать лет спустя тот же самый Гельмут Шмидт стал одним из инициаторов нового витка гонки вооружений, для которого вице-канцлер и министр иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншер изобрел термин „довооружение”.

В своей книге „Оборона или возмездие” будущий западногерманский канцлер неоднократно указывал на то, что размещение в Европе ракет средней дальности „самым серьезным образом угрожает гражданскому населению”. Он писал: „Ракеты наземного базирования должны размещаться на Аляске, Лабрадоре, в Гренландии или в пустынях Ливии и Передней Азии, но ни в коем случае не в густонаселенных областях, поскольку они „притягивают” к себе ядерные ракеты противника. Все, что вызывает на себя огонь, неприемлемо для государств с высокой плотностью населения или для малых площадей”²⁶.

28 октября 1977 г. тот же Г. Шмидт, будучи канцлером ФРГ, выступил с докладом в лондонском Международном институте стратегических исследований. Лекция была посвящена памяти бывшего директора этого института А. Бухана и, судя по названию („Политические и экономические аспекты безопасности Запада”), не должна была касаться проблем вооружений. Однако Г. Шмидт оговорился, что анализу экономических аспектов безопасности он „хотел бы предпослать анализ некоторых актуальных стратегических и политических аспектов”²⁷. Далее он заявил, что „изменившиеся стратегические условия ставят перед нами новые проблемы. ОСВ закрепляет стратегическое ядерное равновесие между Советским Союзом и США в договорном порядке. Иначе говоря, в результате ОСВ стратегические ядерные потенциалы США и Советского Союза нейтрализуют друг друга”. Отсюда канцлер ФРГ сделал вывод о возрастании „дисбаланса между Востоком и Западом в области тактических ядерных и обычных вооружений в Европе”²⁸. Он сослался на то, что в период, когда начинались переговоры об ОСВ, в Западной Европе „недостаточно ясно видели или недостаточно ясно подчеркивали тесную связь между паритетом в области стратегических ядерных вооружений, с одной

стороны, и тактическими ядерными и обычными вооружениями — с другой”²⁹. Г. Шмидт заключил первую часть своего выступления требованием устранить „существующие в Европе диспропорции параллельно с переговорами об ОСВ”, а пока этого не произошло — „придерживаться сбалансированности всех компонентов стратегического устрашения”. Более конкретно это означало, что НАТО должна „предоставить для действующей стратегии достаточные и необходимые средства”³⁰.

Таким образом, выступление Г. Шмидта в лондонском Международном институте стратегических исследований не содержало прямого призыва к „восстановлению равновесия” в Европе путем „довооружения” НАТО. Однако именно с него начался отсчет времени официальной кампании за размещение нового американского оружия средней дальности в западноевропейских странах. Выступление Г. Шмидта в октябре 1977 г. было интерпретировано не как призыв к переговорам по тактическим и обычным видам вооружений в Европе, а именно в смысле требования „довооружиться”. Первое открыло бы путь к дополнению стратегического ядерного паритета региональным равновесием сил на более низком уровне. Второе означало новый виток гонки ядерных вооружений.

Едва ли можно представить себе Г. Шмидта, занимавшего некогда пост министра обороны ФРГ, в роли человека, не ведающего, как могут быть истолкованы его слова. И вряд ли можно сомневаться, что он рассчитывал именно на тот эффект, который имело его выступление. Вопрос о „довооружении” был перенесен из тиши лабораторий и кабинетов военных на страницы прессы и в залы парламентов.

Хотя выступление Г. Шмидта в лондонском Международном институте стратегических исследований и принято считать началом официальной кампании за „довооружение”, не следует думать, что подобные аргументы не высказывались руко-

водящими деятелями США, западноевропейских стран и НАТО прежде. Речь канцлера ФРГ просто оказалась „весьма ко времени”, а годом раньше могла бы пройти незамеченной. Сколь мало оснований для требования „довооружения” дает выступление Г. Шмидта, показывает то, что в дальнейшем возраст проблемы „угрозы” со стороны советского оружия средней дальности в Европе постоянно подправлялся. Проблема становилась все старше³¹

Глава IV

РЕШЕНИЕ О РАЗВЕРТЫВАНИИ „ЕВРОРАКЕТ“

Принятие решения НАТО о „модернизации“

Значение выступления Г. Шмидта искусственно раздувалось на Западе. Оно было использовано в качестве отправного пункта кампании за „доворужение“. Уже в следующем году термин „модернизация ядерных сил театра войны“ входит в официальные документы НАТО.

Еще в мае 1977 г. на сессии Совета НАТО в Лондоне министрам обороны стран — участниц блока было поручено разработать „долгосрочную программу“, которая „позволит вооруженным силам НАТО соответствовать меняющимся потребностям в области обороны“¹.

Такая программа была одобрена Вашингтонской сессией Совета НАТО, состоявшейся 30—31 мая 1978 г. на уровне глав государств и правительств. Она предусматривала, в частности, модернизацию ядерного оружия театра войны. В заключительном коммюнике сессии под двадцать шестым пунктом было сказано: „Руководители союзных стран пришли к выводу, что в отсутствие справедливых соглашений о разоружении и контроле над вооружениями удовлетворительное соотношение стратегических ядерных сил, ядерных сил театра войны и неядерных сил может быть обеспечено лишь при условии расширения усилий в области модернизации и укрепления военного потенциала Союза (НАТО. — Авт.)“². Вопрос об оружии средней дальности еще занимал по важности лишь 26-е место среди рассматривавшихся

НАТО проблем и лишь в контексте модернизации всех компонентов вооруженных сил блока.

В подготовленном к Вашингтонской сессии документе под названием „Анализ тенденций в развитии отношений между Востоком и Западом: Информационное сообщение для печати об исследовании странами — членами НАТО долгосрочных тенденций в развитии отношений между Востоком и Западом” требование модернизации ядерного оружия — театра войны было сформулировано в столь же общем виде. „Страны — члены НАТО должны предпринимать необходимые шаги для поддержания эффективной системы средств сдерживания и обороны, учитывая неуклонное наращивание военного потенциала странами Варшавского пакта и отсутствие надлежащего соглашения о контроле над вооружениями и разоружении. Сохранение союзниками удовлетворительного соотношения сил в военном плане на базе общей суммы стратегических и тактических ядерных сил и обычных вооруженных сил имеет важное значение не только для обеспечения безопасности и противодействия любым попыткам со стороны кого-либо другого претворить свою военную мощь в расширение политического влияния, но также и для того, чтобы сделать возможными успешные поиски разрядки со стороны союзников”.

В этих общих формулировках можно уже довольно ясно различить все элементы официальных доводов НАТО в пользу „довооружения”. Ядерное оружие средней дальности изображается одним из средств „сдерживания и обороны”, хотя по своим характеристикам оно может быть только оружием первого удара. Модернизация представляется необходимой в силу двух причин. Во-первых, из-за „неуклонного наращивания военного потенциала” Организации Варшавского Договора. Во-вторых, в силу отсутствия „надлежащего соглашения” о контроле над вооружениями и разоружении. Надо полагать, что под „надлежащими” понимаются

соглашения, охватывающие ядерное оружие средней дальности и обычные вооруженные силы. Но ведь именно США и другие страны НАТО не позволяли добиться прогресса на переговорах о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе, которые с 30 октября 1973 г. проходят в Вене. И именно из-за позиции Соединенных Штатов включение ядерного оружия средней дальности в переговоры об ограничении стратегических вооружений было отложено до третьего их этапа. Присутствует в цитированном документе и оправдание наращивания военных усилий как основы проведения успешной политики разрядки. В этом случае политика разрядки становится средством осуществления агрессивной политики НАТО, а не ее противоположностью: с ее помощью хотят достичь того, чего не удастся добиться посредством угроз с опорой на военную силу.

На сессии группы ядерного планирования НАТО 18—19 октября 1978 г. в Брюсселе „поддержание безопасности Союза посредством модернизации ядерных сил НАТО на театре войны” рассматривалось более подробно. По традиции фоном служило мнимое „продолжающееся усиление советского ядерного потенциала”, „особенно в области межконтинентальных систем и систем большой дальности на театре войны”. „Советская угроза” была, таким образом, конкретизирована, формулировка же требования модернизации осталась расплывчатой. Министры лишь „подтвердили необходимость поддержания существенной связи между стратегическими ядерными, ядерными на театре войны и обычными силами”. Если это положение можно принять за цитату из доклада Г. Шмидта в октябре 1977 г., то лишь потому, что мысль о „триаде для устрашения и обороны” является тривиальной для мышления натовских стратегов. В соответствии с известным „докладом Армеля” (1967 г.) сессия группы ядерного планирования подтвердила, что „под-

держание потенциала устрашения и обороны Союза и переговоров о соглашении по контролю над вооружениями являются взаимодополняющими путями обеспечения безопасности НАТО в перспективе”. Пожалуй, на сей раз эта связь была более конкретно подчеркнута применительно к ядерному оружию средней дальности. Впоследствии соответствующее положение вошло в решение НАТО о производстве и размещении новых американских ракет, что позволило именовать его „двойным”: и „довооружение”, и переговоры. Принимавшие участие в работе сессии министры обороны, как говорилось в коммюнике, „продолжали рассмотрение необходимости кратко- и долгосрочных мероприятий, касающихся положения с ядерными силами театра войны в Европе, и решили, что исследования и планирование в этой области должны быть продолжены”³.

5—6 декабря 1978 г. в Брюсселе состоялась сессия Комитета планирования обороны НАТО, на которой министры „выразили свою озабоченность продолжающимся усилением, несмотря на длительную сдержанность, проявляющуюся НАТО в этой области, советского ядерного потенциала, противостоящего Союзу (НАТО. — Авт.), особенно в том, что касается систем большой дальности”: ракет СС-20 и бомбардировщиков „Бэкфайер”. „Советская угроза” все больше конкретизировалась. Теперь уже из общего военного потенциала стран Варшавского Договора, о котором в документах НАТО шла речь раньше, были точно выделены ее „источники”. Определенных решений вновь принято не было. Продолжался процесс „исследования и планирования”, а одновременно — процесс испытаний и доводки новых американских ракет средней дальности, о которых до поры до времени открыто не говорили. Пока сроки готовности нового оружия к размещению в Западной Европе не были ясны, министры ограничились повторением формулы „справедливый контроль над вооружениями и соглашения по

разоружению” — или „большие усилия в области модернизации и усиления военного потенциала Союза”⁴.

Однако печать сообщала, что на сессии Комитета планирования обороны шел более конкретный разговор, чем это отражено в коммюнике. Швейцарская „Нойе цюрхер цайтунг” писала: „Помимо прочего, здесь речь идет о том, как и в какой степени растущей угрозе Европе со стороны советских ракет средней дальности (СС-20) и бомбардировщиков („Бэкфайер”) должны быть противопоставлены ядерные носители большого радиуса действия, в каких странах их необходимо разместить, нужно ли говорить о ракетах или о крылатых ракетах, или о других системах оружия...”⁵. Натовские стратеги, следовательно, перешли от общих рассуждений к подготовке конкретных решений, но от общественности это всячески пытались скрыть. Сроки принятия решения о „довооружении” определялись не темпами роста мифической „советской угрозы” и ее масштабами, а исключительно ходом подготовки к производству новых американских ракет. Именно это заставляло США и НАТО на словах проявлять „долготерпение перед лицом растущей советской угрозы”.

Как только стали обрисовываться сроки готовности американских ракет*, решение об их производстве и размещении в странах Западной Европы было предопределено. По некоторым данным, это произошло во время встречи глав государств и правительств четырех крупнейших стран Запада в Гваделупе 5—6 января 1979 г.⁶ по инициативе президента США Картера**.

Поскольку решение было фактически пред-

* Предложенный президентом Картером военный бюджет на 1979 финансовый год уже включал 144 млн. долларов на производство ракет „Першинг-2”.

** Великобритания была представлена Дж. Каллагэном, ФРГ — Г. Шмидтом, Франция — В. Жискара д'Эстеном.

определено вотумом руководителей основных государств Североатлантического блока, сессия группы ядерного планирования НАТО, проходившая на авиационной базе Хомстед во Флориде 24—25 апреля 1979 г., провозгласила необходимость „сохранять и модернизировать ядерные силы театра войны“. Однако время открыто заявить, что „модернизация“ ядерного оружия средней дальности в Европе будет состоять в размещении ракет нового поколения, представляющих оружие первого удара, еще не настало. Поэтому в коммюнике говорилось, что „на данной стадии не было принято никаких решений“. Министры будто бы ожидали доклада специальной группы, созданной 11 апреля 1979 г. по предложению ФРГ для „изучения мер по контролю над вооружениями, касающихся ядерных ракет среднего радиуса действия“*.

Прежде чем преподнести решение о „довооружении“ общественности, ее следовало должным образом к этому подготовить. В данном случае это означало — запугать. И вот во время сессии группы ядерного планирования НАТО появляется сообщение под заголовком „Новые ядерные ракеты в ГДР. Группа ядерного планирования НАТО обсуждает советскую угрозу“. В сообщении говорилось: „Советский Союз разместил в ГДР новые ракеты малой дальности с ядерными боеголовками, которые представляют особую опасность для ФРГ. Об этом заявило министерство обороны США за несколько часов до того, как на военно-воздуш-

* Предполагалось, что этот орган, позже переименованный в специальную консультативную группу, будет действовать параллельно с группой ядерного планирования НАТО и займется координацией всех проблем, связанных с ядерными ракетами средней дальности в Европе. Результатом этого должна была явиться общая позиция стран НАТО к третьему этапу переговоров об ограничении стратегических вооружений.

ной базе Хомстед в районе Майами собралась группа ядерного планирования НАТО. Это событие станет предметом дискуссии шести министров обороны...”⁷ И только спустя месяц та же газета сообщила: „В ГДР нет никаких новых ракет. Белый дом опровергает сообщения секретных служб о новых вооружениях в Европе”.

Тем временем так называемая группа высокопоставленных экспертов, созданная в рамках НАТО, занималась уже определением числа подлежащих размещению ракет. Решено было, что следует разместить от 200 до 600 ракет. При этом исходили из того, что меньшее количество „не вызовет достаточного беспокойства” у Советского Союза, а большее, по мнению многих входивших в группу экспертов, „представило бы слишком большую угрозу” с точки зрения СССР.

Таким образом, во время сессии на базе Хомстед члены группы ядерного планирования НАТО были озабочены не проблемой сокращения ядерных вооружений средней дальности в Европе путем переговоров, а непосредственной подготовкой к размещению американских ракет. План подготовительных мероприятий включал и соответствующую обработку общественного мнения. Соответственно, в заключительном коммюнике сессии больше внимания было уделено положениям, призванным вызвать пропагандистский эффект. Так, министры „по-прежнему выразили поддержку усилиям США начать переговоры”, хотя Соединенные Штаты затягивали подписание Договора об ОСВ-2, что являлось предпосылкой дальнейших переговоров. Министры „в особенности отметили широкие мероприятия по усовершенствованию, проводимые Советами в области ядерных сил большой дальности на театре войны.., особенно ракету СС-20, которая представляет собой прогресс по сравнению с прежними системами...” Министры „подтвердили, что НАТО не может обеспечить достоверное устрашение в Европе, опираясь только на обычные вооруженные силы; и что, не уве-

личивая зависимости (НАТО — Авт.) от ядерного оружия и не предопределяя долгосрочных оборонительных мероприятий в области обычных вооружений, необходимо сохранять и модернизировать ядерные силы театра войны”. Североатлантический блок, следовательно, решил сохранить свободу рук и в области „модернизации” обычных вооруженных сил, а значит и на Венских переговорах о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. Заявляя, что „на данной стадии не было принято никаких решений”, министры пообещали „полностью учесть возможности контроля над вооружениями” при решении вопроса о „модернизации” американских ракет средней дальности. Они выразили удовлетворение, что данные возможности продолжают изучаться специальной группой НАТО.

И все это под прикрытием „сохраняющейся озабоченности модернизацией советских систем ядерных сил театра войны”, которая будто бы „проводится в масштабах, явно превышающих потребности обороны”, и „не вызвана тенденциями развития НАТО”⁸.

В заключительном коммюнике сессии Комитета планирования обороны НАТО (Брюссель, 15—16 мая 1979 г.) была в окончательном виде выработана формула оправдания решения о „довооружении”, которая стала повторяться в последующих документах НАТО*. „В свете значительных программ, осуществляемых в Советском Союзе по модернизации и расширению его ядерных сил театра войны, особенно компонента большой дальности, министры подтвердили, что необходимо сохранять ядерные силы театра войны и продолжать их модернизацию. В этом отношении они также обсудили модернизацию ядерных сил

* Отдельные элементы этой формулы, как мы видим, встречались в коммюнике по итогам заседаний органов НАТО с 1978 г.

НАТО большой дальности, базирующихся на театре войны, в подкрепление стратегии обороны на передовых рубежах и гибкого реагирования, принятой Союзом. Они указали на необходимость параллельного обсуждения модернизации ядерных сил театра войны и контроля над вооружениями и подчеркнули, что усиление опоры на ядерные системы в целом или отход от проводимой НАТО политики не рассматривались⁹⁹.

Напомним, что со времени, когда группа ядерного планирования НАТО демонстрировала мнимую нерешительность в вопросе о размещении ракет, прошло меньше месяца. Однако майская сессия Комитета планирования обороны была последним заседанием военных органов Североатлантического блока перед декабрьскими встречами, где предполагалось принять решение о производстве и размещении ракет. Натовские стратеги решили, что пора отбросить словесный камуфляж и приступить к осуществлению планов. Партнеров, с которыми предстояло встретиться на переговорах в декабре, сочли достаточно подготовленными, т. е. запуганными „советской угрозой”.

В ноябре 1979 г. группа ядерного планирования формально одобрила избранное Соединенными Штатами соотношение крылатых ракет и ракет „Першинг-2”: 464 и 108¹⁰, хотя в коммюнике сказано, что „никаких решений принято не было”.

Оценивая итоги этой сессии группы ядерного планирования, газета „Файнэншл таймс” писала, что министры обороны „расчистили путь к принятию решения о размещении нового поколения американских ядерных ракет в Западной Европе, несмотря на серьезные оговорки Голландии”¹¹.

Намереваясь провести через органы Североатлантического блока решение о размещении в Европе крылатых ракет и ракет „Першинг-2”, натовские стратеги учли свой предшествующий опыт. В частности, они сделали выводы из провала под давлением общественности планов размеще-

ния в ФРГ нейтронного оружия. На этот раз западногерманские лидеры решили „разделить ответственность“ с другими членами НАТО, чтобы противопоставить „атлантическую солидарность“ давлению со стороны антивоенного движения. ФРГ обусловила свое „добро“ на развертывание ракет в пределах своей территории тем, чтобы минимум еще одна из западноевропейских неядерных стран согласилась разместить новые американские вооружения.

На заседании Еврогруппы НАТО в мае 1979 г. английский министр обороны Ф. Пим заявил, что правительство Великобритании намерено „участвовать в принятии трудного решения о модернизации ядерного оружия в Европе“. Таким образом, канцлер ФРГ Шмидт получил немаловажную для него поддержку. Более того, английские консерваторы стали активно убеждать союзников по НАТО поддержать предложение о размещении ракет.

Однако Великобритания давно поддерживает с США „особые отношения“, в частности по линии сотрудничества в ядерной области. В позиции консервативного английского кабинета по вопросу о размещении „евроракет“ можно было не сомневаться. Его фактически predetermined согласие облегчало задачу Вашингтона, но мало способствовало укреплению позиций правительства ФРГ перед лицом противников гонки ядерных вооружений. Бонну требовалось согласие одной из неядерных стран — членом блока. Однако именно там вокруг натовских планов разгорелись весьма бурные дискуссии.

В Нидерландах партия Христианско-демократический призыв (ХДП), основная в правящей коалиции, сформулировала свою позицию в конце октября 1979 г. Она „ориентировочно“ согласилась на производство ракет, предложив в то же время, чтобы НАТО отсрочила решение об их развертывании на два года, пока с Советским Союзом будут вестись переговоры о контроле над

вооружениями. Если переговоры окажутся успешными, то производство ракет можно будет прекратить. В этом пункте позиция ХДП отличалась от линии НАТО, настаивавшей, чтобы решение о производстве и развертывании ракет было принято одновременно. По оценкам политических наблюдателей, позиция ХДП явилась компромиссом, преследующим цель избежать раскола в партии и разногласий в НАТО.

Поскольку поддержка натовского плана со стороны Нидерландов становилась все более проблематичной, министр обороны ФРГ Г. Апель заявил в ноябре 1979 г., что „возможная сдержанность Голландии в отношении голосования за размещение нового ракетно-ядерного оружия в декабре не окажет влияния на позицию ФРГ”. Г. Апель готов был удовлетвориться „возможным согласием” Италии или Бельгии на размещение ракет^{1 2}.

На сессии группы ядерного планирования НАТО в Гааге 13—14 ноября 1979 г. голландский министр обороны В. Схолтен обусловил согласие своего правительства на „модернизацию” ядерных сил ратификацией американским сенатом Договора об ОСВ-2 и сокращением объема выполняемых Нидерландами в рамках НАТО ядерных задач^{1 3}.

В конечном итоге правительство Нидерландов поддержало „двойное” решение НАТО, но постановило отложить до декабря 1981 г. решение вопроса о размещении крылатых ракет на территории страны. Готовность разместить на своей земле новое американское оружие выразила Италия. Норвегия и Дания не допускают размещения ядерного оружия в мирное время. Правительство Бельгии решило зарезервировать свое мнение сроком на четыре месяца.

Чтобы „подбодрить” своих европейских союзников, Вашингтон использовал различные средства давления. В ноябре 1979 г., незадолго до решающей сессии Совета НАТО, сотрудники министерства обороны США довели до сведения

западноевропейских стран, что при отсутствии решения о развертывании новых ракет в 1983 г. они не смогут просить конгресс о выделении средств на их дальнейшую разработку¹⁴. По сообщениям зарубежной прессы, строительство и развертывание новых ракет должны обойтись США самое меньшее 3—5 млрд. долларов. Вклад европейских стран — членов НАТО должен составить около 150 млн. долларов¹⁵.

10 декабря 1979 г. в Брюсселе состоялось заседание Еврогруппы НАТО. Повторив аргументацию, разработанную на предшествующих сессиях органов НАТО, министры обороны западноевропейских стран постановили, что на специальном совместном заседании министров иностранных дел и обороны государств — членов НАТО 12 декабря должны быть рассмотрены целостные предложения о программе „модернизации” размещенного в Западной Европе ядерного оружия театра войны и „дополняющее их приложение” о контроле над вооружениями¹⁶.

Заседавший 11—12 декабря Комитет планирования обороны не занимался отдельно вопросом о „евроракетах”, указав в коммюнике, что он будет рассмотрен непосредственно после окончания его заседания на специальной сессии¹⁷.

Специальная сессия министров иностранных дел и министров обороны государств — членов НАТО состоялась вечером 12 декабря 1979 г. Та часть коммюнике, которая касалась ракет средней дальности, гласила: „После интенсивного обмена мнениями, в том числе и об альтернативных подходах и их ценности, и после того, как были приняты к сведению позиции определенных членов Союза, министры согласились, что интересам Союза в целом в наибольшей степени будет отвечать, если будут приняты два параллельных и взаимодополняющих курса: модернизация ядерных сил большой дальности на театре войны и контроль над ядерными силами большой дальности на театре войны.

При этом министры решили модернизировать потенциал ядерного оружия НАТО большой дальности на театре войны посредством дислоцирования американских систем наземного базирования в Европе. Эти системы включают 108 пусковых установок для „Першинг-2”, которые заменят нынешние американские „Першинг-1А”, и 464 крылатые ракеты наземного базирования. Каждая из систем оснащена лишь одной боеголовкой. Все государства, входящие в настоящее время в интегрированную структуру обороны, примут участие в этой программе. Ракеты будут размещены в определенных странах, а соответствующие побочные расходы будут оплачены в рамках существующих финансовых соглашений НАТО совместно”¹⁸.

Заканчивается коммюнике следующим пассажем: „Нужды НАТО в оружии театра войны будут рассмотрены в зависимости от конкретных результатов, достигнутых в ходе переговоров” с СССР.

Эту фразу газета „Монд” назвала „противоречивой, но красноречивой”. Создается впечатление, писала газета, что многое умышленно не пожелали уточнять в надежде, что СССР в конечном счете „проявит благоразумие”. Страны — члены НАТО согласились, что переговоры о „евроракетах” будут вести исключительно СССР и США. Но заключительная фраза коммюнике имеет тот отрицательный момент, что начало переговоров увязывается с проблематичной ратификацией Договора об ОСВ-2 американским сенатом.

Наконец, Вашингтон давал понять, что на декабрьской сессии Совета НАТО будут сделаны очень широкие предложения о переговорах с СССР. „Приходится констатировать, — писала „Монд”, — что в коммюнике нет ничего подобного”¹⁹.

На декабрьской специальной сессии министров иностранных дел и обороны НАТО было также принято решение вывести из Европы 1000 амери-

канских ядерных боеголовок* из имеющихся там 7000. В мае 1980 г. появились сообщения о начале выполнения этого решения. Однако поступившие в печать сведения на этот счет весьма разноречивы. Комментатор французской радиостанции „Европа-1” сообщил, что речь идет об атомных боеголовках, которые являются „устаревшими и не отвечающими требованиям момента”. Вывод их из Западной Европы преследует цель „расчистить площадки” для размещения новых американских ракет. Согласно другим сообщениям со ссылками на натовские круги осуществлялся вывод не боеголовок, а главным образом устаревших атомных мин и артиллерийских снарядов. Очевидно, это ближе к истине, поскольку вокруг сокращения — даже временного и за счет устаревших систем — запасов наступательного ядерного оружия в Западной Европе Вашингтон не преминул бы поднять пропагандистскую шумиху.

В официальных документах проблема вывода американского ядерного оружия из Западной Европы затрагивалась только однажды. В коммюнике совещания 13 министров обороны стран НАТО от 20 октября 1981 г. говорится, что „по сути дела Соединенные Штаты в одностороннем порядке убрали тысячу боеголовок из Европы в рамках выполнения решения 1979 года”. Однако 10 ноября 1981 г. „Вашингтон пост” писала, что принятое на сессии НАТО в апреле 1981 г. решение о выводе из Западной Европы американских ядерных боеголовок все еще является секретным, и в НАТО идут споры о времени предания его гласности: одни стремятся огласить его немедленно в качестве меры противодействия расширяю-

* „Программа не повысит значения ядерного оружия для НАТО, — говорилось в коммюнике спецсессии министров иностранных дел и обороны от 12 декабря 1979 г., — в этой связи министры согласились, что в качестве неотъемлемой составной части модернизации ядерных сил театра войны из Европы как можно скорее будет выведена 1000 американских ядерных боеголовок”²⁰.

щелюся антиядерному движению в Западной Европе, другие — и в первую очередь Соединенные Штаты — желали бы сохранить его в тайне до тех пор, пока не будут развернуты новые ракеты.

Согласно сообщению „Вашингтон пост“, речь идет, во-первых, о выводе ядерных боеголовок 20-летней давности для зенитных ракет „Найк-Геркулес“, которые уже сняты с вооружения в США и должны быть заменены в Западной Европе ракетной системой ПВО „Пэтриот“, оснащенной обычными боеголовками*. Во-вторых, одновременно был утвержден план вывода примерно 300 разработанных в 50-е годы атомных мин. Они были предназначены для блокирования „путей вторжения“, но так и не были установлены и до сих пор хранятся в Нидерландах и ФРГ. Однако атомные боеголовки к ракетам „Найк-Геркулес“ и атомные мины — это в сумме 500 единиц атомного оружия. Что составляет вторую половину выводимых ядерных боеприпасов — неизвестно.

Осенью 1981 г. в одном из внешнеполитических журналов США появились сведения о том, что вывод тысячи устаревших боеголовок закончен. Но автор писал о тактическом ядерном оружии^{2 1}. В начале 1982 г. заместитель государственного секретаря США по политическим вопросам Л. Иглбергер подтвердил, что в 1980 г. США вывели из Европы 1000 боеголовок^{2 2}. Однако подробности до сих пор остаются в тайне.

Западногерманский еженедельник „Штерн“ следующим образом откликнулся на принятие „двойного решения“ НАТО: „Еще раз было обнаружено советское военное превосходство и еще раз — отставание Запада. В сфере вооружений подобные „отставания“ играют ту же самую роль, что черт в церкви. Военные, политические деятели и, конечно, промышленники уже более трех десятилетий выискивают подобные бреши, с тем

* Производится размещение 6000 ракет этого типа в ФРГ.

чтобы выманывать деньги налогоплательщиков на осуществление программ вооружений”²³.

Близкая к западногерманским социал-демократам „Франкфуртер рундшау” прокомментировала итоги сессии НАТО следующим образом: „Будущие летописцы, говоря о дискуссии по поводу ядерных ракет средней дальности, уточнят., что еще никогда население демократических государств... не было так дезинформировано, как в конце 70-х годов”²⁴. Английская „Дейли телеграф” обратила внимание на выявившиеся в НАТО в связи с „двойным” решением противоречия. „Хотя согласие было все-таки достигнуто, и на первый взгляд в НАТО нет никакого раскола, ясно, что имеются глубокие расхождения во мнениях между теми, кто хочет вести переговоры с Варшавским пактом относительно соглашения об ограничении вооружений с позиций силы, и теми странами, которые предпочли бы открытое обсуждение с русскими, прежде чем дать свое согласие на развертывание новых ракет”²⁵.

Советский Союз расценил декабрьское решение НАТО как попытку разговаривать с СССР с позиции силы. Еще до принятия „двойного” решения член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко на пресс-конференции в Бонне подчеркнул, что данное решение означало бы предварительное политическое условие и разрушило бы имевшуюся основу для переговоров об оружии средней дальности в Европе²⁶. После принятия решения НАТО Советский Союз расценил его как попытку нарушить сложившийся в Европе военный баланс²⁷. „В официальных объяснениях планов размещения новых американских ядерных ракет в Европе фальшиво все — от начала до конца. И то, будто это „довооружение” в ответ на вызов Советского Союза, который якобы не стал вести переговоры об оружии средней дальности, и то, будто США решили разместить свои новые ракеты в Западной Европе, лишь откликаясь на просьбу союзников и исключительно

заботясь об их „безопасности“. ...Западную Европу приспособливают к очередному агрессивному повороту в ядерных доктринах США ценой колоссальных опасностей, навлекаемых на населяющие ее народы”²⁸.

Аргументы
сторонников
„довооружения”

Цепочка аргументов в пользу „модернизации” ядерных средств средней дальности в Западной Европе постепенно выстраивалась в процессе подготовки декабрьского решения НАТО. В дальнейшем мощное движение, направленное против размещения новых американских ядерных ракет, потребовало от натовских стратегов расширения аргументации. И все же спектр доводов остался достаточно узким. Сформировался своего рода стандартный набор, который неизменно фигурирует в выступлениях тех политиков в странах Североатлантического блока, в задачу которых входит осуществлять и одновременно оправдывать „двойное” решение.

С военной точки зрения — а решающую роль в дискуссиях играли именно соображения военного плана, — производство и развертывание новых американских ракет официально обосновываются ссылкой на необходимость, во-первых, создать противовес советским ракетам СС-20; во-вторых, „связать” ядерное оружие театра войны и стратегические силы США, т. е. обеспечить возможность эскалации конфликта в Европе с применением ядерного оружия средней дальности до глобальных масштабов.

Эти два аргумента являются основными, хотя в дальнейшем стали приводиться и другие. Они фигурировали в коммюнике заседаний органов НАТО, подготовивших декабрьское решение 1979 г.

Каково в настоящий момент соотношение сил между НАТО и Организацией Варшавского Договора в области ядерного оружия на европейском континенте?

Бывший натовский генерал, ныне известный итальянский политический деятель, сенатор Нино Пасти писал: „Мы, на Западе, исходим из того, что вся информация из советских источников является лишь пропагандой, которой нельзя доверять. С другой стороны, мы принимаем на веру всю ту информацию, которая прямо или косвенно распространяется секретными службами США. Но полагаться на такие односторонние сведения опасно и наивно. Путем основательного изучения официальных документов США и НАТО... можно сделать в лучшем случае лишь частично правильные расчеты”²⁹.

Руководители КПСС и Советского государства неоднократно заявляли о существовании примерного равенства ядерного потенциала НАТО и ОВД в Европе. Об этом же много раз говорили бывший канцлер ФРГ Г. Шмидт, бывший госсекретарь США А. Хейг и другие западные руководители.

Обратимся к фактам. Для использования на европейском континенте страны НАТО имеют 857 носителей ядерного оружия средней дальности, в том числе США около 700 (самолеты F-111, FВ-111, F-4; самолеты—носители ядерного оружия А-6 и А-7, базирующиеся на борту американских авианосцев в омывающих Европу морских и океанских водах). Кроме того, 64 баллистические ракеты морского базирования составляют английский потенциал. 142 единицы (98 ракет и 44 бомбардировщика) имеется у Франции. Все эти средства имеют дальности (радиусы действия) от 1000 до 4500 км. У Советского Союза имеется 975 единиц аналогичных средств доставки ядерного оружия³⁰.

Откуда же берется советское „превосходство”? Оно создается посредством недобросовестного обращения с фактами, различного рода циф-

ровых махинаций. Например, лондонский Международный институт стратегических исследований выделяет виды оружия межконтинентальной (свыше 6400 км), промежуточной (2400—6400 км), средней (800—2400 км) и малой (до 800 км) дальности. Подсчет сил сторон производится по такому показателю, как „число доставляемых боеголовок”*, получаемому с помощью коэффициентов, которые представляют собой субъективные оценки и не поддаются проверке. В результате оказывается, что страны — участницы Варшавского Договора имеют поистине пугающее превосходство над НАТО в области носителей ядерного оружия с дальностью (радиусом действия) менее межконтинентальной³¹. Но при ближайшем рассмотрении эти подсчеты оказываются не более чем умелой мистификацией. В арсенал Организации Варшавского Договора включаются и те виды вооружений, которые не могут достичь Западной Европы (а тем более США) с территории Советского Союза, не учитывается мощность доставляемых зарядов и т. д. Беспристрастный анализ баланса ядерных средств средней дальности в Европе, т. е. способных достигать объектов на территории СССР и соответственно стран — членов НАТО, дает совершенно ясную картину: примерно 1000 носителей у каждой стороны. А если взглянуть на такой существенный показатель, как количество ядерных зарядов, поднима-

* Число доставляемых (до цели) боеголовок = число наличных боеголовок \times коэффициент, характеризующий способность боеголовок уцелеть после атаки противника \times коэффициент надежности боеголовок \times коэффициент, характеризующий способность боеголовок преодолеть оборону противника.

Число наличных боеголовок = число средств доставки \times число боеголовок на каждом средстве доставки \times коэффициент использования боеголовок \times коэффициент пригодности боеголовок к использованию.

емых в одном пуске (вылете), то страны НАТО имеют даже полуторное преимущество.

Что касается „аргумента“, будто Запад не обладает средствами, аналогичными советским ракетам СС-20 по своим боевым возможностям, то он игнорирует без всяких на то оснований наличие 64 баллистических ракет с многозарядными боеголовками на подводных лодках Великобритании и 80 — у Франции, а также существование 18 французских баллистических ракет наземного базирования.

С какой стороны ни подойти, а при объективном учете имеющихся в Европе ядерных средств средней дальности между Организацией Варшавского Договора и НАТО существует баланс.

Второй довод сторонников „довооружения“ — обеспечение „ядерного зонтика“ США над Западной Европой — сложнее. „С достижением стратегического паритета (между СССР и США. — Авт.) все большее число политических деятелей и наблюдателей приходило к выводу, что ядерный зонтик 50-х годов превратился в фикцию”³². Это обосновывалось тем, что, опасаясь ответного удара по своей территории, Соединенные Штаты не станут применять стратегическое ядерное оружие против СССР в случае войны в Европе, а следовательно, американский „потенциал сдерживания” теряет свое значение. Предполагается, что ракеты „Першинг-2” и крылатые ракеты будут использованы Соединенными Штатами против Советского Союза в случае конфликта в Европе независимо от того, создаст ли он угрозу для территории США. Их использование должно повлечь за собой ответный удар Советского Союза по американской территории, после чего и Соединенные Штаты применят свои стратегические силы. Таким образом, развертывание новых американских ракет в Западной Европе будто бы восстановит и усилит веру в эскалацию ограниченного рамками европейского континента конфликта до глобального уровня даже в условиях стратегического паритета.

Однако авторы исследования, проведенного авторитетным Стокгольмским международным институтом по изучению проблем мира, отмечают, что развертывание новых ракет не меняет положения с „ядерным зонтиком” США над Западной Европой. Они считают, что „время любых „зонтиков” прошло, и „зонтик” над Западной Европой, возможно, является последним, который закрылся”: в случае войны США не смогут отвести от себя ответный удар; следовательно, они должны быть заинтересованы в том, чтобы избежать конфликта. Американские ракеты могут не укрепить, а только ослабить безопасность Западной Европы: „Более эффективные виды оружия... явно противоречат безопасности” Западной Европы³³.

Слабость второго аргумента и в том, что в случае, если развернутые в Западной Европе американские ракеты средней дальности будут обрушены на Советский Союз, со стороны последнего возможны ответные удары как по территории Соединенных Штатов, применивших это оружие, так и по территории западноевропейских стран, откуда были запущены ракеты. В первом случае ядерная война примет глобальные масштабы, во втором — будто бы ограничится пределами Европы. На Западе имеются сторонники как первой, так и второй точки зрения. Гадают, кого постигнет возмездие: того, кто „нажал на кнопку”, или, кто превратил свои страны в стартовые площадки.

Советский Союз неоднократно заявлял, что „ограниченная” ядерная война — бессмыслица. По своему характеру она всеуничтожающа. Фактически, сказал министр обороны СССР Д. Ф. Устинов, США „подставляют своих союзников по НАТО под ответный ядерный удар, превращая их в заложников своей ядерной стратегии. Этот ответный удар для большинства стран Западной Европы, где будет размещено американское ядерное оружие, может стать и последним”. Но и Соединенные Штаты не останутся безнаказанны-

ми. „Если в Вашингтоне рассчитывают, что на применение „Першингов“ и крылатых ракет мы ответим лишь по целям в Западной Европе, то там глубоко заблуждаются. Возмездие последует неотвратимо и по самим Соединенным Штатам”³⁴.

Тезис о необходимости связать применение ядерного оружия среднего радиуса действия с последующим использованием стратегических сил США имеет помимо военного и политический аспект.

Советско-американские соглашения, направленные на ограничение стратегических потенциалов сторон и предотвращение ядерной войны, породили у ряда западноевропейских политических деятелей беспокойство на счет того, смогут ли они и впредь опираться на военную мощь США в отношениях с Советским Союзом, или Соединенные Штаты, руководствуясь собственными интересами, готовы лишить Западную Европу подобных гарантий. Западноевропейским правительствам виделся призрак кондоминиума двух „сверхдержав“, который будто бы возникал в послании президента Никсона конгрессу 1973 г. и советско-американском соглашении о предотвращении ядерной войны, подписанном 22 июня 1973 г.

В послании конгрессу от 3 мая 1973 г. Р. Никсон зафиксировал принципиальное различие между доктриной „баланса сил“, когда между государствами существует военно-политическое равновесие, но они стремятся к достижению превосходства путем приобретения частичных преимуществ, и сложившейся на тот момент ситуацией, когда следование такой доктрине являлось исключительно рискованным. По мнению западногерманского исследователя Р. Левенталя, это было окончательным признанием Советского Союза в качестве „державы, формирующей мировой порядок наряду с США“. С точки зрения этого автора, такая постановка проблемы оказала сильное влияние на политико-стратегическое мышление союзников США по НАТО³⁵

Усиленно поддерживая и развивая на протяжении многих лет миф о двух „сверхдержавках”, западные политические деятели, ученые, журналисты до известной степени сами оказались у него в плену. Миф основывается на сходстве некоторых внешних характеристик СССР и США: большая территория, огромный людской, экономический и военный потенциал и т. п. Отсюда делается вывод об общности политических интересов „сверхдержав”, хотя они определяются отнюдь не формальными чертами государств, а прежде всего социальным строем.

Стремление не отказываться полностью от использования военной силы в отношениях с СССР, применять ее хотя бы в качестве средства политического давления — а это невозможно без опоры на стратегические силы США — вызвало у западноевропейских политических деятелей настороженное отношение к признанию Советским Союзом и Соединенными Штатами в договорном порядке того факта, что эти две державы несут особую ответственность за поддержание мира и потому должны приложить все усилия к предотвращению ядерной войны. В связи с этим не только администрации Картера и Рейгана, но и ряд правительств Западной Европы проявили активность в подготовке, принятии и осуществлении решения о „довооружении”.

По мнению некоторых критиков „довооружения”, уже наличие двух независимых обоснований заставляет предположить, что истинные мотивы решения о производстве и развертывании новых американских ракет средней дальности в Западной Европе коренятся в другом. „В доводах, которые выдвигают сторонники развертывания этих вооружений, налицо вызывающий беспокойство разнобой”, — писали в журнале „Форин афферс” известные деятели в администрации президента Кеннеди — М. Банди, Дж. Кеннан, Р. Макнамара и Дж. Смит. Первый довод („довооружение” — ответ на размещение ракет

СС-20) они назвали „простейшим и, на первый взгляд, наиболее убедительным тезисом“. Второй — что „при отсутствии новых неуязвимых американских вооружений, которые смогут поражать Россию с территории Западной Европы, не может быть никакой уверенности в том, что будет сохранено обязательство применить стратегические силы Соединенных Штатов для обороны Западной Европы” — „порывает всякую логическую связь с беспокойством по поводу советских ракет СС-20...”. Названные авторы отмечают, что „столь различные мотивировки порождают сомнения насчет подлинной цели планируемого размещения этих американских ракет”³⁶.

Как ни убедительно выглядит приведенное мнение, все же представляется, что процитированные выше авторы неправы. На связь обоих аргументов указал еще Г. Шмидт в октябре 1977 г.: в условиях стратегического паритета, установления согласованного количественного предела и качественных ограничений стратегических сил СССР и США проблема ядерного оружия среднего радиуса действия приобретает новое значение.

Аргументы сторонников „довооружения” не выдерживают критики в ином отношении. Как указывается, например, в ежегоднике Стокгольмского международного института по изучению проблем мира, советское оружие средней дальности в Европе существует не менее 20 лет — с конца 50-х или начала 60-х годов. С развертыванием ракет СС-20 эта „угроза” была лишь как бы „открыта заново”³⁷. Этот факт действительно заставляет предположить, что решение о „довооружении” вызвано иными причинами, нежели необходимостью создать противовес советскому оружию средней дальности: „скорее, внимание было привлечено к СС-20, чтобы оправдать ощущавшуюся потребность в модернизации, которая рано или поздно в любом случае возникла бы”³⁸. Не разделяя мнения о своего рода автономном развитии вооружений, можно согласиться, что раз-

вертывание советских ракет СС-20 явилось, бесспорно, надуманным предложением.

С политической точки зрения, необходимость „двойного” решения обосновывается также тем, что оно является „пробным камнем солидарности и дееспособности партнеров по Союзу”, как выразился, например, государственный министр в МИД ФРГ П. Кортерье, выступая на 27-й ежегодной сессии Североатлантической ассамблеи (Мюнхен, 11—16 октября 1981 г.). Американцы, в том числе и представители администрации, заявляют, что согласие на размещение новых ракет „было чем-то вроде проверки верности [западно]-европейцев нашему Союзу”³⁹.

Решение о „довооружении” в этом случае предстает в качестве некоего искусственного препятствия, которое необходимо преодолеть лишь для того, чтобы убедиться в собственных силах. Английская „Файнэншл таймс”, например, усматривала основное значение „двойного” решения в том, что НАТО „сумела принять трудное решение о развертывании нового оружия... Запад оправился от прошлогоднего дела с нейтронной бомбой... и продемонстрировал свою способность к самостоятельным действиям”⁴⁰.

Сущность декабрьского решения НАТО при этом выносится за скобки, словно речь идет о безобидных упражнениях, а не о вопросах войны и мира.

Эйфория, вызванная „проявлением политической воли” стран — участниц НАТО в связи с принятием декабрьского решения, скоро пошла на убыль. Оказалось, что „довооружение” не решает проблем Североатлантического пакта, а скорее, создает новые. „Влияние проблемы ядерных сил театра войны на политическую обстановку в Западной Европе и на сплоченность НАТО может быть сильным и вредным”, писал бывший директор американского Агентства по контролю над вооружениями и разоружению П. Уорнке⁴¹. Тем не менее призывы к проявлению единства НАТО

по-прежнему используются как довод в пользу размещения новых американских ракет.

Другой политический аргумент в пользу новых ракет гласит, что советское превосходство в области ядерного оружия средней дальности (полученное, как мы видели, путем подтасовок) в условиях стратегического паритета позволит Советскому Союзу использовать его в качестве средства политического давления на западноевропейские страны. „В способности [СССР] использовать превосходящий потенциал оружия средней дальности в качестве средства политического давления по отношению к Западу и в риске вытекающей отсюда регионализации политической и военной эффективности этих систем вооружений заключалась подлинная проблема, породившая дискуссию о довооружении”, — писал уполномоченный правительства ФРГ по вопросам разоружения и контроля над вооружениями в ранге посла Ф. Рут^{4 2}. Имея „перевес” в области оружия средней дальности, вторил ему Л. Иглбергер, председатель специальной консультативной группы НАТО, которая разрабатывала позицию Запада к переговорам по ограничению оружия средней дальности, Советский Союз может вообразить, будто он способен „разорвать стратегическую связь между Соединенными Штатами и Европой и, нейтрализовав стратегическую угрозу со стороны США, использовать свое растущее превосходство в области ядерного оружия средней дальности, чтобы угрожать европейским странам” — членам НАТО^{4 3}.

Эти аргументы относятся к так называемой теории шантажа: будто бы Советский Союз развернул ракеты СС-20 (и бомбардировщики „Бэкфайер”), чтобы „шантажировать” Западную Европу. По этому поводу сотрудники Стокгольмского международного института по изучению проблем мира пишут, что, „выделяя СС-20 как источник ненадежности и инструмент потенциального шантажирования, некоторые политические деятели

доходили до заявлений, что они заранее готовы поддаться давлению... С другой стороны, если западноевропейские политики заявляют, что они не чувствительны к ядерному шантажу, то не ясно, чего Советский Союз мог бы добиться от Западной Европы путем шантажа". И цитируемые авторы заключают: „Теория шантажа требует серьезного пересмотра”⁴⁴.

К этому следует добавить, что „орудием политического давления” или „шантажа” новые советские ракеты служить не могут по той простой причине, что для этого было бы необходимо обладать военным превосходством, а СС-20 лишь уравнивают ядерный потенциал Великобритании и Франции и средства передового базирования США в Европе.

Сомнительность или откровенная слабость аргументов, приводимых в обоснование „договоружения”, заставляет предположить, что они не отражают действительных мотивов, лежащих в основе принятия решения НАТО в декабре 1979 г.

Наиболее очевидная цель НАТО — изменить военный баланс в Европе в свою пользу. В результате развертывания новых американских ракет она получит полуторное преимущество по числу носителей и примерно двойное — по количеству ядерных боезарядов. Естественно, что это заставило бы Советский Союз увеличить свой оборонный потенциал. Поэтому „куда разумнее и реалистичнее говорить о сохранении паритета, который уже существует, и, как показывает опыт, является неплохой основой для сохранения мира”⁴⁵.

Другая цель „двойного” решения НАТО состоит в том, чтобы создать ядерную угрозу европейским социалистическим странам. „Новые ракеты, если они будут введены, по всей вероятности, будут нацелены на объекты в Восточной Европе, к западу от советской границы. Ведь если запущенная вооруженными силами США ядерная ракета ударит по Советскому Союзу, то Советский Союз, по всей вероятности, обратит ответный удар

против Соединенных Штатов, независимо от того, прилетела ли ракета из Федеративной Республики Германии или из Монтаны”^{4 6}.

Вряд ли стоит гадать, кого первого постигнет ответный удар ядерных сил Советского Союза. Ни у кого не должно быть сомнений в том, что свои союзнические обязательства по Варшавскому Договору он выполнит в полной мере. И независимо от того, на какую из братских социалистических стран и откуда будет совершено нападение, ядерная война, развиваясь по своим собственным законам, приобретет глобальные масштабы. Огонь войны не обойдет и тех, кто ее начал, и тех, кто превратил свои страны в стартовые площадки для оружия агрессии. Сейчас задача заключается в том, чтобы предотвратить ядерную войну. Но расчет натовских стратегов на то, чтобы создать потенциальную угрозу европейским социалистическим странам, вызвать напряженность в социалистическом содружестве и тем самым ослабить его единство и сплоченность, просматривается достаточно ясно. В определенном смысле можно говорить о новом этапе в „восточной” политике империализма.

Возможно, что планы развертывания в Западной Европе нового американского оружия средней дальности имеют, с точки зрения НАТО, и еще один аспект. Все элементы вооруженных сил — стратегические ядерные, средней дальности, обычные вооружения — тесно связаны в рамках единой системы. Устойчивость этой системы может до известной степени поддерживаться с помощью одних элементов за счет других. Не исключено, что НАТО кроме прочего стремится обеспечить себе больший простор для такого рода маневров. Не рассматривается ли в натовских штабах вопрос об „уравновешивании” сокращения обычных вооруженных сил наращиванием ядерных средств средней дальности? Хотя в процессе подготовки к „довооружению” настойчиво подчеркивалось, что его осуществление не приведет к усилению

акцента на ядерное оружие, исключать такого рода вариантов нельзя.

Опасность подобных планов — наличие их сейчас можно только предполагать — в том, что их реализация приведет к снижению „ядерного порога”, т. е. применению ядерного оружия на более ранних ступенях конфликта. С такими идеями давно носился верховный главнокомандующий объединенными вооруженными силами НАТО в Европе американский генерал Б. Роджерс.

Можно вспомнить и о создании „сил быстрого развертывания” в США для защиты „жизненных интересов” Соединенных Штатов в самых различных районах мира, где они окажутся под угрозой („доктрина Картера”), и о тенденциях к „расширению географической зоны ответственности” НАТО за пределы Северной Атлантики, проявившихся на сессии Совета блока в мае 1982 г. В Западной Европе расквартировано 300 000 американских солдат. Так не планируют ли западные стратеги использовать их для защиты „жизненных интересов” США и НАТО в отдаленных регионах, рассматривая новые американские ядерные ракеты в качестве своеобразной компенсации? Хотя окончательные выводы делать еще рано, развитие событий позволяет предполагать наличие подобных планов.

Помимо общих для всех стран НАТО мотивов, побуждавших их принять решение о „доворужении”, США и западноевропейские члены Организации Североатлантического договора руководствовались и каждый своими собственными интересами.

Соединенные Штаты, помимо стремления к созданию количественного и качественного военного превосходства над Советским Союзом, стремятся также — и, может быть, в первую очередь — отвести ответный ядерный удар СССР от своей территории. „Нынешняя способность США к устрашению коренным образом подорвана, поскольку она не обеспечивает защиту американской террито-

рии”⁴⁷, — считают К. Грей и К. Пейн. Если удастся обеспечить условия, при которых возмездие постигнет не США, а их союзников, то это, по мнению американских исследователей, укрепит „способность США к устрашению”. Одновременно „евро-ракеты” дадут Соединенным Штатам дополнительное средство политического давления на их западноевропейских союзников в мирное время и сделают Западную Европу заложницей США⁴⁸. В результате „довооружения” НАТО страны Западной Европы, разместившие новое американское оружие на своей территории, „будут усеяны высокоприоритетными целями для ядерного оружия, что фактически гарантирует вовлечение Западной Европы в любую стратегическую войну между двумя великими державами”⁴⁹

В свою очередь западноевропейские страны — участницы НАТО, голосуя за решение о „довооружении”, стремились обеспечить участие США в европейских конфликтах любого уровня. До сих пор роль „заложника” на случай конфликта, начавшегося не по инициативе Соединенных Штатов или даже против их воли, выполняла 300-тысячная группировка американских войск. Теперь к ней должны прибавиться (или заменить ее?) ракеты „Першинг-2” и крылатые ракеты. При этом речь идет не только о возможности вооруженного столкновения с государствами — участниками Варшавского Договора, но и о конфликтах между западноевропейскими странами. Американское военное присутствие в Европе является для них в определенной мере стабилизирующим фактором.

Не последнюю роль среди причин, побудивших правительства Западной Европы поддержать в 1979 г. декабрьское решение НАТО, сыграло их стремление усилить собственную роль в определении ядерной политики США, а следовательно, и в разработке военной стратегии Североатлантического пакта. Если о ходе переговоров с СССР об ограничении стратегических вооружений Соединен-

ные Штаты лишь информировали своих западноевропейских партнеров, а Договор об ОСВ-2 был одобрен Советом НАТО только после его подписания, то решение о „довооружении” готовилось с октября 1977 г. с участием всех западноевропейских стран в рамках группы высокопоставленных экспертов НАТО под председательством американского представителя. Опираясь на проведенное ею исследование „потребностей” НАТО в ядерном оружии большой дальности на театре войны, созданная в апреле 1979 г. специальная (позже — специальная консультативная) группа НАТО разработала позицию, которую заняли Соединенные Штаты на женевских переговорах об ограничении ядерного оружия средней дальности в Европе. Деятельности обеих групп и механизму консультаций между США и Западной Европой в рамках НАТО в целом западноевропейские члены Североатлантического пакта придают очень большое значение. В настоящее время для них это главное средство повысить свой вес в рамках НАТО. И видимо, им удастся достичь этой цели. Не случайно созданный механизм консультаций получает одобрение официальных лиц в Западной Европе. Например, представитель правительства ФРГ по вопросам разоружения Ф. Рут высоко оценивает „готовность Соединенных Штатов и их представителей полностью считаться с интересами партнеров по Союзу”. „В истории двусторонних американско-советских переговоров об ограничении ядерных вооружений, — пишет он, — еще не было столь интенсивных, основанных на сотрудничестве консультаций, как в этом случае”⁵⁰. В этом, видимо, и заключалась одна из целей западноевропейских членов НАТО в связи с решением о „довооружении”.

Декабрьское решение НАТО, таким образом, направлено не только против Советского Союза, социалистического содружества. Страны — члены НАТО пытаются с его помощью шантажировать и друг друга. Эта рискованная игра способна поставить человечество на грань ядерной катастрофы,

Глава V

О ТЕХ,
КТО
ПРОТИВ

Сразу после принятия в декабре 1979 г. решения о „довооружении” в Североатлантическом союзе вспыхнули разногласия, которые удалось на время подавить в период подготовки решения. Но тогда вопрос решался в сравнительно узких рамках НАТО и за плотно закрытыми дверями правительственных кабинетов. Теперь же он был вынесен на всеобщее обсуждение.

Норвегия и Дания с самого начала отказались размещать ядерное оружие на своей территории в мирное время. Правительство Бельгии первоначально отложило решение вопроса, затем поставило свое согласие на размещение в стране 48 американских ракет в зависимость от результатов советско-американских переговоров.

Голландия поддержала в декабре 1979 г. натовскую резолюцию с оговорками. Свое окончательное решение относительно размещения 48 крылатых ракет на территории страны правительство Нидерландов пообещало принять спустя два года. Но в октябре 1981 г. новое левоцентристское правительство отказалось четко сформулировать свою позицию по вопросу о размещении в стране новых ракет. Оно собиралось решить этот вопрос, когда выработает политику в области ядерной обороны на четырехлетний срок. Однако разногласия между вошедшими в левоцентристское правительство партиями преодолеть не удалось. Представители Партии труда заявили, что оставят

•

свои посты, если будет принято какое-либо решение о размещении ракет в Нидерландах. Партия Демократы-66 выступила против развертывания в стране ракет „при нынешних обстоятельствах”. Даже в буржуазной партии христианских демократов существует активная оппозиция планам „доворужения”.

В связи с разногласиями, вызванными декабрьским решением НАТО, заговорили о кризисе Североатлантического блока. „Разброд, который существует в настоящее время в ядерной политике и практике нашего Союза (НАТО. — Авт.), очевиден, — писал журнал „Форин афферс”. — Правительства и их представители сохраняют видимость единства, когда подчеркивают, что продолжают поддерживать двойное решение, принятое в декабре 1979 года... Но за этим внешним единством скрываются сеющие рознь споры, особенно в тех странах, где должны быть размещены эти новые виды оружия”¹.

Генеральный секретарь НАТО Й. Лунс, выступая 30 сентября 1981 г. на встрече, организованной в рамках Ассоциации Североатлантического союза*, обвинил правительства западноевропейских стран в том, что они с недостаточной решительностью разъясняют необходимость „модернизации” ядерного оружия США в Европе.

Огромную роль в борьбе против размещения новых американских ядерных ракет в Западной Европе играет широкое движение за мир, за предотвращение ядерной войны.

Мировая общественность
против
американских ракет

Движение за мир, против угрозы ядерной войны стало в 80-е годы влиятельной силой не только в

* Неправительственная организация, ставящая своей целью содействие достижению целей НАТО. Ежегодно проводит свои ассамблеи.

странах — участницах НАТО, но и в нейтральных и неприсоединившихся государствах Европы, охватило Японию, Австралию, Новую Зеландию и другие районы мира. В ряде стран это движение приобрело специфические формы, наиболее соответствующие их традициям и условиям. Так, в Скандинавии оно сконцентрировалось на проблеме создания безъядерной зоны на Севере Европы, в Великобритании — на „одностороннем разоружении”, в США — на проблеме замораживания американского и советского ядерных потенциалов, в Греции — на борьбе за ликвидацию американских военных баз и т. д.

В 1981 — 1982 гг. антивоенное движение достигло таких масштабов, что можно говорить о качественно новом этапе его развития.

В антивоенную борьбу включаются все новые слои и профессиональные группы: ученые, врачи, учителя, юристы, военные и другие. Весьма широк идейный и политический состав антивоенного движения. В нем участвуют десятки тысяч организаций, занимающих самые различные позиции: коммунисты, социалисты и социал-демократы, католические и протестантские союзы, группы и партии защитников окружающей среды.

Участники антивоенного движения постепенно осознают взаимосвязь внутри- и внешнеполитических проблем, начинают понимать зависимость между увеличением налогового бремени, сокращением ассигнований на социальные нужды, ростом военных бюджетов, с одной стороны, и империалистической внешней политикой, ведущей к усилению угрозы ядерной войны, — с другой².

Реакционные и империалистические круги утверждают, будто антивоенное движение направляется „рукой Москвы”. Шпрингеровская печать делает такие заявления: „Кто не поддерживает безоговорочно решение НАТО о „довооружении”, является коммунистом, не случайным, а сознательным, действиями которого руководят с той стороны”³. Конечно, коммунисты вносят

немалый вклад в защиту мира. Однако невозможно замолчать и тот факт, что движение за ядерное разоружение нашло многочисленных и активных сторонников среди людей различных убеждений, членов различных партий и беспартийных.

Во всем мире организации, провозгласившие своей целью борьбу за предотвращение ядерной войны, отмечают небывалый рост своих рядов в 80-е годы. Численность организации „Американцы за разумную ядерную политику” в течение 1981 г. увеличилась на 70%. Другие антивоенные организации США, такие, как „Врачи за социальную ответственность”, „Союз обеспокоенных ученых”, „Гринпис” (объединяющая сторонников мира и защиты окружающей среды), заявили о существенном росте своих рядов. Число индивидуальных членов британского Движения за ядерное разоружение — самой массовой антивоенной организации в стране — увеличилось в 1980 — 1982 гг. с 3 тысяч до 50 тысяч, а коллективных членов насчитывается четверть миллиона человек. Число членов тред-юнионов в Движении за ядерное разоружение за 1981 г. выросло в пять раз.

В Великобритании уже к декабрю 1977 г. более полумиллиона человек подписало петицию, призывающую правительство отказаться от применения ядерного оружия первым⁴. Среди борцов против ядерной опасности в этой стране такие известные личности, как главнокомандующий английскими войсками в Юго-Восточной Азии во время второй мировой войны лорд Маунтбеттен, профессор биологии Роберт Хайнд, писатель Джеймс Олдридж, ветеран движения за мир лорд Нозль-Бейкер, лидер лейбористской партии М. Фут, депутат парламента Ф. Оллаун, генерал Харботлл.

Выступления противников размещения в стране крылатых ракет влились в движение за одностороннее разоружение, которое, по мнению участников движения, должно вызвать в мире цепную реакцию.

22 июня 1980 г. в Гайд-парке по призыву руководства лейбористской партии, поддержанному Коммунистической партией Великобритании, состоялся митинг протеста против решения НАТО о размещении в Западной Европе новых американских ракет. В митинге приняло участие 25 тысяч человек.

В конце 1980 г. при участии профсоюзов был начат сбор подписей под воззванием против „довооружения“. В течение нескольких недель было собрано более полумиллиона подписей. В марте 1981 г. около 700 представителей тред-юнионов, местных отделений лейбористской партии и других организаций обсудили проблемы, связанные с организацией общенациональной кампании против решения о „довооружении“. После многолетнего перерыва в апреле 1981 г. возобновились пасхальные марши мира. В июне—июле насчитывающий 250 тысяч членов профсоюз шахтеров и крупнейший британский профсоюз транспортных рабочих (1250 тысяч членов) высказались на своих ежегодных конференциях за ядерное разоружение. В июне 1981 г. у здания британского парламента был установлен „пост за разоружение“. Запрет на проведение демонстраций у парламента удалось обойти благодаря тому, что декан Вестминстерского собора Карпентер предоставил для этой цели часть сада.

17 июня 1980 г. правительство М. Тэтчер объявило, что первые 96 крылатых ракет, развертывание которых в Великобритании предусмотрено решением НАТО от 12 декабря 1979 г., будут размещены на базе ВВС Гринэм-Коммон в графстве Беркшир. В августе 1981 г. от г. Кардиффа до Гринэм-Коммон прошел многодневный Марш мира под лозунгом „Женщины — за разоружение, ради жизни на земле“. А 27 сентября 1981 г. 40 женщин, некоторые с маленькими детьми, прибыли из Кардиффа в Гринэм-Коммон. Поблизости от ограды авиабазы они разбили лагерь в палатках и автофургонах и решили оставаться в нем до тех

пор, пока им не предоставят возможность участвовать в публичных дискуссиях по вопросу о ядерном оружии с представителями правительства или министерства обороны.

В декабре 1981 г. неподалеку от предполагаемого места размещения крылатых ракет на американской авиабазе в местечке Моулзуорт в графстве Кэмбриджшир был создан еще один лагерь мира в знак солидарности с жителями первого лагеря мира в Гринэм-Коммон. А вскоре активисты Движения за ядерное разоружение разбили третий лагерь мира у противоядерного убежища в графстве Гламорган (Уэльс), которое официально именуется центром „управления в военное время“. Поводом к созданию лагеря послужило выделение советом графства 400 тысяч фунтов стерлингов на модернизацию этого объекта.

Лагери мира были созданы также у базы американских ВВС в Фэрфорде, в Гвенте и Керуэнте.

Создание лагерей мира не случайно получило в Великобритании большой резонанс. Как неизменно свидетельствуют исследования, более 50% англичан хотят видеть страну свободной от ядерного оружия. По данным опросов, проведенных институтом Гэллапа, 58% англичан против развертывания крылатых ракет в их стране, 56% за аннулирование заказа на закупку американских ракет „Трайидент“ для переоснащения английских ядерных подводных лодок.

Подобные настроения общественности не могли не отразиться на позициях политических партий и других организаций. На 81-й ежегодной конференции лейбористской партии в Блэкпуле (1982 г.) резолюция в пользу одностороннего разоружения Великобритании собрала 2/3 голосов и, таким образом, стала официальной политикой партии. В ней отвергаются планы замены ракет „Поларис“ на „Трайидент“, объявленные правительством консерваторов, или ракеты любой другой системы, планы развертывания любых видов ядерного оружия самой Великобри-

тании или другим государством на ее территории.

Резолюции в пользу одностороннего разоружения были приняты также либеральной партией, Британским конгрессом тред-юнионов и конференциями многих профсоюзов.

Добившись определенных успехов в пропаганде опасности атомной войны и необходимости одностороннего разоружения, британские борцы за мир намерены шире развернуть свою деятельность и перейти к использованию новых форм. Подавляющее большинство из 1300 делегатов ежегодной конференции Движения за ядерное разоружение в 1982 г. высказались за резолюцию об использовании тактики „гражданского неповиновения” и организации мирных выступлений, чтобы воспрепятствовать развертыванию американских крылатых ракет и переоснащению британских подводных лодок ракетами „Трайдент”. Эта резолюция предусматривала создание новых лагерей мира, блокирование подъездных путей к военным базам, развертывание кампании за отказ от уплаты местных налогов.

Огромного размаха достигло на Британских островах движение за объявление отдельных городов и районов безъядерными зонами. Инициатором его в 1981 г. выступил муниципальный совет Манчестера — первого города в Западной Европе, провозгласившего себя „зоной, свободной от ядерного оружия”. Более 170 местных органов власти в Великобритании объявили свои территории свободными от ядерного оружия, в том числе Совет Большого Лондона и все муниципальные советы Уэльса.

Постепенно набирало силу движение против размещения новых американских ядерных ракет в Италии. В состоявшихся летом и осенью 1981 г. Маршах мира, начавшихся в Перудже, Асизе и Комизо, приняло участие свыше 70 тыс. человек. В 1982 г. по инициативе радикальной партии и при участии коммунистов был организован пасхальный Марш мира. Одним из самых рас-

пространенных среди его участников требований было: „Ни лиры на вооружения!”. 5 июня 1982 г. 300 тысяч итальянцев приняли участие в Марше мира, приуроченном к визиту в Италию Р. Рейгана. Инициаторами марша выступили Национальный координационный комитет мира и „Комитет 24 октября”, названный так в честь предыдущего массового Марша мира.

Созданный в апреле 1982 г. в г. Комизо на острове Сицилия, где планируется разместить 112 крылатых ракет, объединенный комитет за мир и разоружение призвал собрать на Сицилии миллион подписей под протестом против строительства в этом городке военной базы. Меньше чем за месяц под петицией протеста поставили свои подписи более 528 тысяч человек. В конце июня 1982 г. „караван мира” проехал по дорогам юга страны, чтобы вручить президенту воззвание, подписанное миллионом сицилийцев.

По инициативе видных деятелей науки и культуры Италии был проведен Марш мира Милан—Комизо. Он начался 27 ноября 1982 г. Участники марша в течение трех недель прошли более 2 тысяч километров. По пути они останавливались в нескольких десятках городов, в каждом из которых состоялись массовые антивоенные манифестации. Важнейшая цель участников марша, как заявил сенатор Р. Ла Валле, была достигнута: они укрепили в сердцах тысяч людей надежду, что мир можно спасти.

В движении против американских ракет в Италии активно участвуют Итальянская компартия, представители профсоюзов, католической церкви, Христианской ассоциации итальянских трудящихся, кооперативов, организации ремесленников и крестьян.

На сильное сопротивление народных масс натолкнулось натовское решение о „довооружении” в Нидерландах. 21 ноября 1981 г. 420 тысяч голландцев приняли участие в антивоенной

манифестации в Амстердаме. Западная печать охарактеризовала ее как „самую мощную антивоенную манифестацию в Западной Европе за весь послевоенный период”. К визиту в Европу Р. Рейгана в июле 1982 г. была приурочена массовая демонстрация в столице Нидерландов, организованная по призыву более чем 20 политических партий, организаций борцов за мир и других движений. Полуторачасовой марш нескольких тысяч человек завершился митингом, на котором прозвучал резкий протест против политики США и НАТО.

95% опрошенных исследовательским центром университета в Неймегене заявили, что правительство должно выступить с требованием об отмене решения НАТО от 12 декабря 1979 г. Группы противников ядерных вооружений возникли и в голландской армии, где они, даже по мнению буржуазной прессы, пользуются уважением офицеров и солдат. Выступающая против размещения в Нидерландах 48 крылатых ракет Партия труда имеет самую крупную фракцию в парламенте страны.

Встретившись со столь мощной оппозицией, сменявшие друг друга правительства были вынуждены неоднократно откладывать принятие окончательного решения о размещении в Нидерландах американских крылатых ракет, хотя и подвергались, с другой стороны, необычайно сильному давлению верхушки НАТО и правительств своих партнеров по этому блоку.

В Бельгии в 1980 г. 41,7% опрошенных выступили против размещения американских ракет, а в 1981 г. — уже 66%.

Более ста бельгийских муниципалитетов, в том числе ряда крупнейших городов страны — Брюсселя, Антверпена, Брюгге, — объявили подведомственные им территории „зонами, свободными от ядерного оружия”. Против размещения 48 крылатых ракет в Бельгии выступил региональ-

ный совет в Валлонии. Фламандский комитет действий против атомного оружия в начале июня 1982 г. передал правительству петицию, в которой содержится призыв отказаться от размещения в Бельгии новых американских ракет средней дальности. Ее подписали более 200 тысяч бельгийцев.

Движение сторонников мира в ФРГ приняло такой размах, какого еще не бывало в истории страны. Этот факт признают даже буржуазные органы печати, которые еще недавно пытались представить антивоенные выступления как не заслуживающие серьезного внимания, проводимые исключительно коммунистами и другими левыми организациями.

Член президиума свободной демократической партии Вильям Борн заявил: „Задача движения за мир состоит в том, чтобы, опираясь на широкую базу трудящихся, разъяснить среди населения цели политической борьбы за мир и необходимость разоружения. Необходимо посредством широко развернутых кампаний организовать для этого массовое движение, которое будет иметь влияние и в партиях, что в еще большей степени будет вынуждать правительство оправдывать действия, идущие вразрез с требованиями политической разрядки”. Таким образом, правительство продемонстрирует перед народными массами, куда ведет его политический курс⁵.

Главное требование сторонников мира — отменить решение о размещении новых американских ядерных ракет в Западной Европе. Согласно опросам Гамбургского социологического института, 45% жителей ФРГ высказали серьезную озабоченность по поводу роста угрозы возникновения новой мировой войны⁶. 75% всего населения страны категорически выступают против размещения на территории Западной Германии новых американских ядерных ракет средней дальности (сентябрь 1983 г.).

Крефельдское воззвание „Атомная смерть угрожает нам всем. — Нет ядерным ракетам в Европе”, собравшее около 5 млн. подписей, начинается словами: „Решение НАТО от 12 декабря 1979 года о довооружении все с большей очевидностью доказывает, что оно является опасной ошибкой”⁷.

Авторы Крефельдского воззвания, известные западногерманские политические и общественные деятели, ученые и священнослужители, публицисты и военные, требуют от правительства ФРГ:

— „взять назад согласие на размещение в центре Европы ракет ”Першинг-2” и крылатых ракет;

— впредь занимать в Союзе (НАТО. — Авт.) такую позицию, которая не позволяла бы подзревать нашу страну в том, что она стремится проложить путь новой, угрожающей в первую очередь европейцам гонке ядерных вооружений”.

Более 15 тысяч членов евангелической общины ФРГ заявили о своей приверженности идее мира без оружия. Поддерживаемая евангелической церковью организация „На службе мира” провела в 1981 г. по всей стране акцию под лозунгом „За мир без оружия”, в которой приняли участие десятки тысяч людей.

В апреле 1981 г. в организации 300-тысячной антивоенной манифестации в столице ФРГ приняли участие более 800 различных организаций.

10 октября 1981 г. более 300 тысяч человек на манифестации в Бонне продемонстрировали решимость бороться против ядерной угрозы, олицетворяемой новыми американскими ракетами средней дальности. Под впечатлением этой демонстрации деятели представленных в бундестаге партий заговорили о необходимости „диалога” с антивоенным движением.

В период весеннего наступления сторонников мира в апреле 1982 г. в ФРГ на протяжении трех дней состоялось более 100 пасхальных маршей

мира. Эта форма протеста против опасности войны, широко использовавшаяся в ФРГ и других странах в 50—60-е годы, была возрождена в связи с решением НАТО от 12 декабря 1979 г. В маршах приняло участие почти полмиллиона человек. Наиболее характерная черта прозвучавших на митингах выступлений — требование к правительству перейти от словесных заверений в приверженности миру к конкретным делам по ограничению гонки вооружений. В 1983 г. в пасхальных маршах мира приняло участие уже 785 тысяч человек.

В мае 1982 г. свыше 1400 западногерманских, политических, общественных и других организаций выступили с обращением „Все на борьбу за мир!“. Они призвали провести в Бонне в день открытия сессии Совета НАТО на высшем уровне — 10 июня — демонстрацию против осуществления решения НАТО о „довооружении“, против химического и нейтронного оружия, за превращение Европы в безъядерную зону. 10 июня в Бонне состоялась 400-тысячная демонстрация. В ней приняли участие сторонники мира из Дании, Голландии, Великобритании, Испании, Швеции, Италии и США.

В борьбу против размещения американских ракет среднего радиуса действия включились и немалые политические силы. Последовательную позицию по этому вопросу занимает партия защитников окружающей среды — „зеленые“. Этому они в определенной степени были обязаны тем, что на досрочных парламентских выборах 6 марта 1983 г. представители данной партии вошли в бундестаг, нарушив существовавшую более двадцати лет монополию четырех партий — ХДС, ХСС, СДПГ и СвДП — на представительство интересов населения ФРГ в центральном органе государственной власти.

Против решения НАТО о „довооружении“ решительно выступает Германская коммунистическая партия. В апреле 1983 г. было опублико-

вано открытое письмо 103 коммунистов — депутатов местных органов власти депутатам от Социал-демократической партии. В нем содержался призыв к совместным выступлениям против размещения американских ядерных ракет, чтобы новое правительство ФРГ не могло истолковать итоги выборов как согласие большинства населения на размещение ракет.

Молодежная организация СДПГ „Молодые социалисты” на своем федеральном съезде в июне 1982 г. приняла послание к правительству ФРГ (возглавляемому тогда социал-демократами), в котором потребовала не допустить размещения на западногерманской территории американского ядерного оружия средней дальности. Объединение женщин в СДПГ требует от всех граждан страны „протестовать против производства новых ракет средней дальности и их размещения в Федеративной Республике и Европе”⁸.

„Молодые демократы” — молодежная организация СвДП, не связанная с партией организационно, — критикуя решение НАТО от 12 декабря 1979 г., исходит из того, что не существует „ядерного отставания” Запада, что новые американские ракеты излишни с военно-стратегической точки зрения и их размещение имеет только один смысл — они могут быть использованы для нанесения первого удара в „ограниченной” ядерной войне⁹.

В 1981 г. треть делегатов съезда СвДП проголосовала против размещения в ФРГ новых ядерных ракет. Их поддержали 1500 функционеров среднего звена. Съезд Гамбургской организации СДПГ в 1982 г., вопреки возражениям лидеров партии, потребовал установления моратория на размещение новых американских ракет в ФРГ до окончания советско-американских переговоров в Женеве.

Таким образом, противники „довооружения” НАТО имеют довольно прочные позиции и в

тех партиях, которые в качестве правительственных принимали непосредственное участие в разработке и „проталкивании” решения НАТО от 12 декабря 1979 г., а затем едва ли не громче всех настаивали на его реализации.

В Соединенных Штатах в 1979 г. специалист в области международных отношений Р. Фосберг выдвинула идею замораживания ядерных вооружений СССР и США. Год спустя, в ноябре 1980 г., ее поддержали на выборах жители трех графств в штате Массачусетс. Тогда же в Джорджтаунском университете зародилось движение за взаимное замораживание ядерных арсеналов Соединенными Штатами и Советским Союзом. К весне 1982 г. оно охватило уже всю страну. В отличие от участников антивоенного движения в Западной Европе, сторонники замораживания ядерных арсеналов в США не выделяют какого-то определенного вида ядерного оружия, а призывают к общему мораторию.

В 1982 г. законодательное собрание штата Массачусетс приняло резолюцию, призывающую к замораживанию ядерных вооружений (после того, как она была одобрена большинством голосов в 59 избирательных округах штата). Аналогичные резолюции были приняты собраниями штатов Коннектикут, Вермонт, Нью-Йорк и др.

Широкую поддержку американской общественности получил проект внесенной 10 марта 1982 г. сенаторами Э. Кеннеди (демократ, от штата Массачусетс) и М. Хэтфилдом (республиканец, от штата Орегон) резолюции, призывающей к замораживанию ядерных арсеналов СССР и США. Конгрессмен Э. Марки внес аналогичное предложение в палате представителей конгресса.

17–25 апреля 1982 г. десятки миллионов американцев были привлечены в рамках кампании „Эпицентр взрыва” к обсуждению катастрофических последствий ядерной войны. Семинары и лекции, посвященные проблеме

ликвидации ядерной угрозы, состоялись более чем в 600 городах, 35 университетах и колледжах, 1200 школах. Губернаторы ряда штатов, мэры многих городов официально объявили неделю „Эпицентр взрыва”.

12 июня 1982 г. более миллиона демонстрантов, протестовавших против ядерного оружия, собралось у здания ООН в Нью-Йорке. Это была самая массовая политическая демонстрация в истории США.

2 ноября 1982 г. одновременно с промежуточными выборами в конгресс и выборами губернаторов штатов в девяти штатах состоялись референдумы по вопросу о замораживании ядерных вооружений. Резолюции о замораживании были представлены 25 процентами избирателей на этом самом крупном референдуме в истории страны. В Калифорнии, где зародилось это движение, его организаторы рассчитывали собрать под проектом резолюции 300 тысяч подписей, необходимых, чтобы губернатор штата назначил референдум. А собрали почти 800 тысяч. 3/5 жителей восьми штатов, а также 26 городов и округов (из 29) потребовали от администрации заключить с Советским Союзом соглашения о прекращении производства и размещения новых ядерных вооружений. Таким образом, 10 миллионов американцев одобрили эту идею. Кроме того, в палату представителей конгресса было избрано более 30 членов (в том числе 11 новых), одобряющих замораживание.

За замораживание ядерных вооружений выступили четыре крупнейших профсоюза США — Межнациональная ассоциация машиностроителей и рабочих аэрокосмической промышленности, Американская федерация служащих штатов, округов и муниципалитетов, Объединенный профсоюз работников пищевой промышленности и торговли, Объединенный профсоюз рабочих швейной и текстильной промышленности. Идею моратория поддержали и крупные профобъединения, не

входящие в АФТ—КПП. Профсоюзы, которые десять лет назад пытались внести раскол в ряды борцов против „грязной войны” во Вьетнаме, теперь стали участниками охватившего всю страну движения за замораживание.

25 различных организаций — от профсоюзных до религиозных, — насчитывающие в общей сложности 20 миллионов человек, образовали общенациональное движение под названием „Граждане против ядерной войны”. Оно выступает за переговоры о поддающемся проверке двустороннем замораживании производства, испытаний и развертывания ядерного оружия. Не менее 75 групп во всех штатах страны объединили свои действия под лозунгом „Оставить крылатые ракеты и „першинги” дома!”. Как заявил координатор этого движения Чел Эвери, протест против размещения в Европе американских ракет объединяет большинство американских антивоенных организаций. Их марши протеста координируются с массовыми выступлениями в Европе. Эта новая черта антивоенного движения в США выводит его на международную арену.

Движение против ядерных вооружений приобрело невиданный в истории США размах. Один из наиболее авторитетных специалистов по изучению общественного мнения в США Л. Харрис, посвятивший этому более 30 лет, заявил, что не может припомнить ничего даже приблизительно похожего на „ненасытную жажду мира”, о которой свидетельствуют опросы. 73% американцев за запрещение всеми ядерными государствами производства, хранения и применения ядерного оружия; 86% — за соглашение между СССР и США об ограничении и сокращении ядерных вооружений; 81% — за советско-американскую договоренность об отказе от производства нового ядерного оружия; 74% — за уничтожение ядерного оружия всеми странами, которые им обладают; 66% считают аморальным продолжение производства ядерного оружия.

В чем причины широкого распространения подобных настроений среди американцев? Один из крупнейших американских экономистов и активный участник антиядерного движения Дж. Гэлбрейт считает, что и раньше многие американцы испытывали подспудную тревогу по поводу возможности ядерной войны. Но чтобы эта тревога прорвалась наружу, требовался шок. И такого рода шоковое воздействие оказала политика администрации Рейгана. К такому же выводу пришла и газета „Нью-Йорк таймс”. Если во время предвыборной кампании 1980 г. только трое из десяти избирателей считали, что Рейган может ввергнуть Америку в войну, то после года его пребывания у власти — почти половина американцев, и их число продолжает расти.

Почву для широкого недовольства подготовило крупное увеличение военного бюджета, которое было связано с сокращением расходов на социальные нужды. Затем начались дебаты о способе базирования ракет „МХ”, было принято и широко разрекламировано решение приступить к полномасштабному производству нейтронного оружия, стали строить планы ведения „ограниченной” и „затяжной” ядерных войн. И все это на фоне отказа администрации Рейгана от продолжения переговоров в области разоружения.

Размах антивоенного движения — не результат деятельности мифических „агентов Москвы”, как попытался изобразить президент Рейган, а реакция на откровенно милитаристскую политику американской администрации.

Движение против ядерной опасности, против размещения новых американских ракет в Западной Европе охватило и Канаду. Хотя эта страна, являющаяся членом НАТО и Объединенного командования аэрокосмической обороны Северной Америки (НОРАД), отделена от намеченных районов дислокации новых американских ракет средней дальности океаном, ее безопасность тесно связана с политикой НАТО в области ядерных воору-

жений. В канадской провинции Британская Колумбия на базе ВВС в Комоксе размещены ракеты с ядерными боеголовками. В территориальные воды Канады заходят американские военные корабли, а в ее воздушном пространстве часто появляются самолеты ВВС США. И те, и другие нередко несут на борту ядерное оружие. Канада участвует в создании крылатых ракет: близ Торонто производятся системы наведения для них, а в Колд-Лейк в провинции Альберта они испытываются. Немалую роль в подъеме движения за мир в Канаде сыграли сообщения о размахе, который приобрело это движение в Западной Европе и США.

После того как стало известно о секретной договоренности между правительствами США и Канады о проведении испытаний американских крылатых ракет на канадской территории, движение против ядерного оружия в Канаде стало быстро набирать силу. Весной и летом 1982 г. антивоенные выступления вылились в грандиозные по канадским масштабам демонстрации: 40 тысяч участников в Ванкувере, 20 тысяч — в Виннипеге, 15 тысяч — в Торонто, 3 тысячи канадцев отправились в Нью-Йорк на демонстрацию 12 июня 1982 г. перед зданием ООН.

Канадский конгресс защиты мира организовал сбор подписей под петицией „Защита мира — дело каждого”. Крылатые ракеты, говорится в петиции, не средство обороны, а оружие первого удара: „Мы требуем ликвидации всех соглашений и договоров, которые прямо или косвенно могут сделать Канаду соучастницей стратегии „первого удара”. Канада должна стать зоной, свободной от ядерного оружия”. Под петицией поставили подписи более полутора миллионов канадцев.

В конце 1982 г. появилось официальное сообщение о том, что правительство Канады, игнорируя протесты общественности, согласилось предоставить Соединенным Штатам право на проведение испытаний крылатых ракет в провинции Альберта.

Наряду с принятым тогда же планом президента Рейгана о размещении ракет „МХ” на севере США в штате Вайоминг, это ускорило переход к активным действиям даже тех слоев канадского общества, которые прежде воздерживались от критики по поводу ядерной политики США. Сотни жителей провинции Альберта заблокировали подступы к военной базе в районе Колд-Лейк, куда должны были прибыть американские крылатые ракеты. В ходе выборов в органы местного самоуправления в 140 городах и муниципалитетах более миллиона канадцев проголосовали за прекращение гонки вооружений, за сокращение вооружений, за разоружение. Более 3/4 избирателей потребовали, чтобы федеральное правительство отмежевалось от проводимой американской администрацией политики наращивания вооружений. 52% канадцев, опрошенных в декабре 1982 г. институтом Гэллапа, заявили, что они против крылатых ракет и их испытаний на канадской территории.

За безъядерную Канаду высказались крупные профсоюзные объединения провинций, руководители протестантской церкви, видные ученые и деятели культуры, Канадский конгресс в защиту мира, коммунистическая и новая демократическая партии страны и другие организации. Ряд городов, в том числе крупнейший центр страны — Торонто, объявили свою территорию безъядерными зонами.

Ряд членов парламента от новой демократической партии, прогрессивно-консервативной и либеральной партий представили в постоянном комитете палаты общин по вопросам национальной обороны доклад, в котором призвали добиваться всеобщего прекращения испытаний, производства и дальнейшего совершенствования ядерных вооружений. За то, чтобы правительство не разрешило Соединенным Штатам проводить испытания крылатых ракет в Канаде, выступила почти половина делегатов парламента, в том числе многие члены правящей либеральной партии,

Во Франции уже 20 декабря 1979 г., практически сразу после принятия натовского решения о „довооружении”, по призыву 14 организаций различной политической ориентации прошла 80-тысячная демонстрация протеста в Париже, в которой приняли участие делегации из других стран. На 100-тысячной манифестации сторонников мира 25 октября 1981 г. был принят „Парижский призыв за мир и разоружение”, в котором выражен резкий протест против проводимого НАТО курса на взвинчивание гонки вооружений. Его подписали более 1 миллиона французов.

В мае 1982 г. 100 видных французских политических и общественных деятелей, представителей культуры выступили с обращением, в котором призвали провести в Париже 20 июня Марш мира. О поддержке этой инициативы заявили Французская компартия, Всеобщая конфедерация труда, Французское движение за мир и другие организации. В Марше мира приняли участие 250 тысяч человек. Его участники организовали сбор подписей под открытками-петициями, адресованными Генеральному секретарю ООН. Они требовали: „Прекратить разорительную и опасную эскалацию ядерных вооружений!”, „Переговоры и сокращение всех видов вооружений — вот путь разума!”, „Мы голосуем за разоружение, социальный прогресс и развитие!”. Это положило начало массовым кампаниям против ядерного оружия. Под лозунгами мира выступили представители около 100 различных организаций.

Во время проводившейся по призыву ООН Недели действий за разоружение (24—30 октября 1982 г.) министр внешних сношений впервые принял представителей участвовавших в проведении Недели организаций. В 50 департаментах участниками движения за мир было организовано 300 различных мероприятий.

Против размещения в Европе нового американского ядерного оружия выступает общественность Скандинавских стран. Хотя здесь не преду-

смотрено его развертывание, траектории крылатых ракет, базирующихся в Великобритании, могут пролегать над территорией Скандинавии.

В мае 1981 г. в одном из крупных датских городов, в Ольборге, состоялась конференция с участием представителей профсоюзных организаций Дании, Норвегии и Швеции. Она обратилась к правительствам и народам Скандинавских стран с призывом удвоить усилия в движении за создание безъядерной зоны на Севере Европы, против размещения американских ракет на европейской территории. Была создана постоянно действующая организация — Северная мирная конференция — с местопребыванием секретариата в Ольборге.

В октябре 1982 г. на встрече 500 представителей всех датских организаций движения за мир было решено провести 4 декабря манифестации в Копенгагене и других крупных городах. Была разработана программа действий, предусматривавшая отказ Дании от поддержки „двойного” решения НАТО и соответственно отказ от взноса, связанного с его реализацией.

8 февраля 1983 г. датский фолькетинг (парламент) одобрил внесенную по инициативе социал-демократической партии резолюцию, обязывающую правительство добиваться выработки реалистических предложений по проблеме ядерного оружия средней дальности в Европе со стороны Запада с учетом последних мирных инициатив Советского Союза, а также поддержать предложения о создании безъядерных зон на европейском континенте.

В Норвегии видные деятели профсоюзов выступили с призывом развернуть в профсоюзах страны кампанию в поддержку требования о недопущении развертывания в Западной Европе новых американских ракет и о том, чтобы стортинг (парламент) отказался финансировать мероприятия, связанные с осуществлением этого решения (в соответствии с утвержденной в мае 1981 г. сметой Норвегия должна выделить 49 млн. крон).

62% опрошенных летом 1982 г. выступили против ассигнования Норвегией средств на подготовку к размещению американских ракет. С обращением „Никаких новых ракет в Европе!” выступили 19 руководящих деятелей тринадцати профсоюзов, объединяющих более полумиллиона членов. Движение „Нет ядерному оружию!”, имеющее около 300 местных отделений, организует Недели действий норвежских сторонников мира.

В Швеции 22—24 января 1982 г. состоялся Народный риксдаг (парламент) за разоружение, в работе которого приняли участие около 500 делегатов от более чем 300 политических, молодежных, общественных организаций. На заключительном заседании делегаты сформулировали требования к шведским представителям на второй специальной сессии Генеральной ассамблеи ООН по разоружению: способствовать установлению всеобъемлющего моратория на производство новых видов оружия массового уничтожения, выступать за запрещение нейтронного оружия, за создание безъядерных зон и в конечном итоге — за ликвидацию всех видов ядерного оружия. Народный риксдаг явился наиболее представительным форумом шведских сторонников мира за многие годы. Он продемонстрировал их стремление использовать нейтральный статус страны для проведения активной внешней политики в интересах мира и разоружения.

В борьбу за предотвращение угрозы ядерной войны включилась даже такая консервативная сила, как католическая церковь. В новогоднем выступлении 1983 г. папа Иоанн Павел II призвал к постепенному сокращению вооружений — как ядерных, так и обычных. Он высказался за достижение „конкретных и практических решений, способных обеспечить реальный и прочный результат”.

Международное католическое движение „Пакс кристи”, объединяющее в своих рядах тысячи священнослужителей и миллионы верующих, на кон-

грессе в Бельгии в октябре 1981 г. отвергло гонку вооружений как явление, не совместимое с гуманистическими принципами.

По инициативе Шведского совета христианских церквей во всех приходах и общинах страны проводился сбор подписей под воззванием за разоружение и мир, приуроченный к Всемирной конференции представителей христианских церквей (апрель 1983 г., г. Упсала).

Канадский совет церквей основал организацию сторонников мира, стал инициатором проекта прекращения производства крылатых ракет. Представители церкви в Канаде участвовали в организации демонстраций перед заводом в Торонто, производящим компоненты крылатых ракет. На встрече с премьер-министром П. Э. Трюдо представители шести основных церковных объединений Канады заявили, что население не желает мириться с тем, что правительство согласилось на проведение испытаний американских крылатых ракет на территории страны.

В Бельгии и Франции конференции католических епископов осенью 1981 г. высказались за мир и разоружение.

Католическая церковь в США в ноябре 1980 г. поручила комиссии из пяти епископов под председательством архиепископа из Чикаго Дж. Л. Бернардина разработать проект пастырского послания. В конце 1982 г. проект был одобрен ежегодной национальной конференцией католических епископов США в Вашингтоне. В нем решительно осуждается применение ядерного оружия первым и содержится требование незамедлительно заключить соглашения о прекращении испытаний, производства и размещения ядерного оружия и о сокращении ядерных арсеналов. Министр обороны К. Уайнбергер и помощник президента по национальной безопасности У. Кларк потребовали привести проект пастырского послания в соответствие с официальной линией Вашингтона. Стремясь ослабить давление со стороны администрации, амери-

канские епископы обратились за поддержкой в Ватикан. В январе 1983 г. в Ватикане состоялась встреча европейских и американских иерархов, одобрявшая проект папского послания.

Голос протеста против гонки ядерных вооружений поднимают и представители других религий. Группа из 35 религиозных руководителей мира, включая далай-ламу, генерального секретаря Всемирного мусульманского конгресса и председателя Национального совета церквей США, призвала все страны „заморозить и обратить вспять гонку вооружений в качестве первого и решающего шага на пути к разоружению”, который позволит высвободить „500 миллиардов долларов в год для обеспечения народов мира пищей, одеждой, жильем и медицинским обслуживанием”.

Рабочая группа англиканской церкви опубликовала доклад „Церковь и бомба”, в котором, в частности, отмечается: „Русские не хотят войны они не рассматривают ее в качестве инструмента советской внешней политики”. Осудив атомное оружие как „отрицание христианской концепции мира”, англиканская церковь призвала к одностороннему разоружению Великобритании.

В ФРГ и Нидерландах образованы Межцерковные советы мира, играющие активную роль в организации выступлений против гонки вооружений.

В мае 1982 г. в Москве по призыву главы русской православной церкви патриарха Пимена была проведена Международная конференция представителей различных религий за мир и разоружение.

Движение за мир приобретает интернациональный характер. Участники движения выезжают в другие страны, чтобы принять участие в проводимых там мероприятиях. Различные национальные организации координируют свои акции. Прошел ряд международных встреч, где борцы за мир из разных стран могли не только подтвердить свои требования, но и обменяться опытом.

Одним из проявлений растущей интернационализации движения за предотвращение ядерной

войны стали марши мира по территориям нескольких государств. Так, с 22 июня по 6 августа 1981 г. по дорогам Дании, ФРГ, Голландии, Бельгии и Франции прошел организованный по инициативе Скандинавии Марш мира-81. Его участники требовали не допустить размещения в Западной Европе новых американских ядерных ракет. 24 июня 1982 г. начался поход „Женщины за мир”, маршрут которого пролегал по территории ФРГ и Австрии. По инициативе миролюбивых сил Норвегии; Швеции, Дании и Финляндии состоялся Марш мира-82, стартовавший в Стокгольме. Его участники прошли по улицам Хельсинки, Ленинграда, Калинина, Москвы, Смоленска и Минска. Марш завершился многотысячным митингом в мемориальной белорусской деревне Хатынь.

Международный размах приобрело движение за объявление отдельных городов и районов „зонами, свободными от ядерного оружия”. В апреле 1983 г. в Брюсселе состоялась встреча мэров западноевропейских городов, объявивших свою территорию безъядерными зонами. Это движение способствует мобилизации общественного мнения на борьбу против ядерной опасности, которую несут новые американские ракеты средней дальности.

Важным отрядом международного движения против ядерной опасности являются ученые. Приводимые ими доводы и аргументы в пользу разоружения еще больше укрепляют позиции участников антивоенного движения. Подавляющее большинство ученых, лучше, чем кто-либо, сознавая, какая опасность нависла над миром в результате гонки вооружений, встали в ряды ее активных противников.

Девять лауреатов Нобелевской премии, принимавших участие в международной встрече ученых на острове Майнау (Боденское озеро, ФРГ), обратились к международной общественности с Манифестом мира. Тем самым они продолжили традицию, ведущую начало от призыва, с которым

в 1955 г. с того же острова обратились такие выдающиеся ученые, как Макс Борн, Адольф Бутенандт, Артур Кемптон, Отто Ган, Вернер Гейзенберг, Фредерик Содди, Хидэки Юкава и др. Нобелевские лауреаты призвали к серьезным переговорам с целью подлинного разоружения, к прекращению развертывания ядерного, химического и бактериологического оружия, к отказу от применения ядерного оружия первыми.

Проходившая в Варшаве в 1982 г. Пагуошская конференция призвала все ядерные державы отказаться от применения ядерного оружия первыми, прекратить гонку ядерных вооружений, согласившись на замораживание испытаний, производства и развертывания ядерного оружия. Участники конференции призвали НАТО отказаться от решения о „модернизации” ядерных сил средней дальности в Европе, если к концу 1983 г. на переговорах между СССР и США не будет достигнуто соглашения. Документ Пагуошской конференции решительно осуждает развертывание новых ядерных ракет при любых условиях.

В июне 1982 г. в Женеве проходила 6-я встреча международного пагуошского движения, посвященная проблеме ядерных вооружений средней дальности в Европе. В принятом на ней заявлении подчеркивалась необходимость отвергнуть военные доктрины, допускающие возможность ведения „ограниченных” ядерных войн. Ученые признали важным в конечном счете обеспечить европейскую безопасность без ядерного оружия.

Участники конгресса „Ученые в борьбе за мир”, проходившего в сентябре 1982 г. в Дортмунде, обратились к правительству ФРГ с настоятельным призывом отказаться от поддержки натовских планов „довооружения”. Они приняли также заявление „Против размещения новых ядерных ракет в Европе”. „Мы, деятели науки, — говорится в заявлении, — несем особую ответственность за то, чтобы воспрепятствовать использованию научных знаний в милитаристских целях,

в целях уничтожения человечества. Поэтому мы выступаем против размещения в Западной Европе новых американских ядерных ракет средней дальности, за запрет всех видов оружия массового уничтожения. Мы несем ответственность за то, чтобы разъяснить людям, что любая „ограниченная” ядерная война приведет к гибели сотен миллионов”.

За предотвращение угрозы ядерной войны решительно выступили медики. Еще в конце 70-х годов американские врачи, обеспокоенные ростом угрозы ядерного конфликта, вступили в контакт с советскими коллегами. На встрече в Женеве в 1980 г. была достигнута договоренность о проведении конгресса „Врачи мира за предотвращение ядерной войны”. Он состоялся в США в марте 1981 г. с участием представителей 11 стран. Конгресс в немалой степени способствовал разъяснению мировой общественности губительных для человечества последствий ядерной войны. В апреле 1982 г. в Кембридже (Великобритания) состоялся второй конгресс. На нем было представлено уже 31 государство. Врачи, в частности, пришли к выводу о невозможности „ограниченной” ядерной войны. Объединяясь в борьбе за предотвращение атомного конфликта, медики решили оформить свое движение как постоянную организацию, а также расширить ее профессиональные рамки.

Анализ нынешнего состояния и перспектив антивоенного движения говорит о больших возможностях для дальнейшего развития сотрудничества между различными общественными течениями на основе борьбы за сохранение и укрепление мира, разрядку и устранение угрозы термоядерной войны. Этот фактор приобретает все большее значение, поскольку от размаха антивоенного движения и степени взаимодействия всех участвующих в нем политических сил зависит и степень его воздействия на развитие международных событий.

Критика планов „довооружения“ НАТО

Против решения НАТО о „довооружении“ выступили многие видные политические и военные деятели, сознающие ответственность за судьбы своих народов, за будущее человечества. Приводимые ими аргументы, основанные на профессиональных знаниях, оказывают сильное влияние на общественность.

Бывший президент Португалии генерал Ф. да Кошта Гомеш расценил решение НАТО о „довооружении“ как „последний этап ядерной эскалации“. По его убеждению, размещение ракет типа „Першинг-2“ и крылатых ракет „изменяет соотношение сил, которое существовало к моменту подписания Договора ОСВ-2“. Это решение „увеличивает опасность возникновения ядерной войны в Европе и — не принося никаких ощутимых выгод — усиливает опасность того, что европейские государства... будут первыми жертвами в будущем конфликте”¹⁰. Решение НАТО о „довооружении“, отмечает Ф. да Кошта-Гомеш, противоречит как Договору ОСВ-2, так и духу Хельсинки, а равно известным постановлениям и рекомендациям ООН по проблемам разоружения.

Затрагивая проблему взаимоотношения европейского и стратегического ядерных балансов, Ф. да Кошта Гомеш подчеркивает, что решение о „довооружении“ наносит удар по основополагающему принципу всей концепции ограничения стратегических ядерных вооружений США и СССР — по принципу паритета, „удар по всем усилиям, предпринятым за последние годы для достижения разоружения, разрядки и мира”¹¹.

Мнение Ф. да Кошта Гомеша разделяет греческий генерал Г. Куманакос. Намерение НАТО провести „довооружение“ путем размещения нового американского оружия средней дальности расценивается им как провокационная попытка Вашингтона „нарушить равновесие в Европе”.

Он отмечает: „Если новые планы Пентагона будут реализованы, это повлечет за собой, несомненно, контрмеры”. Указав на то, что „ситуация в Европе перешла в новую стадию и находится сейчас на перепутье”, генерал Г. Куманакос говорит об Организации Варшавского Договора и НАТО: „У одной стороны мы видим стремление и готовность к разоружению, даже одностороннему, у другой же стороны видим отсутствие такого желания и настойчивые усилия добиться превосходства над Советским Союзом в области военной мощи”¹².

Решительно разоблачает несостоятельность за-тасканных пропагандистских утверждений НАТО о необходимости для Запада восстановить якобы нарушенный Советским Союзом военно-стратегический паритет французский адмирал А. Сангинетти. Он указывает, что новые советские ракеты СС-20, „не способные достичь территории США, являются однозначно тактическим оружием, которое именно в силу этого не было охвачено Договором об ОСВ-2”¹³. Напротив, ракеты „Першинг-2” и крылатые ракеты должны быть причислены к стратегическому оружию, так как они способны поражать объекты на советской территории.

Подробно анализирует влияние нового поколения советских ракет средней дальности на военно-стратегическую ситуацию в Европе итальянский сенатор Н. Пасти. Он указывает, что руководству НАТО с 1976 г. было известно о замене Советским Союзом своих устаревших ракет типа СС-4 и СС-5 на новые ракеты типа СС-20. Однако этот факт не повлек за собой каких-либо ответных мер со стороны НАТО, как это подтверждают официальные документы: в коммюнике Совета НАТО от 11 мая и 9 декабря 1977 г., в коммюнике Комитета планирования обороны НАТО от 9 декабря 1977 г. нет ни слова об угрозе для безопасности Запада со стороны ракет СС-20. Анализируя военно-технические возможности СС-20, Н. Пасти подчеркивает, что они „не представляют никакой особой опасности для Европы”. „СС-20 -- это не что иное,

как модернизация ракет СС-4 и СС-5"¹⁴, установленных много лет тому назад, которая никак не сказывается на безопасности Запада. Именно в силу этого намерение разместить новые американские ядерные средства в Европе представляет собой попытку добиться военного превосходства над Советским Союзом. Н. Пасти подчеркивает, что американские ракеты „Першинг-2” „увеличивают возможность нанесения по Советскому Союзу обезоруживающего „первого удара”...”¹⁵.

По поводу якобы нарушенного Советским Союзом „евростратегического баланса” западногерманский специалист по вопросам разоружения Э. Мюллер¹⁶ замечает, что „отставание” Запада „выявляется благодаря тому, что при подсчетах намеренно опускается ряд важных факторов”. Например, не учитывается, что часть советского оружия средней дальности находится на востоке страны, за Уралом.

По поводу того аргумента, что в условиях стратегического ядерного паритета США не рискнут применить свои стратегические силы против СССР из-за опасности ответного удара, в силу чего НАТО будто бы и необходимы новые ракеты средней дальности, Э. Мюллер пишет, что „стратегическое превосходство, позволяющее применить ядерное оружие, возникает лишь тогда, когда... существует возможность в результате внезапного нападения уничтожить ядерное оружие потенциального противника”. В противном случае „применение наступательного ядерного оружия явилось бы не чем иным, как самоубийством”. Поскольку США не могут рассчитывать на уничтожение всего советского ядерного арсенала в результате первого удара, „евроракеты”, по мнению Э. Мюллера, не укрепят безопасность Западной Европы и не усилят американских „ядерных гарантий”.

Западногерманский политолог А. Маске отмечает: „Создание „евростратегического” атомного военного потенциала под американским командованием превращает западноевропейские страны в

атомных заложников США. В качестве американской стартовой площадки Западная Европа в случае нанесения Соединенными Штатами первого удара становится потенциальной целью для советского ядерного оружия¹⁷.

Американские ракеты „Першинг-2” и „Томагавк” не смогут, по мнению обозревателя близкой к социал-демократам западногерманской газеты „Франкфуртер рундшау” А. Гухи, решить „дилеммы ядерных гарантий” США по отношению к Западной Европе, так как они являются стратегическим оружием, вопрос о применении которого должны решать Соединенные Штаты. Можно также с уверенностью предположить, что „ни один американский президент не применит стратегическое оружие против Советского Союза ради „защиты” Европы”, — замечает А. Гуха. Он считает, что с размещением в Западной Европе нового американского оружия „проблема несуществующих более американских ядерных гарантий не будет решена, а будет всего лишь перенесена на теоретически более низкую ступень эскалации¹⁸. А. Гуха приходит к выводу: „Европу нельзя защитить с помощью оружия, ее можно только уничтожить¹⁹”.

Профессор политологии западноберлинского университета У. Альбрехт пишет: „С американской точки зрения — и этому должны служить размещаемые (в Европе. — Авт.) новые ракеты — вполне возможна ограниченная ядерная война, как говорится, на театре войны, расположенном далеко от Соединенных Штатов, т. е. в Европе. Сегодня в Америке говорят даже о возможности победы в такой ядерной войне. Для Федеративной Республики та же самая ситуация выглядит совсем по-иному: любая ядерная война в Центральной Европе уничтожила бы нашу страну. Сценарий ограниченной ядерной войны в Европе, возможно, и приемлем для американцев, для нас — нет²⁰”.

Известный западногерманский борец за мир, один из ведущих членов Всемирного совета цер-

квей Мартин Нимеллер назвал решение НАТО о „довооружении” „допингом для оживления гонки вооружений и для возврата к „политике силы””²¹.

Бывший офицер бундесвера и эксперт ХСС по военным вопросам, покинувший эту партию ввиду своего особого мнения по проблеме „довооружения” НАТО, А. Мехтерсхаймер пишет, что в кризисной ситуации новые американские ракеты средней дальности „делают более вероятным развязывание войны и угрозу ядерного уничтожения”. Ядерное оружие является первоочередной целью для противника, и такой целью станут новые американские ядерные ракеты средней дальности, которые будут нацелены на территорию СССР. Помешать развертыванию „евроракет”, считает А. Мехтерсхаймер, — значит послужить делу мира и безопасности”²².

Известный политический деятель США сенатор Э. Кеннеди говорил, что не видит, каким образом развертывание крылатых ракет театра войны наземного и морского базирования может укрепить национальную безопасность США. Развертывание этого вида вооружений вызовет появление соответствующих советских систем и подорвет тем самым безопасность Соединенных Штатов²³.

Американский специалист в области контроля над вооружениями Р. Метцгер (Гарвардский университет) считает, что крылатые ракеты большой дальности наземного и морского базирования создают огромные трудности для переговоров по ограничению вооружений. Такие их качества, как мобильность, возможность рассредоточения, скрытного размещения пусковых установок, изменения дальности полета, смены боеголовок, перенацеливания и т. д. — все это превращает оценку сил сторон, без которой невозможны успешные переговоры и проверка заключенных соглашений, в „туманные предположения”²⁴.

Вице-адмирал в отставке Дж. Ли, который в 1970 — 1973 гг. занимал пост заместителя директора американского Агентства по контролю над

вооружениями и разоружению, писал, что высокоточные межконтинентальные ракеты „МХ”, баллистические ракеты средней дальности и крылатые ракеты создают для двух „сверхдержав” и их союзников растущую угрозу. Реализация этой угрозы, разработка и производство контроружия приведут к созданию новых военных программ и к расширению существующих. Они не только окажутся весьма дорогостоящими, но и будут дестабилизировать обстановку. В некоторых случаях они явятся источником политических разногласий. И, как обычно, контрпрограммы в свою очередь будут служить основанием для создания программ, направленных против них. Все, к чему это приведет, это в лучшем случае — установление равновесия на более высоком уровне после опасной и дорогостоящей гонки вооружений²⁵.

Сотрудник американского института Брукинса, бывший заместитель директора Агентства по контролю над вооружениями и разоружению США Д. Лейнбоу считает, что развертывание крылатых ракет может положить конец любой попытке снизить уровень ядерных вооружений в Европе. Поскольку они вместе с пусковыми установками могут размещаться скрыто, количественные ограничения будет трудно проверить²⁶.

Председатель комиссии по вопросам обороны второй палаты парламента Нидерландов К. де Фрис в интервью журналу „Шпигель” подверг критике аргумент, будто „довооружение” необходимо, чтобы завязать переговоры по контролю над вооружениями. Во-первых, по его мнению, концепция использования новых систем оружия в качестве объекта для торга на переговорах оказалась несостоятельной. Поэтому не следовало бы сначала вооружаться, чтобы потом разоружаться. Во-вторых, решение о производстве ракет „Першинг-2” и крылатых ракет предполагает их размещение²⁷.

В интервью газете западногерманских коммунистов „Унзере цайт” К. де Фрис сказал: „В НАТО

ошибочно считают, что при определении соотношения сил надо брать отдельные области, не рассматривая проблему в целом. Поскольку американцы уже имеют стратегическое оружие, при помощи которого можно поражать цели на территории Советского Союза, европейские партнеры по НАТО не должны его иметь, хотя такое оружие уже находится в Великобритании и во Франции". Нам нужно стремиться к сокращению ядерных вооружений в интересах нашей собственной безопасности, заявил К. де Фрис. Поэтому сначала надо вести переговоры, затем принимать решения²⁸.

В странах Северной Европы ответственные политики демонстрируют растущую тревогу по поводу курса США и НАТО на достижение военного превосходства. Президент Финляндии М. Койвисто подчеркнул в одном из интервью, что „безопасность не может быть укреплена путем увеличения количества оружия". Поэтому важно, чтобы „количество оружия в Европе, особенно ядерного, не увеличивалось. Правительство Финляндии считает, что количество оружия должно быть сокращено"²⁹.

Лидер шведских социал-демократов, председатель международной Независимой комиссии по вопросам разоружения и безопасности У. Пальме предостерегал от дальнейшего наращивания военных потенциалов, которое серьезно вредит международной безопасности. „Время, за которое можно определить старт ракет противника, укорачивается. Увеличивается возможность возникновения ядерного конфликта вследствие технической ошибки, какой-либо неисправности, случайности или в результате неправильной оценки деятельности другой стороны. Если не удастся договориться о мерах по разоружению, то риск возникновения мировой войны будет постоянно расти"³⁰.

В призыве группы западногерманских социал-демократов, озаглавленном „Мужество ради лучшего будущего"³¹, указывалось, что безопасность ФРГ может быть обеспечена только на путях

разрядки международной напряженности. „В начале 70-х годов, — говорилось в призыве, — мы возлагали большие надежды на политику мира и разрядки, проводимую нашей партией. Она принесла ряд позитивных результатов (улучшение контактов между людьми, политика договоров, обеспеченность рабочими местами благодаря торговле с Востоком), чего никто не может отрицать и что также завоевало большое доверие к нашей партии в народе... Сейчас на карту поставлены и доверие, и осязаемый прогресс”. Далее в воззвании указывалось, что „если в ближайшем будущем не состоятся переговоры о евростратегическом оружии, то начнется новый тур гонки вооружений, в центре которого будет находиться Европа”. В итоге „безопасность [Западной] Германии подвергнется большой угрозе”. „Мы не желаем, чтобы политика разрядки была остановлена только из-за того, что США хотят вернуться к глобальной конфронтации и устроить в Федеративной Республике передовую стартовую площадку для ракет, нацеленных на СССР”.

* *

*

Аргументированность позиции противников „довооружения” НАТО способствовала росту авторитета и расширению рядов антивоенного движения. Однако, вопреки воле народных масс, американская администрация всеми силами пыталась добиться развертывания в Западной Европе ракет в установленные сроки. Другая часть „двойного” решения — обещание вступить в переговоры с СССР по вопросу о ядерном оружии средней дальности в Европе — была прочно забыта. Советскому Союзу пришлось приложить немало усилий, чтобы заставить Соединенные Штаты после многочисленных проволочек все-таки начать переговоры по данной проблеме. Заметную роль сыграло в этом и нарастающее давление со стороны народных масс в Западной Европе и в самих Соединенных Штатах.

Глава VI

„ЕВРОРАКЕТЫ“ И ПРОБЛЕМА ОГРАНИЧЕНИЯ ВООРУЖЕНИЙ

Благодаря неустанным усилиям Советского Союза удалось начать переговоры по целому ряду частичных мер разоружения, положительные итоги которых позволили бы сузить материальную базу войны, притормозить гонку вооружений на некоторых направлениях. Если ядерное оружие средней дальности до 80-х годов не было предметом переговоров, то вина за это лежит не на Советском Союзе. С его стороны неоднократно предлагалось обсудить эту проблему в ходе переговоров об ограничении стратегических вооружений СССР и США (ОСВ).

Эти два вида ядерного оружия тесно связаны. С одной стороны, межконтинентальные средства могут быть нацелены и на объекты, расположенные в пределах досягаемости оружия средней дальности. С другой, средства передового базирования США и ядерные силы их союзников могут наносить удары по тем же объектам на территории Советского Союза и других социалистических стран, на которые нацелены и американские стратегические вооружения. В этом смысле ядерное оружие средней дальности имеет стратегическое значение. Сокращение количества межконтинентальных систем СССР и США сразу же повысило бы удельный вес средств передового базирования в стратегическом балансе сторон.

Этой взаимосвязи порой не отрицают и на Западе. Например, советник президента Рейгана по внешнеполитическим вопросам Р. Пфальцграф в интервью итальянской газете „Манифесто“ 18 ноября 1980 г. заявил, что модернизация ядерного оружия на европейском театре войны „непосредственно связана с проблемой укрепления стратегических сил США“. А официальный представитель правительства ФРГ К. Беккер 27 февраля 1981 г. признал: „Евростратегические ракеты, безусловно, являются дополнением к межконтинентальным стратегическим средствам“.

ОСВ и средства
передового
базирования США

Путь к советско-американским соглашениям об ограничении стратегических вооружений был долгим и трудным. Предпосылкой переговоров стало достижение Советским Союзом стратегического паритета с США.

2 июля 1968 г. в советской и американской печати было опубликовано сообщение о том, что между правительствами СССР и США „достигнута договоренность вступить в ближайшее время в переговоры относительно комплексного ограничения и сокращения как систем доставки наступательного стратегического ядерного оружия, так и систем обороны против баллистических ракет“¹. В соответствии с этой договоренностью начались конфиденциальные переговоры. Делегацию СССР возглавил заместитель министра иностранных дел В. С. Семенов, делегацию США — директор Агентства по контролю над вооружениями и разоружению Дж. Смит. В итоге проведенного с 17 ноября по 22 декабря 1969 г. в Хельсинки обмена мнениями было достигнуто согласие относительно общего круга вопросов, которые решено было сделать предметом дальнейшего обсуждения.

Переговоры были продолжены в Вене 16 апреля — 14 августа 1970 г. Советская сторона стремилась распространить ограничения на все три компонента стратегических наступательных вооружений — межконтинентальные баллистические ракеты наземного и морского базирования и стратегические бомбардировщики. Однако США согласились обсудить только ограничение первых двух компонентов. Отказались они и от советского предложения обсудить также проблему ядерного оружия средней дальности. Негативная позиция делегации США по этим вопросам, ее попытки добиться односторонних преимуществ привели к тому, что переговоры стали затягиваться².

Третий тур переговоров проходил в Хельсинки со 2 ноября по 18 декабря 1970 г., четвертый — в Вене с 15 марта по 28 мая 1971 г. 20 мая 1971 г. правительства СССР и США опубликовали совместное заявление. В нем сообщалось, что стороны согласились сосредоточить усилия на подготовке соглашения по ограничению развертывания систем противоракетной обороны (ПРО) и что параллельно будут согласованы некоторые меры в области ограничения стратегических наступательных вооружений³.

Во время пятого тура переговоров (Хельсинки, 8 июня — 24 сентября 1971 г.) было достигнуто полное понимание сторонами позиций друг друга по вопросам, подлежащим разрешению. 15 ноября переговоры возобновились в Вене.

Первый этап ОСВ завершился переговорами на высшем уровне в Москве 23 — 29 мая 1972 г. 26 мая были подписаны Договор об ограничении систем противоракетной обороны и Временное соглашение между СССР и США о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений⁴. „СССР и США впервые договорились о конкретных шагах по сдерживанию и ограничению дальнейшей гонки вооружений в наиболее важных ее направлениях... Оба документа основаны на признании принципа равной безо-

пасности сторон и не дают ни одному из участников односторонних военных преимуществ”⁵.

По бессрочному договору об ограничении систем ПРО каждая сторона могла иметь не более 200 противоракет и 200 пусковых установок. Стороны обязались не создавать, не испытывать и не разворачивать системы или компоненты ПРО морского, воздушного, космического или наземного (мобильные) базирования.

Договор способствовал повышению степени взаимного доверия и в определенной мере облегчил решение задачи ограничения стратегических наступательных вооружений, поскольку возможность дальнейшего разворачивания и совершенствования системы ПРО являлась одним из стимуляторов развития наступательных стратегических вооружений⁶. Не говоря уже о многомиллиардных средствах, которые пришлось бы затратить на строительство систем ПРО, их разворачивание в больших масштабах могло привести к опасной дестабилизации всей стратегической ситуации⁷. Хотя по названию это оборонительная система, в действительности она позволяет не избежать ядерного нападения, а укрыться от ответного удара, ослабленного после совершения агрессии. В результате наличие системы ПРО становится фактором поощрения агрессии. К такому выводу пришла и развернувшаяся в США в конце 60-х годов дискуссия по данному вопросу.

Временное соглашение об ограничении стратегических наступательных вооружений было заключено сроком на 5 лет. Стороны обязались не начинать после 1 июля 1972 г. строительства дополнительных наземных пусковых установок межконтинентальных баллистических ракет (МБР), не переоборудовать пусковых установок легких МБР и МБР старых типов, развернутых до 1964 г., в пусковые установки тяжелых МБР, развернутых в последующем. Временное соглашение и протокол к нему ограничили численность пусковых установок МБР на подводных лодках и число

самых подводных ракетоносцев. „Иными словами, Временное соглашение заморозило созданный в обеих странах арсенал стратегических ракет стационарного наземного и морского базирования в тех количествах, какими СССР и США располагали летом 1972 г. Тем самым был положен известный предел дальнейшей безудержной количественной гонке ракетно-ядерных вооружений”⁸.

В ходе первого этапа переговоров по вопросам ограничения стратегических вооружений были подготовлены также тексты соглашений о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны между СССР и США и о мерах по усовершенствованию линии прямой связи СССР — США, обеспечивающей проведение срочных консультаций в кризисной обстановке.

Однако Соединенные Штаты отказались, например, от включения в соглашение ограничений на разделяющиеся головные части индивидуального наведения, которыми Советский Союз в то время не обладал. Именно это заставило СССР разработать такие головные части и оснастить ими свои МБР⁹. Теперь, задним числом, члены делегации США на переговорах об ОСВ-1 признают, что они упустили уникальную возможность ограничить или запретить создание разделяющихся головных частей — „ограничение, которое внесло бы большой вклад в национальную безопасность и стратегическую стабильность”¹⁰. США отказались также учесть в соглашении американские средства передового базирования, способные достигать территории СССР. Поэтому при заключении соглашения советские представители официально заявляли, что к этому вопросу необходимо будет вернуться в последующем¹¹.

После ратификации Договора о ПРО сторонами 2 октября 1972 г. в Вашингтоне был произведен обмен ратификационными грамотами и уведомлениями, после чего договор вступил в силу. Временное соглашение, согласно договорно-правовой практике США, подлежало не ратификации сена-

том, а одобрению обеими палатами конгресса. Хотя документы были одобрены подавляющим большинством голосов в обеих палатах, весьма влиятельные силы в США стремились использовать их для достижения военного превосходства или по крайней мере не допустить реального ограничения вооружений. При обсуждении этих документов в сенате была принята поправка Джексона, которая уполномочила президента США вести впредь лишь такие переговоры о сокращении вооружений, в результате которых численность межконтинентальных ракет США оказался бы не ниже, чем у Советского Союза¹². Учитывая, что МБР составляют в американском стратегическом потенциале значительно меньшую долю, чем в советском¹³, поправка Джексона означала курс на достижение военно-стратегического превосходства над СССР.

Временное соглашение 1972 г. предусматривало, что стороны продолжают переговоры об ограничении наступательных стратегических вооружений. Такие переговоры возобновились в ноябре 1972 г. в Женеве и велись по обычным дипломатическим каналам. 21 июня 1973 г. был подписан документ „Основные принципы переговоров о дальнейшем ограничении стратегических вооружений”¹⁴. Он закрепил принцип равной безопасности сторон и недопустимость попыток получить односторонние преимущества; зафиксировал, что новое соглашение должно быть подписано в 1974 г., являться более полным и может касаться как количественных, так и качественных характеристик наступательных стратегических вооружений. „Основные принципы” предназначались в качестве директив делегациям на советско-американских переговорах в Женеве.

Во время визита Р. Никсона в СССР 27 июня — 3 июля 1974 г. был подписан Протокол к Договору о ПРО, согласно которому каждая сторона сокращала число районов размещения систем ПРО с двух до одного. Были обсуждены также пробле-

мы, связанные с подготовкой нового соглашения об ОСВ.

Однако переговоры продвигались вперед с исключительным трудом. На их ходе сказывались активизация сторонников жесткой антисоветской линии в США, события, связанные с уотергейтским скандалом и отставкой президента Никсона. Прогресс наметился лишь осенью 1974 г. Решающую роль в этом сыграла рабочая встреча Л. И. Брежнева с президентом Дж. Фордом 23 — 24 ноября 1974 г. в районе Владивостока. В ходе переговоров была достигнута договоренность об основных положениях нового долгосрочного соглашения на период с октября 1977 г. (когда истекал срок Временного соглашения) до 1986 г. Участники встречи исходили из того, что имеются предпосылки для выработки нового соглашения в 1975 г.

Советский Союз вновь предложил обсудить вопрос об американских средствах передового базирования. Однако американская сторона категорически отказалась от этого. Стремясь достигнуть соглашения, советские представители пошли в этом вопросе на уступку, согласились, чтобы договор был заключен без учета географического фактора¹⁵.

Л. И. Брежнев и Дж. Форд пришли также к соглашению, что не позднее 1980 — 1981 гг. должны начаться переговоры о дальнейших ограничениях и возможном сокращении стратегических вооружений на период после 1985 г. С 1975 г. в Женеве начались переговоры правительственных делегаций СССР и США по выработке конкретного текста соглашения на базе владивостокской договоренности.

Однако ни в 1975, ни в 1976 г. новое соглашение подписать не удалось. Ответственность за это лежит целиком на американской стороне. Советский Союз вел переговоры, стремясь претворить в жизнь владивостокскую договоренность и не допустить открытия новых каналов гонки вооружений. Американские же представители попытались

добиться исключения крылатых ракет из согласованных во Владивостоке количеств стратегических средств. Советский Союз выступал с новыми, радикальными предложениями по сокращению стратегических вооружений. Настойчиво и не раз предлагалось Соединенным Штатам не останавливаться на ограничении только существующих видов оружия, а запретить, в частности, новые подводные лодки типа „Трайдент” и бомбардировщики типа В-1 в США и аналогичные системы в СССР¹⁶. Американская сторона не только не откликнулась на новые советские предложения, но и перешла к фактическому саботажу переговоров, к нарушению достигнутых договоренностей.

После прихода к власти администрации Дж. Картера в 1977 г. во внешней политике США стали усиливаться антисоветские тенденции. Соединенные Штаты затягивали переговоры, выдвигали предложения, направленные на пересмотр достигнутых во Владивостоке договоренностей. Таковы были, например, предложения, сделанные государственным секретарем США С. Вэнсом во время визита в Москву 28 — 30 марта 1977 г. Они предусматривали два варианта: „всеобъемлющий” и „узкий”. Согласно первому, согласованные во Владивостоке пределы численности средств доставки ядерного оружия СССР и США снижались при условии сокращения вдвое арсенала советских тяжелых ракет, несущих большое число боеголовок. Предлагалось также запретить создание новых систем оружия. Однако это положение было сформулировано таким образом, что фактически запрет коснулся бы только систем, разрабатывавшихся в СССР, и не распространялся бы на военные программы США. „Узкий” вариант содержал предложение об исключении ограничений на крылатые ракеты из будущего соглашения¹⁷.

Принципиальную оценку этих предложений дал министр иностранных дел СССР А. А. Громыко. „Мы за то, — говорил он, — чтобы то здание,

которое строилось во Владивостоке с таким трудом, на которое потрачено столько интеллектуальных и прочих ресурсов, было не только сохранено, чтобы дело было доведено до конца и было заключено новое соглашение между СССР и США об ограничении стратегических вооружений¹⁸.

18 — 20 мая 1977 г. в Женеве состоялась новая встреча А. А. Громыко и С. Вэнса. В результате ее наметилось некоторое движение вперед¹⁹, хотя американская сторона продолжала добиваться односторонних преимуществ. Некоторое сближение позиций сторон в отношении подготовки нового соглашения отмечалось в совместном советско-американском заявлении по вопросам ограничения стратегических вооружений, сделанном по окончании переговоров А. А. Громыко с Дж. Картером и С. Вэнсом в Вашингтоне 22 — 23 сентября 1977 г. В связи с истечением срока действия Временного соглашения стороны сделали идентичные заявления о своем намерении поддерживать статус-кво и не предпринимать каких-либо действий, несовместимых с положениями этого соглашения при условии, что другая сторона будет проявлять аналогичную сдержанность. Однако решительных шагов в деле подготовки нового соглашения Советскому Союзу добиться не удалось. Потребовались новые продолжительные и сложные переговоры министра иностранных дел СССР А. А. Громыко и советского посла в США А. Ф. Добрынина с государственными секретарями С. Вэнсом и Э. Бжезинским, прежде чем весной 1979 г. была достигнута договоренность об организации встречи на высшем уровне в столице Австрии.

В результате переговоров глав государств СССР и США в Вене 18 июня 1979 г. был подписан Договор между СССР и США об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2), Протокол к нему, Совместное заявление о принципах и основных направлениях последующих переговоров об ограничении стратегических

вооружений, а также Согласованные заявления и общие понимания в связи с Договором между СССР и США об ограничении стратегических наступательных вооружений²⁰.

Договор об ОСВ-2 охватывал все три компонента стратегической „триады”. Он устанавливал верхний количественный предел таких вооружений для каждой стороны в 2400 единиц на период до 1981 г. и в 2250 единиц в дальнейшем. Определенным образом были лимитированы и численность каждого компонента стратегических сил — МБР наземного и воздушного базирования, баллистических ракет на подводных лодках (все — оснащенные разделяющимися головными частями индивидуального наведения), а также бомбардировщиков. Накладывались определенные ограничения на модернизацию стратегических сил. Договор должен был оставаться в силе до конца 1985 г. (если не будет заменен раньше новым соглашением), протокол к нему — до конца 1981 г.

В совместном заявлении о принципах и основных направлениях последующих переговоров об ОСВ стороны выразили намерение продолжать поиски мер по укреплению стратегической стабильности, в том числе путем ограничения стратегических наступательных вооружений, а также путем мер по уменьшению и предотвращению опасности внезапного нападения. Непосредственными целями последующих переговоров были названы значимые и существенные сокращения количеств стратегических наступательных вооружений; качественные ограничения таких вооружений, включая ограничения на создание, испытания и развертывание новых видов и на модернизацию существующих; решение вопросов, включенных в Протокол к Договору об ОСВ-2^{*}; другие меры по

^{*} О некоторых видах баллистических ракет наземного базирования, о крылатых ракетах морского и наземного базирования дальностью свыше 600 км и о баллистических ракетах воздушного базирования.

обеспечению безопасности и укреплению стратегической стабильности, обеспечению равенства и одинаковой безопасности сторон. Предусматривалось, что дальнейшее ограничение и сокращение стратегических вооружений будет проводиться с учетом всех факторов, определяющих стратегическую ситуацию. Это предполагало, в частности, решение вопроса об американских средствах передового базирования (в Европе и в других районах мира), а также учет наличия ядерного оружия у третьих стран.

„Полное претворение в жизнь подписанных в Вене документов, — говорилось в Постановлении ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, — открывает новые возможности для того, чтобы прекратить наращивание арсеналов ракетно-ядерного оружия, обеспечить их действенное, количественное и качественное ограничение. Решение этой задачи явилось бы новым этапом сдерживания гонки ядерных вооружений и открыло бы дорогу к существенному сокращению вооружений и к реализации высшей цели — полному прекращению производства и ликвидации запасов ядерного оружия”²¹. Договор об ОСВ-2 должен был открыть путь к ОСВ-3, послужить стимулом для продвижения вперед на переговорах по другим вопросам ограничения соревнования в военной области.

Однако с осени 1979 г. в правящих кругах США заметно активизировались противники ОСВ. Этому немало способствовала политика „увязывания” вопросов ограничения стратегических вооружений с другими международными проблемами. Термин „увязка” был введен еще в феврале 1969 г. Г. Киссинджером именно в связи с процессом ОСВ. Он появился в меморандуме президента США, направленном государственному секретарю, министру обороны и директору ЦРУ. В этом документе готовность США к переговорам об ОСВ ставилась в зависимость от событий во Вьетнаме и на Ближнем Востоке.

Взаимосвязь международных проблем очевидна, но речь может идти об „увязывании” решения лишь сопоставимых по своему значению проблем. Задача же уменьшения опасности возникновения ядерной войны не имеет даже приблизительно равных по важности. Использование в этой области „увязок” ничем не может быть оправдано²².

Тем не менее в начале 1978 г. Дж. Картер начал обуславливать подписание Договора об ОСВ-2 отказом Советского Союза от поддержки Эфиопии, после подписания договора его ратификация была поставлена в зависимость от политики СССР в самых различных областях. Наконец, используя ввод в Афганистан по просьбе законного правительства этой страны ограниченного советского воинского контингента в конце 1979 г., президент Картер принял решение отложить ратификацию договора. Соответственно на неопределенный срок откладывалось и начало переговоров об ОСВ-3.

Решение о размещении в Западной Европе ракет „Першинг-2” и крылатых ракет явилось нарушением достигнутых в процессе ОСВ договоренностей. Во-первых, согласно протоколу к Договору об ОСВ-2, стороны обязались сделать вопрос о развертывании крылатых ракет с дальностью свыше 600 км предметом переговоров. Во-вторых, решение о „довооружении” ведет к подрыву принципа равенства и одинаковой безопасности сторон, положенного в основу советско-американских договоренностей.

После декабрьского решения НАТО 1979 г. переговоры о контроле над ядерным оружием средней дальности в Европе стали делом неотложным. Однако страны Запада во главе с США не торопились к ним приступать, считая, что время работает на них. Оттягивая начало переговоров, они рассчитывали, что смогут вести их с позиции силы.

Кто инициатор переговоров?

Если страны Североатлантического пакта неизменно выступают инициаторами гонки вооружений, то мирные инициативы всегда исходили от Организации Варшавского Договора, от Советского Союза.

В мае 1978 г. сессия Совета НАТО на высшем уровне в Вашингтоне подчеркнула необходимость „расширения усилий в области модернизации“, чтобы обеспечить „удовлетворительное соотношение стратегических ядерных сил, ядерных сил театра войны и неядерных (обычных) сил“. В ответ на это 23 ноября того же года Организация Варшавского Договора выразила готовность вести переговоры по вопросу об „ограничении и сокращении тех компонентов боевых потенциалов обеих сторон в Европе, которые вызывают в настоящее время беспокойство у каждой из сторон“^{2 3}. Это предложение осталось без ответа.

2 марта 1979 г. Советский Союз предложил приступить к обсуждению вопроса о ракетно-ядерном оружии средней дальности с учетом наличия в Европе американских военных баз^{2 4}. 25 июня министр иностранных дел СССР А. А. Громыко заявил на пресс-конференции в Москве, что „успех продвижения предстоящих переговоров относительно заключения третьего договора об ограничении стратегических вооружений возможен только с учетом всех факторов, которые оказывают влияние на стратегическую ситуацию в мире, в том числе в Европе. ...успех возможен лишь тогда, когда в ходе переговоров будет обсуждаться вопрос об американских средствах передового базирования...“^{2 5}

В октябре 1979 г. Советский Союз выступил с новыми далеко идущими инициативами. Он выразил готовность сократить количество ядерных средств средней дальности, развернутых в западных районах Советского Союза, в том случае, если в Западной Европе не будет дополнительного

размещения ядерных вооружений, а в рамках переговоров об ОСВ-3 „обсудить возможность ограничения не только межконтинентальных, но и других видов вооружений — разумеется, с учетом всех относящихся сюда факторов и при строгом соблюдении принципа равной безопасности сторон”²⁶. Советский Союз высказался за то, чтобы обсуждение вопроса о ядерном оружии средней дальности в рамках переговоров об ОСВ-3 началось сразу же после вступления в силу Договора об ОСВ-2, подписанного в июне 1979 г. Принятие этого предложения придало бы процессу ограничения ядерных вооружений широкий и последовательный характер. Подтвердив данное предложение в ноябре 1979 г., Л. И. Брежнев заявил, что „будет больше шансов на достижение положительных результатов в ходе переговоров об оружии средней дальности в Европе, если до исхода переговоров не будет принято никаких решений о производстве и размещении в Западной Европе упомянутых средств. И напротив, эти шансы будут подорваны, если такие решения НАТО будут приняты”²⁷.

Таким образом, со стороны СССР и Организации Варшавского Договора не было недостатка в предложениях начать переговоры. Чем же ответили на это страны НАТО?

В коммюнике майской сессии Совета НАТО 1978 г. речь шла о „модернизации” ядерного оружия и только о ней. О переговорах с целью достижения „удовлетворительного военного баланса на более низком уровне посредством реалистичных и поддающихся проверке соглашений” было сказано так, словно начало их является куда более сложным делом, чем „модернизация”²⁸. Предложение Организации Варшавского Договора о проведении переговоров, сделанное в ноябре 1978 г., страны НАТО проигнорировали. А сессия группы ядерного планирования в апреле 1979 г. выразила поддержку несуществующим усилиям США начать переговоры²⁹. В коммюнике заявля-

лось, что „при рассмотрении вопроса о мероприятиях по модернизации необходимо полностью учесть возможности контроля над вооружениями” и „с удовлетворением отмечалось”, что эти возможности „продолжают изучаться специальной группой, недавно созданной НАТО в этих целях”³⁰. НАТО „изучала” возможности проведения переговоров, в то же время развернув непосредственную подготовку к принятию решения о размещении в Западной Европе новых американских ракет.

В мае 1979 г. Комитет планирования обороны НАТО высказался более откровенно: министры „указали на необходимость параллельного обсуждения модернизации ядерных сил театра войны и контроля над вооружениями”³¹. Эта формула вошла и в коммюнике ноябрьской сессии группы ядерного планирования НАТО. „Министры подтвердили, что модернизация и переговоры о контроле над вооружениями, касающиеся ядерных сил большой дальности на театре войны, должны служить взаимодополняющими средствами достижения основной цели поддержания и укрепления безопасности Союза (НАТО. - Авт.) и укрепления общей стабильности и разрядки”³². Министры „приветствовали конструктивную подготовку предложений по контролю над вооружениями, рассчитанных на вовлечение Советского Союза в переговоры с целью сокращения диспропорции в уровне ядерных сил, содействуя тем самым поддержанию мира без ущерба для безопасности”³³. Еврогруппа НАТО 10 декабря 1979 г. постановила, что предложение о контроле над вооружениями должно „дополнять” их модернизацию³⁴.

Специальная сессия министров иностранных дел и обороны НАТО 12 декабря 1979 г. признала „большую роль контроля над вооружениями в создании более стабильных отношений между Востоком и Западом в военной области и в продвижении процесса разрядки”. Это признание будто бы

„отражено в широкой системе инициатив, которые в настоящее время рассматриваются в рамках Союза, с тем, чтобы способствовать контролю над вооружениями и разрядке в 80-е годы”³⁵.

Таким образом, в коммюнике признавалось, что „широкая система инициатив” НАТО в области контроля над вооружениями еще только разрабатывается, тогда как решение о „довооружении” было уже принято. Цель — вести переговоры с позиции силы. „Переговоры, которые мы предлагаем и переговоры, которые нам предлагают, — говорил по этому поводу министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, — это совершенно разные переговоры. Мы предлагаем начать переговоры немедленно, при том положении, какое есть...” А некоторые правительства стран НАТО „прямо говорят, что переговоры с Советским Союзом надо вести с позиции силы”³⁶.

12 декабря 1979 г. НАТО постановила, что переговоры об ограничении ядерного оружия большой дальности на театре войны „должны проводиться на двусторонней основе в рамках ОСВ-3, причем указанная проблема должна решаться с помощью ряда соглашений поэтапно”³⁷. Однако подготовка соглашения об ОСВ-1 заняла два с половиной года, Договора об ОСВ-2 — более семи лет, а осуществление „модернизации” ядерных сил НАТО средней дальности в Европе планировалось начать спустя четыре года после принятия „двойного” решения. Да и перспективы ратификации Договора об ОСВ-2 в американском сенате были неясны, а без этого не могли начаться переговоры об ОСВ-3. Не были согласованы не только сроки их проведения, но даже состав участников³⁸. Поэтому Советский Союз в качестве одного из вариантов предложил немедленное начало переговоров, не дожидаясь ОСВ-3.

В совместном коммюнике о переговорах между делегациями КПСС и ФКП в Москве 8 — 10 января 1980 г. и в речи А. А. Громыко на встрече с избирателями 18 февраля 1980 г. была выраже-

на готовность Советского Союза приступить к переговорам о ядерном оружии средней дальности в Европе, если решение НАТО о „довооружении” будет отменено или по крайней мере его осуществление будет официально приостановлено³⁹.

Однако 4 апреля государственный секретарь США повторил формулировку, вошедшую в „двойное” решение НАТО, 14 мая его поддержал Комитет планирования обороны НАТО⁴⁰, началась подготовка к размещению ракет в Западной Европе. В этих условиях Советский Союз, руководствуясь широкими интересами мира и безопасности, 1 июля предложил приступить к обсуждению вопроса о ракетно-ядерном оружии средней дальности в Европе „одновременно и в органической связи с вопросом об американских ядерных средствах передового базирования”. При этом имелось в виду, что „возможные договоренности по этим вопросам могут быть реализованы на практике только после вступления в силу советско-американского Договора об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-2)”⁴¹.

Таким образом, не снимая ранее выдвинутого предложения, которое предусматривало проведение переговоров в условиях отмены или приостановления реализации решения НАТО о „довооружении”, что создало бы более благоприятные условия для их успешного завершения, Советский Союз согласился на проведение переговоров по оружию средней дальности в рамках ОСВ-3 еще до вступления в силу Договора об ОСВ-2.

Учитывая складывавшуюся на каждый конкретный момент обстановку, Советский Союз выдвигал соответствующие предложения относительно начала переговоров об оружии средней дальности в Европе. Предлагалось:

— обсудить этот вопрос в рамках переговоров об ОСВ-3 (2 марта и 25 июня 1979 г.);

— после подписания Договора об ОСВ-2 — сразу же после вступления его в силу начать переговоры об ОСВ-3 (6 октября 1979 г.);

— накануне и непосредственно после принятия решения НАТО о „довооружении” — отменить или реально приостановить осуществление этого решения, что дало бы переговорам больше шансов на успех (6 и 25 ноября, 6 декабря 1979 г.; 11 и 13 января, 19 февраля и 1 июля 1980 г.);

— после затягивания ратификации Договора об ОСВ-2 американской стороной — провести переговоры до вступления в силу этого документа, но с тем, чтобы возможные договоренности по вопросу об оружии средней дальности реализовывались после того, как начнет действовать ОСВ-2 (1 июля 1980 г.)⁴².

Советский Союз неизменно подчеркивал, что переговоры должны включать и вопрос об американских средствах передового базирования, поскольку США соглашались обсуждать лишь советское оружие средней дальности.

Стремясь стимулировать начало серьезных переговоров, Советский Союз еще в октябре 1979 г. выразил готовность сократить количество средств средней дальности в своих западных районах, если в Европе не будут размещаться новые американские ракеты⁴³.

Лишь в июле 1980 г. заместитель государственного секретаря США У. Кристофер заявил, что Соединенные Штаты согласны приступить к предварительным переговорам, которые должны касаться в первую очередь „евростратегического” оружия наземного базирования. У. Кристофер подчеркнул, что предварительные переговоры будут трудными и займут много времени. Расчет делался на то, что по мере приближения срока размещения американских ракет Советский Союз окажется в цейтноте и будет вынужден согласиться на условия США либо продолжать переговоры в еще более усложнившихся в результате развертывания новых американских ракет условиях.

26 сентября в ходе беседы с государственным секретарем США Э. Маски А. А. Громько отметил, что американская сторона отходит от тех

фундаментальных принципов, которые были ранее согласованы между СССР и США, на основе которых только и могут строиться советско-американские отношения, если руководствоваться интересами сохранения и упрочения мира, укрепления международной безопасности и развития взаимовыгодного сотрудничества. А. А. Громыко и Э. Маски обменялись мнениями относительно советского предложения о начале переговоров по вопросам ограничения ядерных вооружений средней дальности в Европе и американских средствах передового базирования в этом районе.

Предварительные переговоры между СССР и США по проблеме ядерного оружия средней дальности в Европе, начавшиеся благодаря настойчивым усилиям Советского Союза, проходили с 17 октября по 17 ноября 1980 г. в Женеве, но не привели к сближению позиций сторон. Трудности вызвал вопрос о том, какие системы оружия должны стать предметом переговоров. США придерживались разработанной специальной группой НАТО позиции, согласно которой переговоры должны вестись поэтапно, начавшись с вопроса о ракетах наземного базирования. Это обосновывалось тем, что обсуждение широкого круга систем будто бы вызовет трудности, замедляющие процесс переговоров. В качестве единиц подсчета сил сторон предлагалось принять боеголовки. Советский Союз указывал, что если принять во внимание все ядерные средства средней дальности, а не отдельные их компоненты, то в Европе существует примерное равенство. Было предложено принять в качестве единиц подсчета средства доставки ядерного оружия. Их ограничение, как показал опыт, приобретенный в процессе ОСВ, легче поддается проверке с помощью национальных средств контроля.

Женевские консультации свидетельствовали о стремлении США оттянуть начало деловых переговоров. Стремясь стимулировать их начало и создать более благоприятные условия для их прове-

дения, советское руководство с трибуны XXVI съезда КПСС выдвинуло новое предложение — о введении моратория. „Мы предлагаем, — говорилось в Отчете ЦК КПСС съезду партии, — договориться о том, чтобы уже теперь установить мораторий на размещение в Европе новых ракетно-ядерных средств средней дальности стран НАТО и СССР, то есть заморозить в количественном и качественном отношении существующий уровень таких средств, включая, разумеется, ядерные средства передового базирования США в этом районе. Вступить в силу этот мораторий мог бы сразу же, как только начнутся переговоры по данному вопросу, и действовать, пока не будет заключен постоянный договор об ограничении, а еще лучше — о сокращении таких ядерных средств в Европе. При этом мы исходим из того, что обеими сторонами будет прекращена всякая подготовка к развертыванию соответствующих дополнительных средств, в том числе американских ракет „Першинг-2” и стратегических крылатых ракет наземного базирования”⁴⁴.

Разъясняя данное предложение, которое в дальнейшем дополнялось и развивалось Советским Союзом, Л. И. Брежнев говорил 7 апреля 1981 г., что предложение о моратории — не самоцель. „Оно внесено с намерением создать более благоприятную атмосферу для переговоров. Целью в этом вопросе мы считаем... именно сокращение сторонами количества ядерных средств, накопленных в Европе. Это вполне можно сделать, не ухудшая условий безопасности ни Востока, ни Запада”⁴⁵.

Советское предложение об установлении моратория получило положительный отклик в широких политических кругах и среди общественности стран Запада. Лишь реакция правительств стран НАТО было негативной. Они утверждали, будто введение моратория будет означать признание и закрепление мнимого советского превосходства в области ядерного оружия средней дальности в Европе, законсервирует неблагоприятное для

НАТО соотношение сил. Однако на протяжении многих лет в Европе поддерживается примерное равновесие сил, что неоднократно признавалось и на Западе. И если некоторые из западных политических деятелей старались принизить значение предложения о моратории, то только потому, что хотели бы изменить его в пользу Запада и не желали связывать себя мораторием⁴⁶.

Другой аргумент противников моратория заключался в том, что он не коснется ракет СС-20, размещенных восточнее Урала, но нацеленных будто бы на Западную Европу. На это Л. И. Брежнев ответил в речи на XIX съезде ВЛКСМ 18 мая 1982 г., что „никаких ракет средней дальности не будет дополнительно размещаться там, где в пределах их досягаемости оказались бы и ФРГ, и другие страны Западной Европы”⁴⁷.

Советский Союз предлагал заинтересованным сторонам деловые, конструктивные переговоры на любом уровне безо всяких предварительных условий, выражал готовность рассмотреть любые разумные предложения. Однако лишь на сессии Совета НАТО 4 — 5 мая 1981 г. американский представитель заявил, что США начнут с СССР переговоры по вопросу о ядерном оружии большой дальности на театре войны в рамках переговоров об ОСВ в конце 1981 г. Это было первым признаком движения со стороны США. Одновременно началась пропагандистская артподготовка к переговорам. На Западе замелькали фантастические данные о будто бы развернутых Советским Союзом ракетах средней дальности. 13 мая 1981 г. западногерманская „Франкфуртер Альгемайне” сообщила, что Советский Союз разместил на своей территории 220 ракет СС-20, „Вельт”, — что таких ракет 440. 29 мая глава делегации ФРГ на Венских переговорах Э. Юнг заявил, что СССР развернул более 570 ракет. Подобная „психическая атака” едва ли могла свидетельствовать о стремлении Запада к достижению справедливых договоренностей на переговорах.

Выступая в Тбилиси 22 мая 1981 г., Л.И.Брежнев в очередной раз подчеркнул, что „вопрос ограничения и даже уменьшения ракетно-ядерных вооружений в Европе на основе баланса сил, соблюдения принципа равенства можно и нужно решить путем переговоров. Мы готовы к ним. Слово за Вашингтоном”⁴⁸. 23 июня Верховный Совет СССР в Обращении к парламентам и народам мира призвал к незамедлительному началу переговоров по ракетно-ядерному оружию⁴⁹. Правительства западных держав начинали испытывать возрастающее давление со стороны движения народных масс против американских ракет. Это заставляло западноевропейские страны, в свою очередь, оказывать определенный нажим на США с целью побудить их выполнить часть декабрьского решения НАТО 1979 г., касающуюся переговоров с СССР.

24 сентября 1981 г. министр иностранных дел СССР А. А. Громыко и государственный секретарь США А. Хейг на встрече в период работы сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке договорились начать переговоры 30 ноября в Женеве.

В реакции на сообщение о начале переговоров вновь проявилось различие между подлинными и мнимыми сторонниками разоружения. Согласие США на обсуждение проблемы ограничения ядерных вооружений средней дальности, по замечанию Дж. Гибсона, почти в той же степени удовлетворило их европейских союзников, как сами ограничения⁵⁰. После заседания группы ядерного планирования НАТО 20 октября 1981 г. министр обороны Великобритании Дж. Нотт заявил, что обязательство США начать переговоры с СССР об оружии большой дальности на театре войны привело к тому, что сессия проходила в атмосфере гораздо большего „согласия и легкости”, чем предыдущая в апреле того же года в Бонне⁵¹. Именно такого эффекта и добивались Соединенные Штаты.

Советский Союз, другие страны и миллионы людей во всем мире, которые хотят ослабления угрозы новой войны, приветствовали начало пе-

реговоров по ядерным средствам средней дальности в Европе. Однако своей целью они всегда считали не переговоры как таковые, а их весомые результаты, основанные на принципе равенства и одинаковой безопасности сторон.

Два подхода
к обеспечению
европейской безопасности

Усилиями Советского Союза, всех миролюбивых сил в конечном итоге удалось заставить США сесть за стол переговоров об ограничении ядерных вооружений в Европе. К этому времени администрация Рейгана уже десятый месяц находилась у власти. А для выработки позиции по проблеме ограничения стратегических вооружений ей потребовалось почти полтора года. И после этого кое-кто на Западе осмеливается утверждать, будто Соединенным Штатам стоило больших трудов склонить Советский Союз к вступлению в переговоры.

В течение первого полугодия своего пребывания у власти администрация Рейгана сформулировала шесть основных принципов своего общего подхода к проблеме контроля над вооружениями. В соответствии с ними „контроль над вооружениями” не должен мешать наращиванию вооружений; он не обязательно должен ограничивать арсеналы в количественном и качественном отношениях; готовность США к переговорам должна зависеть от „общего поведения СССР в мире” („увязка”); соглашения должны сокращать вооружения потенциального противника и по возможности не затрагивать американских арсеналов; первоочередное требование к соглашениям — возможность эффективного контроля за их соблюдением; сокращение одних видов вооружений должно давать возможность наращивать другие^{5 2}. В таком понимании контроль над вооружениями превращается в фикцию, от него остается лишь

название. Но именно на таком понимании контроля над вооружениями основывались все инициативы администрации Рейгана в области ограничения и сокращения как ядерных вооружений средней дальности в Европе, так и стратегических.

Советская делегация выступила на переговорах с предложениями об ограничении и поэтапном сокращении ядерных вооружений в Европе на основе принципа равенства и одинаковой безопасности сторон. Американские же представители привезли с собой предложения, направленные на нарушение этого принципа, на изменение ядерного баланса в Европе в пользу Запада.

Еще до начала переговоров американская сторона выдвинула демагогические, заведомо неприемлемые для Советского Союза предложения. Выступая в Национальном клубе печати 18 ноября 1981 г., Р. Рейган объявил, что Соединенные Штаты готовы отказаться от развертывания ракет „Першинг-2” и крылатых ракет наземного базирования, если Советский Союз демонтирует свои ракеты СС-20, СС-4 и СС-5³. Это предложение, получившее название „нулевого варианта”, предусматривало демонтаж всех советских ракет средней дальности, включая и те, что могли бы быть развернуты, например, в Восточной Сибири. Соответственно, женевским переговорам Соединенные Штаты присвоили название „переговоры о ядерном оружии промежуточной дальности” без указания на то, что речь, собственно, должна идти о ядерных вооружениях в Европе.

По мнению редактора американского журнала „Форин полиси” Ч. Мейнса, это предложение свидетельствовало бы о „достижении администрацией Рейгана зрелости” только в том случае, если бы за ним стояло „намерение США добиться реалистического соглашения”⁴. Но именно этого намерения в действиях нынешней американской администрации и не было видно.

Критически оценили „нулевой вариант” и сотрудники Стокгольмского международного ин-

ститута по изучению проблем мира. „Предлагая ликвидировать все советские ракеты большой дальности на театре войны, — писали они, — нулевое предложение президента Рейгана оставляет в стороне английские, французские и китайские силы. Это, пожалуй, крайность, поскольку предполагает, будто Советский Союз не нуждается в региональной безопасности в связи с наличием трех других ядерных держав на Евроазиатском материке”⁵⁵ Кроме того, „нулевой вариант” не соответствует первоначальному обоснованию решения о „модернизации” со стороны НАТО, согласно которому новое ракетно-ядерное оружие должно подкрепить доктрину „гибкого реагирования” и гарантировать американский „ядерный зонтик” над Западной Европой. Согласно этому обоснованию, „НАТО должна произвести модернизацию в первую очередь ради увеличения своих собственных сил, тогда как логика нулевого решения предполагает, что необходимость в модернизации отпадет с демонтажем ракет СС-20”⁵⁶. „Нулевой вариант”, поскольку он предусматривает возможность отказа от размещения нового ядерного оружия в Западной Европе, можно рассматривать как уступку общественному мнению в Европе, пишут названные авторы. С другой стороны, он может считаться политической тактикой, рассчитанной на то, чтобы возложить ответственность за развертывание новых американских ракет в Европе на Советский Союз.

По мнению журнала „Ньюсуик”, „все предложения Рейгана просты, поскольку они адресованы общественному мнению Соединенных Штатов и Европы; но они не затрагивают сложных моментов, которые неизбежно возникнут, как только начнутся серьезные переговоры”⁵⁷.

Советский Союз дал принципиальную оценку „нулевому варианту”. Авторы таких „предложений”, заявил Л. И. Брежнев, в действительности не хотят переговоров, тем более успешных. „Им нужен срыв переговоров как своего рода алиби.

для продолжения задуманной гонки вооружений, намеченного превращения Западной Европы в стартовую площадку для новых американских ракет, нацеленных против СССР. Сами заранее конструируют тупик в переговорах с тем, чтобы объявить: смотрите, СССР, мол, не считается с мнением Запада, и США ничего не остается, как ставить ракеты”⁵⁸.

Во время визита в ФРГ в ноябре 1981 г. Л. И. Брежнев еще раз остановился на „нулевом варианте”. Авторы этого предложения, сказал он, ставят с ног на голову само понятие справедливости и взаимности. „От нас требуют в одностороннем порядке разоружиться, а сотни нацеленных на нашу страну и на наших союзников сухопутных и морских ракет, самолетов с ядерными бомбами, весь этот грозный арсенал, принадлежащий сегодня Соединенным Штатам и другим странам НАТО в районе Европы, должен оставаться нетронутым. То есть, если сейчас между обеими сторонами соотношение ядерных средств средней дальности в Европе довольно точно выражается цифрой один к одному, то США хотели бы превратить его в соотношение примерно два к одному в пользу НАТО”⁵⁹. Советский Союз призвал Соединенные Штаты подойти к вопросу более объективно и совместно искать приемлемое для обеих сторон решение.

Чтобы облегчить эти поиски, Советский Союз внес существенное дополнение в предложение о моратории. В случае согласия США на мораторий он мог бы в одностороннем порядке, как бы авансом, сократить некоторую часть своих вооружений средней дальности в европейской части СССР, двигаясь к тому более низкому уровню, о котором СССР и США могли бы условиться в итоге переговоров. Советский Союз выразил также готовность произвести сокращения не на десятки, а на сотни единиц оружия средней дальности⁶⁰.

Эти широкие предложения не получили позитивного отклика со стороны США. „Нулевой вариант” надолго стал их официальной позицией на женевских переговорах. Все последующие инициативы, призванные сдвинуть дело ограничения и сокращения ракетно-ядерных вооружений средней дальности в Европе с мертвой точки, исходили от Советского Союза.

Советская делегация на переговорах внесла предложение сосредоточить усилия на выработке в сжатые сроки совместного документа, в котором были бы определены следующие основные параметры будущего соглашения:

— в соответствии с принципом равенства и одинаковой безопасности сторон соглашение должно охватывать и учитывать все ядерные вооружения средней дальности, размещенные на территории Европы и в прилегающих акваториях или предназначенные для использования в Европе;

— соглашение должно предусматривать сокращение нынешнего числа указанных выше средств до 300 единиц у каждой стороны (НАТО и СССР) к концу 1990 г. с установлением промежуточного уровня в 600 единиц у каждой стороны на конец 1985 г.;

— стороны будут иметь право самостоятельно определять состав сокращаемых вооружений и в пределах согласованных сокращенных уровней по своему усмотрению проводить замену и модернизацию вооружений, рамки которых будут определены дополнительно;

— основным способом сокращения вооружений средней дальности будет их уничтожение, что не исключает возможности отвода некоторой части вооружений за согласованные рубежи;

— будут выработаны положения, обеспечивающие адекватный контроль за выполнением обязательств по намеченному соглашению;

— на период переговоров стороны воздержатся от деятельности по развертыванию в районе Европы новых ядерных вооружений средней дальности.

Уже развернутые вооружения замораживались бы в количественном и качественном отношениях⁶¹.

Эти предложения соответствовали принципу равенства и одинаковой безопасности сторон. Предусмотренная ими договоренность учитывала бы особенности систем оружия, которые у сторон неодинаковы, различия в географическом положении Советского Союза и США и ряд других факторов. При соблюдении всех этих положений переговоры могли бы иметь успех уже в 1982 г.⁶²

Однако 3 февраля с советской стороны было отмечено, что первоначальная стадия переговоров в Женеве внушает настороженность ввиду явного нежелания американской стороны искать основу взаимоприемлемой договоренности. США продолжали цепляться за „нулевой вариант”, который полностью противоречил принципу равенства и одинаковой безопасности сторон. Советский Союз выдвинул предложение отказаться не только от всех видов оружия средней дальности в Европе, но и от тактического ядерного оружия⁶³.

16 марта 1982 г. Советский Союз подтвердил эти предложения и сообщил о решении ввести в одностороннем порядке мораторий на развертывание ядерных вооружений средней дальности в европейской части СССР: заморозить уже развернутые здесь такие вооружения в количественном и качественном отношении. Мораторий вводился либо до достижения соглашения с Соединенными Штатами о сокращении ядерных средств средней дальности, предназначенных для Европы, либо же до того времени, когда начнется практическая подготовка к развертыванию новых американских ракет в Европе. Решение СССР об одностороннем замораживании своего ядерного потенциала средней дальности предусматривало также прекращение подготовки к размещению ракет, включая и прекращение строительства стартовых позиций для них. Одновременно Советский Союз объявил о намерении уже в 1982 г. сократить некоторую

часть ракет средней дальности в одностороннем порядке, если не будет нового обострения международной обстановки⁶⁴.

Несмотря на такое проявление доброй воли со стороны Советского Союза, Соединенные Штаты, продолжая цепляться за пресловутый „нулевой вариант“, не позволяли переговорам сдвинуться с мертвой точки. „Создается впечатление, — писал летом 1982 г. член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Д. Ф. Устинов, что на переговорах по ядерным вооружениям средней дальности США не намерены делать конструктивных шагов в ответ на наши инициативы. Дальше своего пресловутого „нулевого варианта“ они не идут. Вопрос фактически поставлен так: либо одностороннее разоружение Советского Союза, либо создание тупика на переговорах с целью затянуть их на неопределенное время, обвинить нас в отсутствии доброй воли и осуществить задуманный план „довооружения“ НАТО”⁶⁵. В ответах на вопросы корреспондента ТАСС 19 августа 1982 г. Д. Ф. Устинов еще раз разъяснил советские предложения и охарактеризовал позицию США как рассчитанную на срыв переговоров⁶⁶.

Возражения со стороны Соединенных Штатов вызвало, в частности, включение ядерных потенциалов Великобритании и Франции в общий баланс ядерных средств средней дальности в Европе. США настаивали на том, что они не уполномочены вести переговоры об ограничении и сокращении вооружений, которые им не принадлежат. На первый взгляд, логично. Но разве секрет, что эти две ядерные западноевропейские державы являются союзницами США по блоку НАТО? И разве секрет, против кого направлены их ракеты и самолеты с ядерными зарядами?

В 1972 г. президент США Р. Никсон писал в послании конгрессу: „Ядерные силы Соединенных Штатов, дополненные ядерными силами

наших союзников, остаются основой нашей способности к сдерживанию”⁶⁷. В заявлении, принятом на сессии НАТО в Оттаве в июне 1974 г., говорилось, что французские и британские ядерные силы представляют важный вклад в потенциал „устрашения”, которым обладает Запад. Под этим заявлением стояла и подпись президента Франции. По сообщению газеты „Форвертс”, органа западногерманских социал-демократов, „планирование применения стратегических вооружений (Франции) осуществляется исключительно против важнейших промышленных центров Советского Союза”⁶⁸. А ядерные силы Великобритании и вовсе интегрированы в военную структуру НАТО. В оперативном отношении их использование практически неотделимо от использования ядерных сил США⁶⁹.

С точки зрения Советского Союза национальная принадлежность нацеленных на него ядерных вооружений не играет роли. Что же касается довода, что женевские переговоры являются двухсторонними, то участие в них Великобритании и Франции в сущности не обязательно. Достаточно учесть их вклад в ядерный потенциал НАТО в Европе и признать, что СССР должен иметь соответствующий противовес.

21 декабря 1982 г. на торжественном заседании в Кремле, посвященном 60-летию образования СССР, Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов выдвинул новое предложение. Он заявил о готовности Советского Союза иметь в Европе ровно столько ракет, сколько их имеют Англия и Франция. В этом случае сокращению подлежали бы сотни советских ракет, включая не один десяток наиболее современных, именуемых на Западе СС-20. Если бы в последующем число английских и французских ракет уменьшилось, то соответственно сократилось бы и число советских. Наряду с этим было предложено договориться о сокращении до равных уровней и числа самолетов — носителей ядерного оружия сред-

ней дальности, имеющихся в Европе у НАТО и у СССР⁷⁰.

Эти предложения стали новым свидетельством конструктивной позиции Советского Союза, его готовности к достижению справедливых соглашений о разоружении. Однако Вашингтон объявил их „неприемлемыми“. Государственный департамент с порога отменил советские инициативы, даже не удосужившись внимательно изучить их. Его примеру последовали некоторые политические деятели в Западной Европе. Зато советские предложения были с одобрением приняты мировой общественностью. Она смогла еще раз убедиться, кто действительно стремится к разоружению, а для кого переговоры служат только ширмой.

Такого рода примеры неоднократно давал и ход переговоров об ограничении и сокращении стратегических вооружений. В период предвыборной кампании 1980 г. Р. Рейган заявлял, что если он займет пост президента, то не будет добиваться ратификации Договора об ОСВ-2 сенатом, а предпримет шаги к заключению „более простого“ и лучше поддающегося проверке соглашения, ведущего к сокращению, а не просто к ограничению ядерных арсеналов. После вступления в должность Р. Рейган заявил, что до достижения нового соглашения с СССР по стратегическим ядерным вооружениям США будут придерживаться положений Договора об ОСВ-2.

Однако подготовка американской стороны к новому туру переговоров явно затягивалась. Лишь 9 мая 1982 г., выступая в колледже города Юрика, президент Рейган заявил о готовности приступить к обсуждению проблемы ограничения и сокращения стратегических вооружений. 1 июня было опубликовано сообщение о том, что переговоры возобновятся в Женеве 29 июня.

Советская сторона с момента возобновления переговоров выступала за достижение взаимоприемлемой договоренности, за неукоснительное и

полное воплощение в будущем соглашении принципа равенства и одинаковой безопасности сторон. С точки зрения Советского Союза новая договоренность должна была бы повысить безопасность сторон, поддержать сложившийся примерный паритет сил на более низком уровне. В соответствии с советскими предложениями сокращению подлежали бы все стратегические вооружения, а не произвольно выделенные их виды. Предлагалось к 1990 г. поэтапно сократить суммарное количество пусковых установок межконтинентальных баллистических ракет (МБР), пусковых установок баллистических ракет на подводных лодках (БРПЛ), а также тяжелых бомбардировщиков до 1800 единиц у каждой стороны. Это означало бы снижение на 25% количественного предела для этих средств, установленного Договором об ОСВ-2. До равных согласованных уровней сокращалось бы и число ядерных зарядов на этих носителях.

Кроме того, был предложен ряд качественных ограничений: запрещение некоторых новых видов стратегических вооружений (в частности, крылатых ракет с дальностью свыше 600 км всех видов базирования), ограничение модернизации существующих вооружений согласованными параметрами.

Выдвигались также предложения, направленные на укрепление стратегической стабильности и повышение доверия между СССР и США. На время переговоров предлагалось заморозить стратегические ядерные арсеналы сторон^{7 1}. Эти предложения, отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов, „перекрывают все возможные каналы дальнейшей гонки вооружений в этой области. И это лишь начало: договоренность на указанной основе стала бы отправным пунктом для еще более крупного взаимного сокращения количеств такого оружия, о котором стороны могли бы договориться с учетом общей стратегической ситуации в мире”^{7 2}.

С чем же пришла на переговоры американская сторона? Ее предложения, оглашенные президентом Рейганом 9 мая 1982 г., были выдержаны в соответствии с упоминавшимися „основными принципами контроля над вооружениями”. Из общих стратегических потенциалов были выделены МБР под тем предлогом, что это — наиболее дестабилизирующий фактор. Их шахтные пусковые установки сравнительно легко уязвимы, и это будто бы может спровоцировать нападение в кризисной ситуации. Высокая точность попадания этих ракет опять-таки может якобы породить соблазн нанести первый обезоруживающий удар.

США предложили сократить число МБР до 850 единиц с каждой стороны. На первый взгляд, это существенное сокращение с соблюдением равенства. Однако у СССР 70% стратегического потенциала (считая по боеголовкам) приходится на МБР, а у США более 80% — на БРПЛ и тяжелые бомбардировщики. Поэтому Советскому Союзу пришлось бы сократить в два раза больше МБР, более 90% имеющихся в его распоряжении таких ракет. В результате он имел бы почти в 1,5 раза меньше стратегических носителей и почти в 3 раза меньше ядерных зарядов на них. Естественно, Советский Союз не мог пойти на подобное одностороннее разоружение⁷³.

До конца 1982 г. ни в области ограничения ядерных вооружений в Европе, ни в области ограничения и сокращения стратегических вооружений по вине американской стороны прогресса достигнуть не удалось.

В канун 1983 г. американский политический обозреватель Дж. Кингсбери-Смит задал Генеральному секретарю ЦК КПСС Ю. В. Андропову вопрос: какие наиболее важные меры могли бы быть приняты в сотрудничестве между СССР и США в 1983 г. в интересах мира и улучшения советско-американских отношений? Самое важное, ответил Генеральный секретарь ЦК КПСС, „это достижение справедливых и взаимоприемле-

мых, отвечающих принципу равенства и одинаковой безопасности договоренностей на переговорах по ограничению и сокращению стратегических вооружений и ядерного оружия средней дальности в Европе, достижение договоренностей — и принятие практических мер по их претворению в жизнь”⁷⁴. В 1983 г., с конца которого в Западной Европе планировалось начать размещение американских „евро ракет”, многое должно было решиться.

Вместо
заклучения

1983 год приобрел во многом ключевое значение для судеб Европы и мира. „От того, как пойдут дела на переговорах об ограничении ядерных вооружений в Европе и о стратегических вооружениях, будет в огромной степени зависеть ход международных событий в Европе и во всем мире”¹. В случае размещения американских „евроракет” обстановка в Европе, да и не только в Европе, резко ухудшилась бы. „Вопрос, — отмечал во время визита в Грецию в феврале 1983 г. член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, — сейчас стоит так: либо договоренность о крупном сокращении ядерных средств средней дальности, причем на условиях полного равенства между СССР и странами НАТО как по ракетам, так и по самолетам — носителям этого оружия, либо упущенная возможность договориться и новая спираль гонки вооружений”²

Страны — участницы Варшавского Договора открыли летопись 1983 г. масштабным выступлением в пользу оздоровления политического климата на земле³. 4—5 января в Праге состоялось совещание Политического консультативного комитета (ПКК) стран Варшавского Договора. Констатировав, что в целом международная обстановка становится „все более сложной, растет международная напряженность, усиливается военная угроза, прежде всего ядерная”, представленные на совещании государства выразили убеждение, что существуют возможности преодоления опасного

этапа в международных отношениях, что силы мира более могущественны, чем силы войны. „Все зависит от их сплоченности и целеустремленности их действий”, — говорилось в Политической декларации государств — участников Варшавского Договора⁴.

Совещание в Праге выдвинуло альтернативу ядерной катастрофе и призвало к широкому международному сотрудничеству во имя сохранения цивилизации, жизни на Земле. Страны-участницы призвали к достижению соглашений, ведущих к эффективному сокращению вооруженных сил и вооружений при строгом соблюдении принципа равенства и одинаковой безопасности. В Пражской декларации Политического консультативного комитета выражена надежда, что вслед за Советским Союзом и другие ядерные державы примут обязательство не применять первыми ядерное оружие.

ПКК призвал к замораживанию вооруженных сил и вооружений, особенно ядерных. Участники совещания высказались за выработку программы поэтапного ядерного разоружения, за активизацию переговоров по различным вопросам разоружения. Они привлекли внимание к серьезнейшей опасности для европейских народов, которую несет намерение НАТО разместить в Западной Европе американские ракеты средней дальности, и констатировали, что осуществление этого намерения неизбежно приведет к уменьшению доверия и ухудшению обстановки на европейском континенте. Представленные на совещании государства признали наилучшим решением полное освобождение Европы от ядерного оружия как средней дальности, так и тактического. Если же в настоящее время это недостижимо, говорится в Политической декларации, то было бы целесообразно пойти по пути радикального сокращения ядерных средств средней дальности в Европе на основе принципа равенства и одинаковой безопасности. Как было подчеркнуто на совещании, необходимо, чтобы переговоры по ограничению ядерных вооружений в

Европе велись в конструктивном духе, чтобы прилагались максимальные усилия для достижения на них конкретных договоренностей. Необходимо также, чтобы не предпринимались действия, способные осложнить переговоры. Напротив, нужны шаги, способствующие созданию благоприятной атмосферы для их проведения.

Государства, представленные на совещании, отметили, что они придают большое значение также достижению успеха на советско-американских переговорах об ограничении и сокращении стратегических вооружений.

Кроме того, они обратились к государствам — участникам Североатлантического договора с предложением заключить Договор о взаимном неприменении военной силы и поддержании отношений мира. Тем самым были лишены почвы выдвигавшиеся на Западе „аргументы”, будто, приняв обязательство не применять ядерное оружие первым, Советский Союз сохраняет за собой свободу рук в использовании обычного оружия, по которому он якобы имеет превосходство.

Реализация выдвинутой в Пражской декларации ПКК широкой системы инициатив могла бы существенно укрепить международный мир и безопасность, улучшить политический климат на планете.

Совершенно иную позицию заняли западные державы. Соединенные Штаты фактически продолжали блокировать переговоры с СССР по вопросам разоружения. 31 января 1983 г. вице-президент США Дж. Буш, совершавший поездку по странам Западной Европы, зачитал в Западном Берлине открытое письмо президента Рейгана, в котором тот предлагал Генеральному секретарю ЦК КПСС Ю. В. Андропову встретиться в любом месте и в любое время, чтобы подписать соглашение, предусматривающее ликвидацию советских и американских ядерных ракет средней дальности наземного базирования⁵. „Нулевой вариант”, рассчитанный на одностороннее разоружение СССР, был

теперь облачен в форму „публичной дипломатии”. Новых конструктивных элементов он не содержал. Естественно, это предложение было отклонено Советским Союзом.

Выступая в Женевском Комитете по разоружению 4 февраля 1983 г., Дж. Буш лишь подтвердил занятую ранее Соединенными Штатами позицию по проблемам ограничения ядерных вооружений и разоружения: принципы подхода США к контролю над вооружениями, провозглашенные Р. Рейганом 18 ноября 1982 г., известные предложения относительно сокращения стратегических вооружений и ядерных вооружений средней дальности. В то же время американский вице-президент попытался создать впечатление, будто США ведут в Женеве серьезные переговоры, способные привести к положительному результату. Предложения, выдвинутые Генеральным секретарем ЦК КПСС Ю. В. Андроповым 21 декабря 1982 г., он назвал „обнадеживающими”, „создающими основу для переговоров”. При этом Дж. Буш считал недостатком этих предложений то, что они не ограничиваются сокращением „наиболее дестабилизирующих систем” — баллистических ракет⁶. Иначе говоря, с точки зрения американской стороны соблюдение принципа равенства и одинаковой безопасности являлось недостатком. Ведь в том и состоит различие советского и американского подхода к ограничению и сокращению вооружений, что в первом случае предлагается учет всех влияющих на стратегическую стабильность факторов, а во втором — лишь отдельных, искусственно выделенных с тем, чтобы использовать это для достижения военного превосходства. Следовательно, готовность США к обсуждению советских предложений на переговорах была не более чем уловкой с целью продемонстрировать „гибкость” позиции американской стороны, внушить общественности ложные надежды на достижение в скором времени справедливых договоренностей в ходе переговоров.

Что дело обстоит именно так, спустя лишь несколько дней после выступления Дж. Буша весьма недвусмысленно продемонстрировал глава американской делегации на переговорах об ограничении ядерных вооружений в Европе П. Нитце. 12 февраля он отверг советские предложения под тем предлогом, что английские и французские ракеты на подводных лодках являются не оружием средней дальности, а идентичны по своим характеристикам американским и советским ракетам морского базирования. Но даже если согласиться с предложением СССР, продолжал П. Нитце, Советский Союз сохранил бы больше ракет СС-20, чем было у него в декабре 1979 г., когда НАТО приняла „двойное” решение⁷. Отсюда можно сделать два вывода. Во-первых, решение о „довооружении” было принято, когда страны НАТО сохраняли преимущество в области ядерного оружия в Европе. Во-вторых, паритет в этой области США не устраивает. Отвергнув советские предложения, П. Нитце вольно или невольно дезавуировал вице-президента, поскольку взялся отрицать возможность прогресса на переговорах на базе инициатив СССР.

Между тем необходимость создать хотя бы видимость движения к соглашению с СССР становилась все настоятельнее для американской администрации. Антивоенное движение не удавалось задуть с помощью одних репрессий. Близилась пора весенних выступлений. Необходимо было успокоить общественное мнение внутри страны и за рубежом, прежде всего в Западной Европе.

Противники развертывания дополнительных американских ядерных вооружений имели все основания сомневаться в готовности США вести переговоры в духе доброй воли. Президент Р. Рейган сам подтвердил обоснованность этих сомнений. 23 марта 1983 г. он выступил по американскому телевидению с речью, посвященной военным проблемам. Президент утверждал, что в течение двух десятилетий Соединенные Штаты проявляли

„сдержанность” в области наращивания вооруженных сил, тогда как Советский Союз будто бы наращивал вооружения „сверх любых потребностей законного оборонительного потенциала”. Ссылаясь на это, Р. Рейган обрисовал программу коренного перевооружения США, сопровождаемую наращиванием военных расходов, а также контуры новой военной концепции, предусматривающей создание к концу столетия системы эффективной противоракетной обороны на основе новых технологий⁸.

Оценка и анализ этой речи Р. Рейгана были даны в ответах Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова на вопросы корреспондента „Правды”⁹. Советский Союз, сказал Ю. В. Андропов, вынужден был укреплять свою обороноспособность, чтобы ликвидировать американское военное преимущество, по которому сейчас так тоскуют в Вашингтоне. „Достигнутый военно-стратегический паритет лишил США возможности шантажировать нас ядерной угрозой. Этот паритет — надежная гарантия мира, и мы сделаем все, чтобы сохранить его”. Что же касается мнимой сдержанности США в области вооружений в последние 20 лет, то именно в течение этого периода произошло резкое качественное изменение американских стратегических сил, связанных с оснащением ракет разделяющимися головными частями. Число американских ядерных боеприпасов на стратегических вооружениях возросло за период мнимого бездействия с 4 до 10 с лишним тысяч, а в Европе превысило 7 тысяч, увеличившись в 3 раза.

В связи с объявленным Рейганом планом разработки системы противоракетной обороны Ю. В. Андропов указал, что параллельно США предусматривают развивать и совершенствовать стратегические наступательные силы, причем в направлении приобретения потенциала первого ядерного удара. В этих условиях намерение лишить другую сторону способности нанести ответный

удар „рассчитано на то, чтобы обезоружить Советский Союз перед лицом американской ядерной угрозы”. Ю. В. Андропов заверил, что „все потуги добиться военного превосходства над СССР тщетны. Советский Союз никогда не допустит этого, он никогда не окажется безоружным перед лицом любой угрозы”.

Провозглашенные президентом Рейганом 23 марта планы всестороннего наращивания военной мощи США никак не сочетаются с провозглашенным стремлением к успеху переговоров по контролю над вооружениями. Наличие у Соединенных Штатов такого стремления опровергалось и позицией НАТО, где американские представители добивались подтверждения верности союзников „двойному” решению. В условиях фактического саботажа переговоров американской стороной это означало подтверждение готовности начать размещение в Западной Европе „евроракет” с конца 1983 г.

Тем важнее было для США создать видимость конструктивного подхода к переговорам, готовности к компромиссам. С начала 1983 г. распространялись слухи о будто бы готовящихся на смену „нулевому варианту” новых американских предложениях.

29 марта представитель американской администрации сообщил, что президент Рейган направил советским участникам переговоров об ограничении ядерных вооружений в Европе „компромиссное предложение”, близкое к пресловутому „нулевому варианту”¹⁰. 30 марта в выступлении по телевидению Р. Рейган заявил о готовности вести переговоры о заключении соглашения, по которому США „существенно сократили бы” число ракет „Першинг-2” и крылатых ракет, намеченных к размещению в Западной Европе, если Советский Союз согласится пустить на слом часть своего ракетного потенциала средней дальности. Согласно этому „промежуточному варианту” СССР сократил бы часть (размеры которой были бы определе-

ны в ходе переговоров) ракет средней дальности и боеголовок на них, а США развернули бы в Европе — в дополнение к уже имеющимся там ядерным средствам НАТО — ракеты с тем же числом боеголовок, какое останется у Советского Союза¹¹.

Принципиальную оценку „промежуточного варианта” дал член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко на пресс-конференции 2 апреля 1983 г. Это предложение, указал А. А. Громыко, неприемлемо, поскольку, во-первых, оно не учитывает английские и французские ядерные средства средней дальности, в том числе 162 ракеты; во-вторых, оно не принимает в расчет многие сотни американских самолетов — носителей ядерного оружия, базирующихся в Западной Европе и на авианосцах; в-третьих, оно предусматривает ликвидацию советских ракет средней дальности и в азиатской части СССР, хотя они не имеют никакого отношения к Европе. Их задача — противостоять американским средствам средней дальности, развернутым в Японии, Южной Корее, на острове Диего-Гарсия, в акваториях Тихого и Индийского океанов. В целом если НАТО до начала размещения американских „евро ракет” имеет в Европе полуторное преимущество по ядерным боезарядам средней дальности, то в случае реализации „промежуточного варианта” на стороне НАТО их стало бы в 2,5 раза больше, чем у Советского Союза. Стоит учесть это обстоятельство, как становится ясно, что широко разрекламированный „промежуточный вариант” Рейгана рассчитан не на достижение договоренности, а на срыв переговоров¹².

Администрация США, подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов, отвечая на вопросы журнала „Шпигель”, „остается на своих прежних односторонних позициях, не проявляя ни малейшего желания учитывать законные интересы другой стороны, достигнуть честного взаимо-

приемлемого соглашения. В каждом случае, выдвигая свои предложения, США стремятся — и это для них главное — прежде всего нанести ущерб безопасности Советского Союза, нарушить к своей выгоде сложившееся равновесие сил”¹³.

В отличие от предложений США и НАТО инициативы Советского Союза и Организации Варшавского Договора строятся на принципе равенства и одинаковой безопасности сторон, нацелены на сокращение ядерных арсеналов. Участники состоявшегося 6—7 апреля 1983 г. в Праге заседания Комитета министров иностранных дел государств — участников Варшавского Договора высказались за радикальное сокращение ядерных средств средней дальности в Европе в качестве шага к полному освобождению континента от ядерного оружия. „Решение вопроса о ядерных средствах средней дальности в Европе должно быть таким, которое исключало бы размещение новых американских ракет средней дальности и обеспечивало бы поддержание военно-стратегического равновесия на все более низких уровнях”, — говорилось в коммюнике заседания¹⁴.

3 мая Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов существенно дополнил прежние советские предложения. Отвечая тем, кто утверждал, что в случае уравнивания ядерных потенциалов СССР и НАТО в Европе отдельно по ракетам и самолетам Советский Союз сохранил бы большее число зарядов на ракетах, чем НАТО, Ю. В. Андропов выразил готовность договориться о равенстве ядерных потенциалов в Европе как по носителям, так и по боезарядам. Разумеется, при этом учитывались бы соответствующие вооружения Великобритании и Франции. „Другими словами, — говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС, — мы за то, чтобы у СССР было и ракет, и боеголовок на них не больше, чем на стороне НАТО в каждый взаимно обусловленный период. При уменьшении количества боеголовок на английских и французских ракетах настолько же уменьшилось бы число бое-

головок и на наших ракетах средней дальности. Такой же подход распространился бы и на авиационные средства этого класса, развернутые в Европе. Тем самым поддерживалось бы примерное равенство между СССР и НАТО как по носителям ядерного оружия средней дальности, то есть по ракетам и самолетам, так и по числу боезарядов на них, причем равенство это было бы на значительно более низком уровне, чем теперь". Реализация этого предложения привела бы к тому, что в европейской части СССР и ракет средней дальности, и боеголовок на них было бы значительно меньше, чем до 1976 г., когда Советский Союз не имел ракет СС-20¹⁵. „Отказываться от принятия такого предложения, — говорил Ю. В. Андропов, отвечая на вопросы представителей ряда общественных организаций Финляндии, — может только тот, кто хочет во что бы то ни стало разместить новые американские ракеты в Западной Европе и тем самым сломать сложившееся равновесие сил и в Европе, и в глобальном масштабе"¹⁶.

Однако реакция Запада на новую советскую инициативу была отрицательной. Поскольку дело все больше склонялось к тому, чтобы под предлогом „неуступчивости" Советского Союза до бесконечности затягивать переговоры, а тем временем начать развертывание „евроракет", 28 мая было опубликовано Заявление Советского правительства, в котором оно предупреждало: если будет сорвана договоренность об ограничении ядерных вооружений в Европе, исключая размещение здесь новых американских ракет, Советский Союз примет своевременные и эффективные ответные меры. В частности, СССР будет вынужден пересмотреть принятое им в 1982 г. решение об одностороннем моратории на развертывание средств средней дальности в европейской зоне. Возникла бы также необходимость осуществить по договоренности с другими государствами — членами Варшавского Договора и иные меры по развертыванию дополнительных средств с целью создания

необходимого противовеса растущей группировке ядерных средств передового базирования США в Европе и ядерных вооружений других стран НАТО. Пришлось бы принять и необходимые ответные меры, имеющие в виду территорию США¹⁷.

Позиция Советского Союза получила одобрение и поддержку на состоявшейся в Москве 28 июня 1983 г. встрече руководящих партийных и государственных деятелей ряда социалистических стран Европы¹⁸.

Однако и такое серьезное предупреждение не заставило Запад задуматься о возможных последствиях размещения американских „евро ракет”. 29 мая на встрече глав государств и правительств семи развитых капиталистических стран в Вильямсберге (США) было принято заявление по вопросам разоружения и контроля над вооружениями, в котором Советский Союз призывали „внести конструктивный вклад в достижение успеха на переговорах об оружии средней дальности в Европе”. Лидеры „семерки” высказались против зачета английских и французских ядерных средств в общий баланс сил в Европе. Они пообещали пересмотреть число подлежащих размещению американских ракет в случае, если на переговорах в Женеве будет достигнуто „сбалансированное соглашение”¹⁹. Таким образом, провозглашалось намерение в любом случае изменить существующее примерное равенство ядерных средств средней дальности в Европе, дополнив имеющийся у Запада потенциал тем или иным количеством американских „евро ракет”.

Такую же позицию заняла и сессия Совета НАТО на уровне министров иностранных дел, проходившая в Париже 9—10 июня. Министры отказались принимать во внимание ядерные потенциалы Великобритании и Франции. В заключительном коммюнике говорилось, что размещение крылатых ракет и ракет „Першинг-2” начнется в Западной Европе „в конце 1983 г. в соответствии с графиком, предусмотренным решением 1979 г.”.

Одновременно выражалось стремление к успеху переговоров в Женеве, и тут же провозглашалась поддержка „нулевого” и „промежуточного” вариантов²⁰. Между тем все перечисленное — вещи взаимоисключающие. Объединение несовместимых целей в одном коммюнике могло свидетельствовать лишь о том, что страны НАТО не пожела-ли проявить конструктивного подхода к проблеме ограничения ядерных вооружений в Европе.

На переговорах об ограничении и сокращении стратегических вооружений (ОССВ) советская делегация еще 29 марта 1983 г. внесла проект договора. В этом документе предусматривалось поэтапное сокращение общего числа как стратегических носителей каждой стороны, так и суммы ядерных зарядов на них до равных уровней. При этом на каждом этапе сокращений сохранялся бы паритет.

Эти предложения, основанные на принципе равенства и одинаковой безопасности, не были приняты Западом. Перед началом очередного раунда переговоров об ОССВ президент Рейган выступил 8 июня 1983 г. с „новыми инициативами”. К чему же свелась их новизна? В сущности, американские предложения были подправлены таким образом, что их принятие не только не ограничило бы наращивание стратегической мощи США, но прямо санкционировало бы ее усиление. Речь идет в первую очередь о программах разработки и строительства ракет „МХ” и „Миджитмен”.

После долгих споров о способе базирования „МХ”, начатых еще во времена администрации Картера, президент Рейган 17 декабря 1982 г. назначил „независимую двухпартийную комиссию” из высших чиновников прошлых американских администраций и технических экспертов под председательством отставного генерала Б. Скаукрофта. Комиссия, с одной стороны, констатировала, что между СССР и США существует стратегический паритет, а с другой — рекомендовала пострсить 100 ракет „МХ” и разработать новую ракету „Мид-

житмен" („Карлик"), оснащенную только одной боеголовкой. 24—25 мая 1983 г. обе палаты конгресса одобрили выделение 625 млн. долларов на дальнейшую разработку и проведение испытаний „МХ".

Целью своих „новых инициатив" от 8 июня президент Рейган объявил приведение американской позиции на переговорах в соответствие с рекомендациями комиссии Скаукрофта. В результате такой „корректировки" США предложили увеличить предельное число межконтинентальных баллистических ракет наземного базирования по сравнению с прежними их инициативами (850 единиц у каждой стороны), что позволило бы им в любом случае продолжать работы по программам „МХ" и „Миджитмен".

„Эта позиция целиком приспособлена к происходящему сейчас дальнейшему расширению американских военных программ, — говорилось в докладе первого заместителя Председателя Совета Министров СССР, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко на сессии Верховного Совета СССР 16 июня 1983 г. — Подход Вашингтона остается прежним: подвергнуть ограничениям лишь отдельные, устраивающие американскую сторону компоненты стратегических сил, другие же оставить за рамками договоренности, просто закрыть на них глаза. Фактически США хотели бы разрушить сложившуюся структуру советского стратегического потенциала, себе же сохранить свободу рук в наращивании своих соответствующих вооружений.

Так что гибкость здесь показная. Выхода на взаимоприемлемые соглашения американская позиция не дает. Судя по всему, и цель такая не ставится. Расчет строится на том, чтобы успокоить, а точнее — обмануть общественное мнение, нейтрализовать растущую оппозицию милитаристским приготовлениям Вашингтона"²¹.

Накануне решающего раунда советско-американских переговоров в Женеве, начавшегося 6 сентября 1983 г., Генеральный секретарь ЦК

КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов сообщил о готовности Советского Союза ликвидировать все сокращаемые в европейской части СССР ракеты средней дальности в случае достижения взаимоприемлемого соглашения, включая отказ США от развертывания в Европе новых ракет. Сокращение производилось бы до уровня, равного числу ракет у Великобритании и Франции. Ликвидировано было бы и значительное количество самых современных ракет, известных на Западе под названием СС-20^{2 2}.

Это новое проявление доброй воли со стороны Советского Союза, во-первых, выбило почву из-под распространявшихся в странах НАТО утверждений, будто СССР намерен просто перебазировать подлежащие сокращению ракеты на Восток (хотя советские предложения с самого начала предусматривали, что основным способом сокращения будет уничтожение); во-вторых, лишило оснований высказывавшуюся Японией и Китаем озабоченность по поводу возможности такого перебазирования.

Выступая 26 сентября в ООН, президент Рейган выдвинул „новые” предложения на основе „промежуточного” варианта. Предлагалось сократить число ракет средней дальности у СССР и США в „глобальном масштабе”, но таким образом, что Соединенные Штаты сохранили бы возможность развернуть в дополнение к уже имеющимся ядерным средствам передового базирования в районах и Европы и Азии столько же новых ракет средней дальности, сколько имеется их на всей территории СССР. При этом в Западной Европе, по словам президента, могло бы быть размещено меньше ракет „Першинг-2” и крылатых ракет, чем предусматривалось ранее. Рейган выразил также принципиальное согласие включить в будущее соглашение не только ракеты, но и самолеты среднего радиуса действия — носители ядерного оружия^{2 3}

Эти американские предложения по-прежнему игнорировали основной вопрос на переговорах — наличие ядерных потенциалов у союзников США. Подобно „нулевому” и „промежуточному” вариантам они имели целью добиться равенства только между СССР и США, и не по всем, а только по определенным категориям оружия. В этом случае английские и французские ядерные вооружения дали бы блоку НАТО существенный перевес.

Поскольку Р. Рейган выразил готовность договориться и об авиации, то США, таким образом, признали, что проблема оружия средней дальности не сводится к проблеме ракет наземного базирования. Однако, как отметила мировая печать, проблема ограничения и сокращения самолетов среднего радиуса действия — носителей ядерного оружия настолько сложна, что для достижения соглашения до начала развертывания „евроракет” просто нет времени. Кроме того, это изменение американской позиции было обставлено рядом условий. Первое из них — согласие СССР с позицией США по вопросу о ракетах, в частности, с размещением американских ракет в Европе и других районах. Второе предусматривало, что соглашение ограничит только некоторые самолеты, по произвольному выбору американской стороны²⁴.

Суть американской позиции, отметил в Заявлении от 28 сентября Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов, „сводится к предложению договариваться по-прежнему о том, сколько сокращать советских ракет средней дальности и сколько размещать в Европе новых американских ракет в дополнение к ядерному потенциалу, который уже имеет НАТО”. США „предлагают вести разговор о том, как помочь блоку НАТО сломать к его выгоде существующий в европейской зоне баланс по ядерным средствам средней дальности”²⁵.

* Цель нарушить военно-стратегическое равновесие в

В связи с этим, Ю. В. Андропов заявил, что „добрую волю Советского Союза, его желание договариваться никому не следует принимать за признак слабости. На любую попытку сломать сложившийся военно-стратегический баланс Советский Союз сумеет дать надлежащий ответ, и его слово с делом не разойдется”²⁶.

Позиция Советского Союза получила поддержку других социалистических стран Европы. В коммюнике заседания Комитета министров иностранных дел государств — участников Варшавского Договора, состоявшегося в Софии 13—14 октября, была подтверждена позиция по существу этого вопроса, выраженная в совместном заявлении социалистических стран, принятом в Москве 28 июня 1983 г. На заседании было отмечено, что „если до конца текущего года соглашение на переговорах не будет достигнуто, то необходимо, чтобы переговоры в целях его достижения продолжались в условиях отказа США и их союзников по НАТО от установленных ими самими сроков размещения новых ядерных ракет средней дальности”²⁷.

В связи с тем, что НАТО целенаправленно вела дело к размещению американских ракет в Западной Европе, а США блокировали женевские переговоры, в соответствии с договоренностью между правительствами ГДР и ЧССР и правительством Советского Союза на территориях этих стран были начаты подготовительные работы для развертывания ракетных комплексов оперативно-тактического назначения. Данный шаг носил характер одной из ответных мер на случай размещения американских ракет в Европе²⁸.

Однако Советский Союз не отказывался от поисков договоренности на переговорах, пока Соединенные Штаты своими действиями не сделали ее невозможной.

свою пользу преследовали и новые американские предложения на переговорах об ОССВ (Правда, 1983, 23 октября).

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ю.В. Андропов сообщил о некоторых дополнительных шагах СССР на переговорах, включавших: готовность иметь такое же, как у Великобритании и Франции, число боеголовок на ракетах, даже если при этом у Советского Союза будет меньше пусковых установок (примерно 140); обязательство в случае достижения соглашения в Женеве не перебрасывать ракеты из восточных районов СССР в западные, а после вступления его в силу и при условии, что в азиатском регионе не имели бы места существенные изменения стратегической ситуации, — прекратить развертывание ракет СС-20 в восточных районах; готовность установить равные для СССР и НАТО суммарные уровни самолетоносителей среднего радиуса действия во взаимоприемлемом количественном диапазоне, пусть и существенно отличном от предлагавшегося Советским Союзом ранее²⁹.

Однако Соединенные Штаты не использовали и эти новые возможности для достижения справедливого соглашения. В Вашингтоне прибегли к очередному пропагандистскому трюку, получившему название „уточненного” варианта: установление „равного глобального предельного уровня” в 420 боеголовок на ракетах средней дальности у СССР и США. Этот вариант будто бы учитывал последние советские предложения. Утверждалось, что США пошли навстречу Советскому Союзу, поскольку уровень в 420 боеголовок означает, что СССР сохранит именно 140 ракет, т.е. то число, о котором говорилось в ответах Ю.В. Андропова на вопросы газеты „Правда” 27 октября. Но при этом „уточненные” предложения по-прежнему игнорировали наличие ядерных сил Великобритании и Франции. Сокращение советских ракет при одновременном росте ядерного арсенала НАТО в Европе на 420 единиц дало бы НАТО преимущество по боеголовкам в 2 раза, а по числу ракет — даже в 4 раза. Наконец, в рамках

„глобального подхода” предусматривалось, что уровнем в 140 единиц будет ограничено число ракет, размещенных на всей территории СССР, т.е. не только в его европейской части, но и на Дальнем Востоке. США же получили бы право развернуть 420 ракет там, где им заблагорассудится, лишь бы они достигали советской территории³⁰.

„Уточненный” вариант рекламировался как последнее усилие США на переговорах в Женеве. Но как и все предшествовавшие ему американские варианты — „нулевой”, „промежуточный” и выдвинутый на его основе 26 сентября 1983 г., — он был совершенно неприемлем для СССР и преследовал исключительно пропагандистские цели. Демагогическое „последнее усилие” США на переговорах должно было служить прикрытием начинавшейся доставки в Европу деталей американских ракет.

С той же целью глава делегации США на женевских переговорах П.Нитце распространял сведения, будто советская сторона выдвинула новый вариант договоренности. В действительности речь шла о варианте, который был неофициально предложен американской делегацией. Приписав авторство Советскому Союзу, П.Нитце препарировал содержание таким образом, чтобы создать ложное впечатление о готовности СССР не учитывать английские и французские ядерные силы³¹.

В конце ноября 1983 г. США фактически приступили к размещению своих ракет в Западной Европе. В этой связи 23 ноября на переговорах об ограничении ядерных вооружений в Европе советская делегация заявила о прекращении текущего раунда переговоров без установления какого-либо срока их возобновления³².

В советской печати было опубликовано Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю.В. Андропова, в котором сообщалось о ряде решений, принятых советским руководством в связи с создавшейся обстановкой³³. Советский

Союз, говорилось в Заявлении, считает невозможным свое дальнейшее участие в переговорах об ограничении ядерных вооружений в Европе, поскольку в сложившихся условиях это было бы лишь прикрытием для действий США и ряда других стран НАТО. Советский Союз отменил ранее взятые им на себя в одностороннем порядке обязательства — мораторий на развертывание ядерных средств средней дальности в европейской части страны. Было объявлено об ускорении по согласованию с правительствами ГДР и ЧССР подготовительных работ по размещению на территории этих государств оперативно-тактических ракет повышенной дальности, а также о развертывании в океанских районах и морях советских средств, которые по своим характеристикам будут адекватны той угрозе, которую создают для СССР и его союзников размещаемые в Европе американские ракеты.

Ответные меры, заявил Ю.В. Андропов, будут выдерживаться строго в тех пределах, которые будут диктоваться действиями стран НАТО. Советский Союз не стремится к военному превосходству и будет делать лишь то, что совершенно необходимо для поддержания военного равновесия.

Оставаясь верным принципиальному курсу на прекращение гонки вооружений, Советский Союз убежден, что мир может быть упрочен и безопасность народов гарантирована не путем наращивания и изобретения все новых видов вооружений, а, наоборот, путем сокращения существующих вооружений до неизмеримо более низких уровней.

Примечания

ВВЕДЕНИЕ

¹ Экономические и социальные последствия гонки вооружений и военных расходов. Обновленный доклад Генерального секретаря ООН. Нью-Йорк, 1978, с. 33.

² Документ ООН А/37/386, 27 сентября 1982 г., с. 16.

³ Экономические и социальные последствия гонки вооружений и военных расходов, с. 37, 38, 60.

⁴ Там же, с. 61.

⁵ Там же, с. 39–40.

⁶ Projections of post-Vietnam economy, 1975. U.S. Department of Labour, Bureau of Labour Statistics, 1972; The structure of the U.S. economy in 1980 and 1985. U.S. Department of Labour, Bureau of Labour Statistics, 1976. Данные относятся к 1975 г.

⁷ Экономические и социальные последствия гонки вооружений и военных расходов, с. 40–42.

⁸ Примерно 1/5 военных расходов в мире идет на ядерные вооружения. (Документ ООН А/37/386, с. 17).

⁹ Там же.

¹⁰ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 5.

¹¹ П л а т о н о в А. А. Крупнейшее достижение в области ограничения вооружений. — США: экономика, политика, идеология, 1979, № 9, с. 15.

¹² The military balance, 1982–1983. London, 1982, p. XVIII.

¹³ Документ ООН А/37/386, с. 32.

¹⁴ США: военно-стратегические концепции. Отв. ред. Р. Г. Богданов, М. А. Мильштейн, Л. С. Семейко. М., 1980, с. 221–223.

Театр войны — пространство, в пределах которого вооруженные силы государств могут вести военные действия (обычно это континент с прилегающими акваториями или океан с побережьями) — может подразделяться на театры военных действий. (Советская военная энциклопедия. М., 1980, т. 8, с. 8–9).

¹⁵ SIPRI yearbook 1982. World armaments and disarmament, London, 1982, p. XXI.

¹⁶ Правда, 1981, 5 ноября,

Глава I

- 1 Коммунист, 1979, № 15, с. 25.
- 2 Правда, 1977, 19 января.
- 3 Правда, 1982, 27 сентября.
- 4 История дипломатии. Под ред. А. А. Громыко и др., т. V, кн. 2. 2-е изд. М., 1979, с. 160.
- 5 Правда, 1981, 25 июля.
- 6 США: экономика, политика, идеология, 1979, № 1, с. 4.
- 7 Правда, 1982, 5 октября.
- 8 Правда, 1982, 12 июля.
- 9 Generale für den Frieden. G. Kade (Hrsg.). Köln, 1981, S. 227.
- 10 Негриот Е. La Russie nouvelle. Paris, 1922, p. 144.
- 11 Фишер Л. The Soviets in world affairs: A history of relations between the Soviet Union and the rest of the world. London, 1930, vol. 1, p. 22.
- 12 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 304.
- 13 Международное право в избранных документах, т. 1. М., 1957, с. 15.
- 14 Внешняя политика СССР. Сб. док., т. 1. М., 1944, с. 15.
- 15 Там же, с. 18.
- 16 В о с к х о ф ф Е. Н. Antibolschewistischer Völkerkampf. – Die Aktion, 1942, November, S. 45.
- 17 Ibidem.
- 18 Д о р м а н н М. Militärstrategie als Thema deutscher Politik 1949–1968. Freiburg i. Br., 1970, S. 119.
- 19 Откуда исходит угроза миру. М., 1982, с. 76.
- 20 А s p r i n Л. Misreading intelligence. – Foreign policy, 1981, Summer, N 43, p. 168.
- 21 Н о r o w i t z D. Kalter Krieg. Berlin (West), 1969, S. 322–323.
- 22 Правда, 1982, 7 декабря.
- 23 К а d e G. Wer bedroht uns? SS-20 oder Pershing II /Cruise-Missiles. Köln, 1981, S. 34.
- 24 First use of nuclear weapons: Preserving responsible control. Washington, 1976, p. 29.
- 25 Scientific american, 1975, July.
- 26 Defense monitor, 1974, Май, p. 2.
- 27 К а d e G. Op. cit., §. 21.
- 28 Агрессивная доктрина НАТО – угроза миру. Берлин, 1980, с. 15.
- 29 Generale für den Frieden, S. 128.
- 30 Ibid., S. 277.
- 31 Цит. по: А m b r o s e S. E. Rise to globalism: American foreign

policy since 1938. London, 1971, p. 19.

32 Западная Европа и США. Очерк политических взаимоотношений. Под ред. Д. Е. Мельникова. М., 1968, с. 5.

33 США – Западная Европа: партнерство и соперничество. Отв. ред. Ю. П. Давыдов. М., 1978, с. 245.

34 Мировая экономика и международные отношения, 1979, № 7, с. 17.

35 Правда, 1982, 24 и 25 сентября, 3, 4 и 5 октября; Горский В. Экономические противоречия между ЕЭС и США. – Мировая экономика и международные отношения, 1981, № 12, с. 91.

36 Правда, 1982, 4 октября.

37 Цит. по: США – Западная Европа..., с. 266.

38 Кокошин А. А. США: за фасадом глобальной политики. (Внутренние факторы формирования внешней политики американского империализма на пороге 80-х годов). М., 1981, с. 31.

39 Правда, 1982, 4 октября.

40 Time, 1981, February 16, p. 57.

41 Kade G. Op. cit., S. 102–103.

42 Amerongen O. W. von. Economic sanctions as a foreign policy tool? – International security, 1980, Fall, p. 164.

43 Grandt W. From the perspective of survival. – Trialogue quarterly, 1980–1981, Winter, p. 9; Finlayson J., Marantz P. Interdependence and East-West relations. – Orbis, 1982, Spring, p. 183.

44 Strengthening deterrence: NATO and the credibility of Western defense in the 1980's. Cambridge (Mass.), 1981, p. 9. Цит. по: Воронцов Г. Европа: происки Вашингтона и императивы разрядки. – Мировая экономика и международные отношения, 1982, № 12, с. 52.

45 Военно-блоковая политика империализма. История и современность. Под ред. П. А. Жилина, Р. Брюля. М., 1980, с. 210.

46 США – Западная Европа..., с. 157.

47 Воронцов Г. А. США и Западная Европа: новый этап отношений. М., 1979, с. 190.

48 Kissinger H. American foreign policy. Washington, 1969, p. 68.

49 США – Западная Европа..., с. 169.

50 Там же, с. 163–164.

51 Воронцов Г. А. США и Западная Европа..., с. 48.

52 США – Западная Европа..., с. 125.

53 Там же, с. 179.

54 NATO review, 1982, N 3, p. 25.

55 Spiegel, 1982, N 20, S. 23.

56 Цит. по: Kade G. Op. cit., S. 98.

Глава II

1 А р б а т о в А. Стратегия ядерного безрассудства. — Коммунист, 1981, № 6, с. 102.

2 Цит. по: А р б а т о в А. Указ. соч., с. 106.

3 США: военно-стратегические концепции. Под ред. Р. Г. Богданова, М. А. Мильштейна, Л. С. Семейко. М., 1980; Т р о ф и м е н к о Г. А. Стратегия глобальной войны. М., 1968; О н ж е. США: политика, война, идеология. М., 1976.

4 Цит. по: М о r t o n L. The decision to use the atomic bomb. — Foreign affairs, 1957, January, p. 347.

5 Цит. по: Н о r o w i t z D. The free world colossus. London, 1965, p. 241.

6 Foreign relations of the United States, 1950. Washington, 1977, vol. 1.

7 United States — Vietnam relations, 1945—1967. Study prepared by the Department of Defense. Book 9. Washington, 1971.

8 New York Herald Tribune, 1954, January 13.

9 Цит. по: Новое время, 1982, № 47, приложение, с. 5.

10 New York Times Magazine, 1954, March 28.

11 США: военно-стратегические концепции, с. 50—52.

12 Там же; Военно-блоковая политика империализма. История и современность. Под ред. П. А. Жилина, Р. Брюля. М., 1980.

13 М с N а m а r a R. S. The essence of security: Reflections in office. N. Y., 1968, p. 52.

14 Spiegel, 1965, N 28, S. 62.

15 NATO letter, 1968, January p. 25. В основу официальной военной доктрины США она была положена еще в 1961 г.

16 США: военно-стратегические концепции, с. 57—60.

17 Там же; Военно-блоковая политика империализма, с. 359.

18 U. S. foreign policy for the 1970's: The emerging structure of peace. A report to the Congress by R. Nixon, President of the United States, February 9, 1972. Washington, 1972, p. 176.

19 США: военно-стратегические концепции, с. 62—73.

20 K i s s i n g e r H. A. Nuclear weapons and foreign policy. N. Y., 1957; L i d d e l H a r t B. H. Deterrent or defense. London, 1960; O s g o o d R. E. Limited war: The challenger to American strategy. Chicago, 1957; T a u l o r M. D. The uncertain trumpet. N. Y., 1960.

21 США: военно-стратегические концепции, с. 202—205.

22 Survival, 1974, N 2, p. 87—90.

23 Как отмечают К. Грей и К. Пейн, это решение было компромиссом между „оптимистами”, принадлежащими к школе „минимального устрашения”, и „пессимистами” — сторонниками „убеждения посредством войны” (G r a y C. S., P a u n e K. Victory is possible. — Foreign policy, 1980, Summer, N 39, p. 18).

- 24 А р б а т о в А. Указ. соч., с. 103.
- 25 E r s t e i n J. M. On conventional deterrence in Europe: Questions of Soviet confidence. — *Orbis*, 1982, Spring, p. 84.
- 26 M a u n e s Ch. W. Old errors in the new Cold War. — *Foreign policy*, 1982, Spring, N 46, p. 99.
- 27 Правда, 1982, 12 июля.
- 28 Там же.
- 29 Там же.
- 30 K a h n H. On thermonuclear war. Princeton, 1961; I d e m. Thinking about the unthinkable. Princeton, 1962.
- 31 A r o n R. Paix et guerre entre les nations. Paris, 1962.
- 32 G r a u C. S., P a u n e K. Op. cit., p. 14, 19, 26.
- 33 Правда, 1982, 12 июля.
- 34 Правда, 1981, 10 мая.
- 35 Правда, 1982, 22 декабря.
- 36 Правда, 1980, 1 июля.
- 37 Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 21.
- 38 M a u n e s Ch. W. Op. cit., p. 101–102.
- 39 См.: А р б а т о в А. Указ. соч., с. 109.
- 40 Ж у р к и н В. В. Республиканская администрация: формирование военно-политической стратегии. — США: экономика, политика, идеология, 1981, № 11, с. 6–9.
- 41 Правда, 1982, 12 июля; *New York Times*, 1982, May 30, June 1.
- 42 Ж у р к и н В. В. Указ. соч., с. 9.
- 43 См.: Н о в о с е л о в а Н. Н. СССР и США: два противоположных подхода к проблеме международной безопасности. — Новая и новейшая история, 1981, № 6, с. 3–20.
- 44 S r u k m a n N. J. America's strategy in world politics: The United States and the balance of power. N. Y., 1942, p. 13.
- 45 U. S. News and World Report, 1980, July 28, p. 72.
- 46 U. S. News and World Report, 1981, Dec. 29 — 1982, Jan. 3, p. 31.
- 47 M a u n e s Ch. W. Op. cit., p. 97.
- 48 Ibid., p. 91.
- 49 Н о в о с е л о в а Н. Н. Указ. соч., с. 12.
- 50 Правда, 1983, 29 сентября.
- 51 Grand strategy for the 1980's. Washington, 1978, p. 14.
- 52 B e l l a n y J. The central balance: Arms race and arms control. — In: Super powers and world order. C. Holbraad (ed.). Canberra, 1971, p. 47.
- 53 S t e i n b r u n e r G. D. Nuclear decapitation. — *Foreign policy*, 1981–1982, Winter, N 45, p. 17.

- 54 Ibidem.
- 55 Ibidem.
- 56 Сведения приводятся в основном по данным журнала „Зарубежное военное обозрение”, 1982, № 1–3, 5–7.
- 57 Los Angeles Times, 1982, August 17.
- 58 New York Times, 1982, May 30.
- 59 „Министр обороны К. Уайнбергер приказал военно-воздушным силам в течение пяти лет принять на вооружение систему противоспутникового оружия в рамках всеобъемлющей программы президента Рейгана”, – сообщила „Нью-Йорк таймс” 7 июня 1982 г.
- 60 Los Angeles Times, 1982, August 17.
- 61 Правда, 1982, 25 августа.
- 62 U. S. News and World Report, 1982, June 14, p. 33.
- 63 Правда, 1982, 20 августа.
- 64 Правда, 1982, 22 августа.
- 65 Sunday Times, 1982, August 22.
- 66 Правда, 1982, 20 августа.
- 67 Guardian, 1982, August 26.
- 68 Правда, 1982, 18 августа.
- 69 Правда, 1982, 22 декабря.

Глава III

- 1 SIPRI yearbook 1982. World armaments and disarmament. London, 1982, p. 6.
- 2 Б у р г е с с Э. Баллистические ракеты дальнего действия. М., 1963, с. 8. См. также: Л э п п Р. Э. Убийство и сверхубийство. М., 1964, с. 72.
- 3 Б у р г е с с Э. Управляемое реактивное оружие. М., 1958, с. 266.
- 4 SIPRI. Tactical nuclear weapons: European perspectives. London, 1978, p. 125.
- 5 М е л ь н и к о в Ю. М. Сила и бессилие: Внешняя политика Вашингтона. 1945–1982 гг. М., 1983, с. 138.
- 6 Л и д е р Ю. НАТО: Очерки истории и доктрины. М., 1964, с. 192.
- 7 Л а н В. И. США в военные и послевоенные годы. М., 1978, с. 492.
- 8 Documents on American foreign relations, 1957. Washington, 1958, p. 102.
- 9 Department of State bulletin, 1958, January 6, p. 14.
- 10 Nation, 1958, January.
- 11 Х а л о ш а Б. М. Североатлантический блок. М., 1960, с. 133.

- 12 SIPRI yearbook 1982, p. 7–8.
- 13 A r m a s o s t M. H. The 'politics of weapons innovation: The Thor-Jupiter controversy. N. Y.; London, 1969.
- 14 Т р у х а н о в с к и й В. Г. Стратегическое ядерное оружие Англии. — Вопросы истории, 1981, № 4, с. 76.
- 15 Военно-блоковая политика империализма: История и современность. Под ред. П. А. Жилина, Р. Брюля. М., 1980, с. 257.
- 16 Правда, 1981, 3 ноября.
- 17 И г н а т ь е в Р. Американская баллистическая ракета средней дальности „Першинг-2”. — Зарубежное военное обозрение, 1982, № 1, с. 38–42.
- 18 National defense, 1982, April, p. 67.
- 19 Stern, 1981, N 44, S. 91.
- 20 Neue Zürcher Zeitung, 1976, 14.–15. November.
- 21 Правда, 1981, 25 июля.
- 22 Analysis of arms control impact: Statements submitted in connection with the FY 1978 budget request. Washington, 1977, p. 90.
- 23 Ibid., p. 81.
- 24 Ibid., p. 128.
- 25 Цит. по: Stern, 1981, N 43, S. 90.
- 26 Ibid., S. 95.
- 27 Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung, 1977, 8. November, N 112, S. 1014.
- 28 Ibidem.
- 29 Ibid., S. 1015.
- 30 Ibid., S. 1014–1015.
- 31 R u t h F. Rüstungskontrolle und Abrüstung: Instrument der Friedenssicherung. — Aussenpolitik, 1982, H. 1, S. 9.

Г л а в а IV

- 1 Keesing's contemporary archives, 1977, p. 28417.
- 2 Keesing's contemporary archives, 1978, p. 29142.
- 3 Keesing's contemporary archives, 1979, p. 29484.
- 4 Ibid., p. 29483–29484.
- 5 Neue Zürcher Zeitung, 1978, 5. Dezember.
- 6 SIPRI yearbook 1982. World armaments and disarmament. London, 1982, p. 34; М е л ь н и к о в Ю. М. Сила и бессилие: Внешняя политика Вашингтона. 1945–1982 гг. М., 1983, с. 290.
- 7 Süddeutsche Zeitung, 1979, 25. April.
- 8 Keesing's contemporary archives, 1979, p. 29912–29913.
- 9 Ibid., p. 29912.
- 10 Washington Post, 1981, November 18.

- 11 Financial Times, 1979, November 15.
- 12 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 1979, 15. November.
- 13 Alhemein-dahblad, 1979, 15. November.
- 14 Guardian, 1979, November 14.
- 15 Frankfurter Allgemeine Zeitung, 1979, 15. November.
- 16 Archiv der Gegenwart, 1979, S. 23113.
- 17 Ibidem.
- 18 Ibid., S. 23114.
- 19 Monde, 1979, Decembre 13.
- 20 Archiv der Gegenwart, 1979, S. 23114–23115.
- 21 S i g a l L. V. Kennan's cuts. – Foreign policy, 1981, Fall, N 44, p. 77.
- 22 E a g l e b u r g e r L. S. The US approach to the negotiations on intermediate-range nuclear forces. – NATO review, 1982, N 1, p. 8.
- 23 Stern, 1981, N 43, S. 95.
- 24 Frankfurter Rundschau, 1979, 12. Dezember.
- 25 Daily Telegraph, 1979, December 13.
- 26 Правда, 1979, 25 ноября.
- 27 Правда, 1979, 22 декабря; 1980, 11 января и 19 февраля.
- 28 Правда, 1981, 3 ноября.
- 29 Es geht ums Überleben: Warum wir die Atomraketen ablehnen. K. D. Bredthauer, Mannhardt (Hrsg.). Köln, 1981, S. 64.
- 30 По состоянию на 1 октября 1983 г.
- 31 The military balance, 1982–1983. London, 1982, p. 134–137.
- 32 SIPRI yearbook 1982, p. 29.
- 33 Ibid., p. 4, 30.
- 34 Красная звезда, 1983, 7 апреля.
- 35 Die Sowjetunion als Weltmacht. Berlin (West), 1976, S. 9.
- 36 B u n d y M., K e n n a n G. F., M e N a m a r a R. S., S m i t h G. Nuclear weapons and the Atlantic alliance. – Foreign affairs, 1982, Spring, p. 755.
- 37 SIPRI yearbook 1982, p. 26.
- 38 Ibidem.
- 39 B u n d y M. et al. Op. cit., p. 755.
- 40 Financial Times, 1979, December 14.
- 41 W a r n k e P. C. Theater-nuclear forces and NATO security. Orbis, 1981, Fall, p. 503.
- 42 R u t h F. Rüstungskontrolle und Abrüstung: Instrument der Friedenssicherung. – Aussenpolitik, 1982, H. 1, S. 9.
- 43 E a g l e b u r g e r L. S. Op. cit., p. 8.
- 44 SIPRI yearbook 1982, p. 26; Washington Post, 1981, November 22.

- 45 Правда, 1981, 3 ноября.
46 SIPRI yearbook 1982, p. XXXVII.
47 G r a u C. S., P a u n e K. Victory is possible. — Foreign policy, 1980, Summer, N 39, p. 26.
48 Ibid., p. 20.
49 SIPRI yearbook 1982, p. 4.
50 R u t h F. Op. cit., S. 11.

Глава V

- 1 B u n d y M. et al. Op. cit., p. 755.
2 См.: Л е б е д е в А. Народные массы в мировой политике. — Международная жизнь, 1982, № 8, с. 63.
3 Цит. по: Frankfurter Rundschau, 1981, 27. Februar.
4 S c h n e i d e r H. Britische Friedenskräfte gegen das atomare Wettrüsten. — Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1982, N 5, S. 432–434.
5 Nachrüstung: Sicherheitspolitik wird zum Sicherheitsrisiko. München, 1981, S. 23.
6 Stern, 1981, N 51, S. 86.
7 Blätter für deutsche und internationale Politik, 1980, H. 12, S. 1513.
8 Es geht ums Überleben: Warum wir die Atomraketen ablehnen. K. D. Bredthauer, K. Mannhardt (Hrsg.). Köln, 1981, S. 178.
9 Ibid., S. 163.
10 Generale für den Frieden. G. Kade (Hrsg.). Köln, 1981, S. 65–66.
11 Ibid., S. 69.
12 Ibid., S. 151–153.
13 Ibid., S. 301.
14 Ibid., S. 269.
15 Ibid., S. 273.
16 Blätter für deutsche und internationale Politik, 1980, H. 11, S. 1328–1342.
17 M a s k e A. „Direktive 59“ — Einstimmung auf den atomaren „Erstschlag“. — In: Es geht ums Überleben, S. 90.
18 G u h a A.-A. Rüstung und „Nachrüstung“ oder Die Absage an die Vernunft in der Politik. — In: Es geht ums Überleben, S. 98.
19 Ibid., S. 100.
20 A l b r e c h t U. Was können Christen gegen die Atomkriegsgefahr tun? — In: Es geht ums Überleben, S. 124.
21 N i e m ö l l e r M. Man kann wieder vom Frieden sprechen. — In: Es geht ums Überleben, S. 128.
22 M e c h t e r s h e i m e r A. Acht Thesen zur neuen Atom-

kriegsstrategie der USA und zur „Nachrüstung“. — In: Es geht ums Überleben, S. 143.

²³ Arms control today, 1978, vol. 8, N 1, p. 5.

²⁴ Ibid., p. 3.

²⁵ Lee J. M. An opening „window” for arms control. — Foreign affairs, 1979, Fall, p. 124.

²⁶ Linebaugh D. European security: Three proposals. — Bulletin of the atomic scientists, 1979, N 1, p. 13–14.

²⁷ Überleben die Deutschen? Der holländische Militärexperte de Vries zur NATO-Nachrüstung. — Spiegel, 1979, N 50, S. 22–23.

²⁸ Unsere Zeit, 1979, 14. Dezember.

²⁹ Neues Deutschland, 1981, 11. Juni.

³⁰ Horizont, 1981, N 27, S. 25.

³¹ Blätter für deutsche und internationale Politik, 1981, N 1, S. 118–120.

Глава VI

¹ Правда, 1968, 2 июля.

² Проблемы военной разрядки. Отв. ред. А. Д. Никонов. М., 1981, с. 149.

³ Правда, 1971, 20 мая.

⁴ Советский Союз в борьбе за разоружение. Сб. док. 1917–1977. М., 1977, док. 21, 22.

⁵ История внешней политики СССР. 1917–1980. Под ред. А. А. Громыко, Б. Н. Пономарева. Т. 2, 4-е изд. М., 1981, с. 494.

⁶ Проблемы военной разрядки, с. 154.

⁷ Внешняя политика Советского Союза. Актуальные проблемы. Под ред. Н. И. Лебедева, Н. М. Никольского. М., 1976, с. 144.

⁸ История дипломатии. Под ред. А. А. Громыко и др., т. V, кн. 2, 2-е изд. М., 1979, с. 206.

⁹ Lellouche P. Science and disarmament. — NATO review, 1982, N 1, p. 16–17.

¹⁰ Aspin L. Misreading intelligence. — Foreign policy, 1981, Summer, N 43, p. 168.

¹¹ Правда, 1977, 1 апреля.

¹² Congressional record, Senate, 92d Congress, 2d session, S.J. Res. 241.

¹³ В 1979 г. американский адмирал в отставке Дж. Ли приводил такие данные: около 70% стратегических боеголовок СССР размещено на МБР, а у США на них приходится четверть боеголовок и 40% мощности зарядов. (Lee J. M. An opening „window” for arms control. — Foreign affairs, 1979, Fall, 129).

¹⁴ Советский Союз в борьбе за разоружение, док. 26.

- 15 Правда, 1977, 1 апреля; 1979; 25 ноября.
- 16 Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 23.
- 17 Правда, 1977, 1, 2 и 3 апреля; Тумковский Р. Г. Советско-американские переговоры об ограничении стратегических вооружений. — Вопросы истории, 1979, № 3, с. 70–71.
- 18 Громыко А. А. Во имя торжества ленинской внешней политики. Избранные речи и статьи. М., 1978, с. 497.
- 19 Правда, 1977, 22 мая.
- 20 Ради мира на земле. Советско-американская встреча на высшем уровне в Вене 15–18 июня 1979 г. Документы, речи, материалы. М., 1979.
- 21 Там же, с. 68–69.
- 22 Hamilton J. A. To link or not to link. — Foreign policy, 1981, Fall, N 44, p. 133–138, 143–144; Finlayson J., Marantz P. Interdependence and East-West relations. — Orbis, 1982, Spring, p. 177; Kegley Ch. W., Wittkopf E. R. The Reagan administration's world view. — Ibid., p. 231; Ковалева О., Симонов Ю. Устарелые рецепты буржуазной теории дипломатии. — Международная жизнь, 1982, № 8, с. 122–123.
- 23 Правда, 1978, 24 ноября.
- 24 Правда, 1979, 3 марта.
- 25 Правда, 1979, 26 июня.
- 26 Правда, 1979, 7 октября.
- 27 Правда, 1979, 6 ноября.
- 28 Keesing's contemporary archives, 1978, p. 29142.
- 29 Keesing's contemporary archives, 1979, p. 29912.
- 30 Ibid., p. 29913.
- 31 Ibid., p. 29912.
- 32 Keesing's contemporary archives, 1980, p. 30160.
- 33 Ibidem.
- 34 Archiv der Gegenwart, 1979, S. 23113.
- 35 Ibid., S. 23115.
- 36 Правда, 1979, 25 ноября.
- 37 Archiv der Gegenwart, 1979, S. 23115.
- 38 Правда, 1979, 25 ноября.
- 39 Правда, 1980, 11 и 13 января, 19 февраля.
- 40 Department of State bulletin, 1980, N 2040, p. 14.
- 41 Правда, 1980, 5 июля.
- 42 Громыко А. А. Разоружение — насущная проблема современности. — Коммунист, 1980, № 11, с. 19–20.
- 43 Правда, 1979, 7 октября, 25 ноября.
- 44 Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 30.
- 45 Правда, 1981, 8 апреля.

- 46 Там же.
- 47 Правда, 1982, 19 мая.
- 48 Правда, 1981, 23 мая.
- 49 Правда, 1981, 24 июня.
- 50 G i b s o n G. T. Dateline West Germany: The marred miracle. — Foreign policy, 1982, Spring, N 46, p. 186.
- 51 Financial Times, 1981, October 21.
- 52 Department of State bulletin, 1981, N 2053, p. 31–32.
- 53 Department of State bulletin, 1981, N 2057, p. 10–13.
- 54 M a y n e s Ch. W. Old errors in the new Cold War. — Foreign policy, 1982, Spring, N 46, p. 98–99.
- 55 SIPRI yearbook 1982. World armaments and disarmament. London, 1982, p. 41.
- 56 Ibid., p. 44.
- 57 Newsweek, 1982, June 14, p. 13.
- 58 Правда, 1981, 3 ноября.
- 59 Правда, 1981, 24 ноября.
- 60 Там же.
- 61 Правда, 1982, 10 февраля.
- 62 Там же.
- 63 Правда, 1982, 4 февраля.
- 64 Правда, 1982, 17 марта.
- 65 Правда, 1982, 12 июля.
- 66 Правда, 1982, 20 августа.
- 67 U.S. foreign policy for the 1970's: Shaping a durable peace. A report to the Congress by R. Nixon, President of the United States, February 9, 1972. Washington, 1972, p. 43.
- 68 Vorwärts, 1983, 20. Januar.
- 69 Д а в ы д о в В. Ф., О б е р е м к о Т. В., У т к и н А. И. США и западноевропейские „центры силы”. М., 1978, с. 71.
- 70 Правда, 1982, 22 декабря.
- 71 Правда, 1983, 2 января.
- 72 Правда, 1982, 22 декабря.
- 73 Правда, 1983, 2 января; B u r t R. The evolution of the US START approach. — NATO review, 1982, N 4, p. 1–7.
- 74 Правда, 1982, 31 декабря.

Вместо заключения

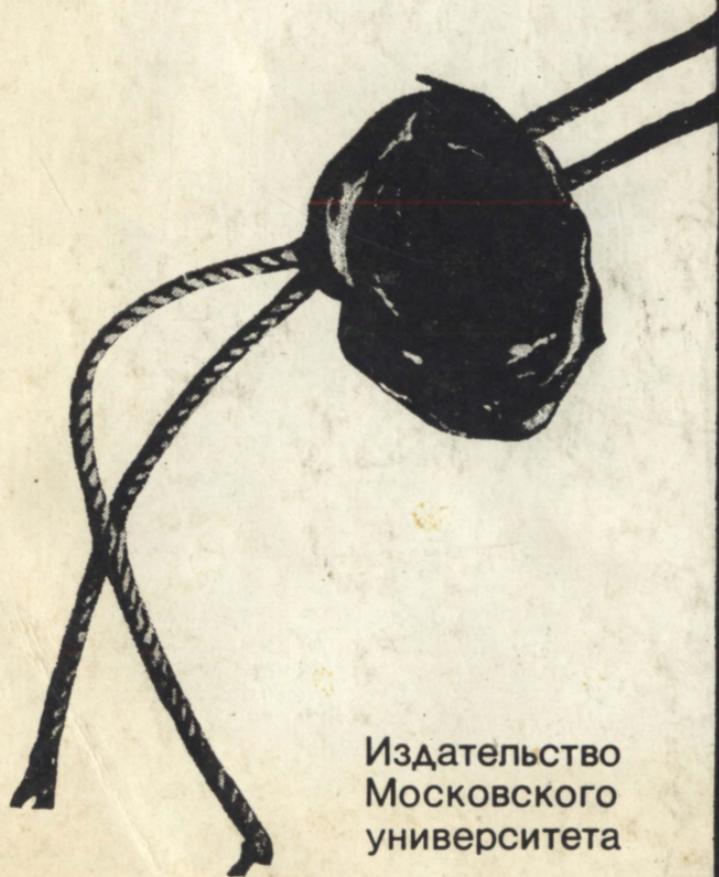
- 1 Правда, 1983, 18 февраля.
- 2 Правда, 1983, 23 февраля.
- 3 Правда, 1983, 8 января.
- 4 Правда, 1983, 7 января.
- 5 Europa-Archiv, 1983, Н. 10, S. D261.
- 6 Ibid., S. D261–D263.
- 7 Ibid., S. D264–D265.
- 8 Ibid., S. D267–D270.
- 9 Правда, 1983, 27 марта.
- 10 International Herald Tribune, 1983, March 30.
- 11 Europa-Archiv, 1983, Н. 10, S. D274; International Herald Tribune, 1983, March 31.
- 12 Правда, 1983, 3 апреля.
- 13 Правда, 1983, 25 апреля.
- 14 Правда, 1983, 8 апреля.
- 15 Правда, 1983, 4 мая.
- 16 Правда, 1983, 11 мая.
- 17 Правда, 1983, 28 мая.
- 18 Правда, 1983, 29 июня.
- 19 Europa-Archiv, 1983, Н. 12, S. D333.
- 20 Правда, 1983, 12 июня.
- 21 Правда, 1983, 17 июня.
- 22 Правда, 1983, 27 августа.
- 23 Правда, 1983, 4 октября.
- 24 Там же.
- 25 Правда, 1983, 29 сентября.
- 26 Там же.
- 27 Правда, 1983, 15 октября.
- 28 Правда, 1983, 25 октября.
- 29 Правда, 1983, 27 октября.
- 30 Правда, 1983, 18 ноября.
- 31 Правда, 1983, 22 ноября.
- 32 Правда, 1983, 24 ноября.
- 33 Правда, 1983, 25 ноября.

Оглавление

Введение	5
Глава I	
Американская альтернатива разрядке	17
Сколько лет мифу о „советской угрозе“?	22
США — Западная Европа: „атлантическое” партнерство и межимпериалистические противоречия	34
Глава II	
Военная стратегия и ядерные концепции США	46
От „массированного возмездия” к „реалистическому устрашению”	48
Директива № 59: план „ограниченной” ядерной войны	60
Стратегия „прямого противоборства”	72
От „ограниченной” к „затяжной” ядерной войне	92
Глава III	
Из истории ракет средней дальности в Европе	100
От „Торов” и „Юпитеров” к „Першингам” и крылатым ракетам	100
Официальная „реанимация”	118
Глава IV	
Решение о развертывании „евроракет”	124
Принятие решения НАТО о „модерниза- ции”	124
Аргументы сторонников „довооружения”	140
Глава V	
О тех, кто против	155
Мировая общественность против амери- канских ракет	156
Критика планов „довооружения” НАТО	182
Глава VI	
„Евроракеты” и проблема ограничения во- оружений	190
ОСВ и средства передового базирования США	191
Кто инициатор переговоров?	202
Два подхода к обеспечению европейской безопасности	212
Вместо заключения	224
Примечания	243

60 коп

Издательство
Московского
университета